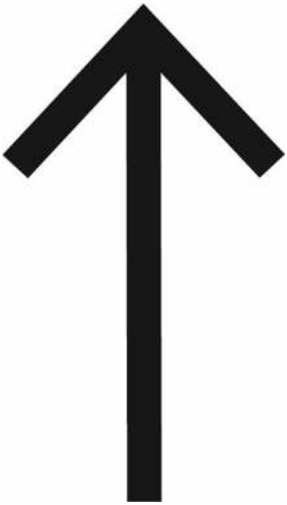
ОСЕНЬ НАШИХ СОБОРОВ

(OPUS FRANCIGENUM)



ЧАСТЬ 1.

1. ВРАТА МАРТИНА. РАЗВИЛКА И ОТСЕЧЕНИЕ. МИСТЕРИЯ КАПЕЛЛЫ. КРИК МЕЛЮЗИНЫ.

Начало.

Новое Паломничество.

Золотая осень. Покрова. Нам лететь во Францию, в Измерение Мартина Турского, Людовика Святого, Николя Фламеля, Дионисия Ареопагита, Сюжера и Бернарда Клервоского...

В который раз читаю первый Опус Фулканелли: световая печаль особым зовом сковывает насыщенно-синим комом горло и сердце ноет о сущностной Передаче. Испытываю попрание своего образа, чувствуя, как золотыми листьями опадают качества и свойства. Ощущаю все свои труды, написанные книги и множество надиктованных роликов, немым шепотом...

Пресветлая грусть, прозрачно-чистым стеклом, принимает наличное Белое вино в себя.

Два Кота.

Теперь у нас два Кота, Шэнь и Мартин, мы не смогли долго жить без этих сиятельных бестий и, оплакав Дорофея, взяли новых. Двух мальчиков.

Коты уже пообвыклись и провожают меня в дорогу, глядя озорными глазёнками.

Третий год практически непрерывных Пилигримажей. Как-то так управилось и было даровано. Вся жизнь, с определённых пор, представляет собою ступени в Пустоте: они возникают по мере продвижения. Видно несколько следующих поворотов... не более.

Франция...

Приватизация духовных пространств всегда кончается тем, что нарко-алкогольный делирий выглядит более привлекательно, чем морально-этическое концептуальное благочестие. И, ясное дело, капля Люцифера в ангелических сферах становится опусом небезразличия в деле оперативных огней конкретного продвижения. В конце концов, какая разница: пусть и проститутка − это

лучше, чем лубочно-сентиментальные цитаты в соцсетях и приторные картинки с упитанными ангелятами, активно участвующими в деле наведения эрзацев Святости на население.

Когда-то, в Нашей Даме Парижа, свет герметико-алхимического Гнозиса, посредством Западной и других Роз освещал христианские пенаты главного Храма...

Готические Храмы.

Именно Они стали причиной, первопричиной, этих скитаний и странствий. Порезавшись краями Сердца о Фулканелли, узрел сию тему как бы с другой стороны.

От общего, от звучания мета-Измерения всего Котла Храма − к частностям.

Более, чем за тысячу дней, совершено тридцать три поездки за границу и прихождение к большому числу упомянутых Тамплей. По мере такого общения с данной Передачей, многое прояснилось, что и нашло своё отражение в ряде отчётов-книг и надиктованных роликов. Герметика Романо-Готических Храмов открылась Гнозисом Пяти Роз в Измерении Вечного Сентября...

Если попробовать сообщить сущностно и сверхкратко, то Суть вопроса состоит в оперативном обретении, очищении и фиксации Андрогинной Пневмы, которая и так является базой Проявления вообще и человеческой жизни, в частности. Особенно зримо сие в случае здорового ребёнка и модуса его состояний.

Андрогинат не создаётся, он восстанавливается, ибо Изначальное Состояние Нейтрально и только потом распадается на Мужское и Женское. В Христианском Предании это описано как грехопадение Адама. Из сего момента понятен смысл Любви как эротического приближения реставрации Изначального...

Готический Храм своей архитектоникой может даровать Посвящения в указанные темы; его Крест Нефа и Трансепта транслирует Иерогамию, а Средокрестие создаёт условия проявления Столба Андрогинной Пневмы исключительно высокого качества.

Возникает, только, каскад непростых вопросов, как эту самую Пневму конкретно обрести, провести сверху вниз (одухотворив тело), далее − специфицировать под весь сноп вопросов, связанных с обстоятельствами личной судьбы и чаемой Реализации... Все эти нюансировки и адаптации как раз и представляют основной секрет, связанный с математически точным распознаванием

катафатических кодов. Всегда, тем не менее, в случае «потери Тропы», есть возможность прояснения ситуации, возвращаясь на необходимое количество шагов к Пустому Истоку, то есть − к Первозданной Пустоте (что связано с Растворением).

Однако, нетворящая, замершая Пустота мертва, она ампутирует левое крыло Истинной Формулы и потому вне каскадов Проявления, является сатанинским нигилизмом, так умело освоенным Лаканом в частности...

Романское Зодчество более связано с Апофатикой и задаёт параметры чувственного настроя на волну Девственного баланса Суровости и Расслабления. Готика, особенно Пламенеющая, в очень детальных и сложных Узорах, излучает образцы Катафатических Каскадов, причём они разворачиваются параллельными и последовательными сериями, уже так являя ещё раз андрогинность Креста.

Различные Готические Соборы даруют веер базовых Формул, взаимодействуя с которыми, оператор имеет шансы вскрыть свою. Когда такое раскрытие произведено − тогда оператор встал на Путь и обрёл право на Герб.

Современная ситуация усугублена большой степенью загрязнения Романо-Готического наследия внедрением в него всецело чуждых стилей − классицизма и барокко. Сие похоже на то, как если бы в чистое пламя костра, созданного благовонным подношением особо приготовленных дров благородных видов древесины, бросить какое-то количество полиэтилена: в итоге, зловоние и коптящий дым.

Если ранее можно было прямо и непосредственно взаимодействовать с Готическими Святынями, то сейчас необходима, в первую очередь, точная Операция Разделения, а также − Растворения привнесённой мути. В данном контексте, правда в меньшей мере, актуальна и Коагуляция, восполняющая изъятые ключевые элементы (пример: воображаемо-чувственное помещение Тернового Венца на соответствующее место в Сент-Шапель).

В общем, такое объёмное и тотальное взаимодействие с Романо-Готикой, чаще всего не даст прямого и конкретного понимания всей специфики Опуса, но может сыграть роль Первой Опе-

рации, которая и главная, и − открывает Врата. Часто сие означается как «упование на помощь Бога» и «усердную Молитву» или, если угодно − Теургический акт оперативного Изначалия.

Это изменяет пневму Оператора, СОЗДАВАЯ ПРИЧИНЫ возможного, качественно нового понимания вкупе с новой бытовой судьбой и удачей...

В самых различных источниках встречается манера повествовать об Операциях вразброс, смешивая термины, словом, создавая множественные препятствия для постигающего. О причине такого стиля, сообщается, что мол, Знание для избранных и если оно попадёт не в те руки, то будет горе.

Возможно, дело здесь в том, что Смешанная природа человека как бы, в определённом модусе уравновешена и прибита к относительно безопасной земле, путём взаимовоздействия слабого шевеления ингибиторов и катализаторов. И, видимо, отход от этой вялой теплохладности по чётким формулам Операций Искусства, в равной мере применим и в деле Освобождения, и в наведении Гнёта.

Многократно разгадывая сие, оператор имеет шансы вскрыть Тайные узоры и, предположительно, сам Лабиринт скорее позволит пойти ему к Освобождению...

Как бы ситуация Шестого Аркана Таро...

Собственно, недовольство такой ситуацией, нетерпение и желание побыстрее всё понять и применить, говорят о доминации вектора приватизации Гнозиса собственной несовершенной структурой и уже это есть конкретная прелюдия пути Гнёта.

Когда же оператор очарован Лабиринтом и любовно разгадывает Его вне суеты и спешки, он уже претворяет Путь. И даже если он не сможет точно отгадать секреты Опуса, что-то всё равно постигнет, жизнь пройдёт не напрасно и ровный Огонь неугасимого творчества и согреет, и осветит.

Мартин Турский.

Воин, ставший важным Святым. Его Икона Основы представляет следующий сюжет: Всадник отсекает половину своего Плаща голому Нищему, терзаемому страшным холодом. Позже оказывается, что Нищий − Христос...

Оставшаяся половина Плаща становится важной реликвией и её специально помещают в царскую ораторию, которая после этого становится Капеллой («плащ» − это «капа»). Потом, такой

особый тип Храма умножается, он почти всегда связан с воинами, отсюда, священник в условиях взаимодействия с армией называется «капеллан». Капеллами становятся ещё спутниковые помещения в Готическом Храме, размещённые своеобразным венцом вкруг основных Котлов и связанные с конкретными Святыми и их Мощами. Как бы − некие Ванны, в которых можно ДОКРАСИТЬ особо то, что обретено в базовом Кресте Собора. Основная андрогинная пневма нюансируется и специфицируется в этих Капеллах, а по закону резонанса, передаётся и в Капеллы − отдельно стоящие небольшие сооружения... Последние, как бы подразумевают невидимый глазу Готический Тампль, который уже ТАМ.

Все Святые-Воины, похоже, связаны с Царским Искусством и ярким здесь примером является Иаков-Матаморос.

Франция.

Невозможно глубоко прочувствовать это Пространство, упустив из виду Фею Мелюзину.

Имеет смысл привести обширную цитату, которая позволит получить базовые ориентиры на это существо из Бестиария:

«Эммерик, граф Пуату, был человеком выдающегося ума и редких добродетелей. У него было двое детей: сын по имени Бертрам и дочь Бланиферта. Холм, на котором стоял город и замок Пуатье, был окружен огромным лесом, простиравшимся во все стороны света, и в том лесу жил некий граф де ла Форе, приходившийся родственником Эммерику, однако был он беден и к тому же обременен большой семьей. Из сочувствия и доброго отношения к нему Эммерик взял на воспитание его младшего сына Раймона, юношу красивого и любезного, и тот стал его верным спутником и сопровождал графа и на охоте, и на балу. Однажды граф и его свита охотились на вепря в лесу Коломбьер. Каким-то образом Эммерик и Раймон отдалились от остальных и оказались одни в чаще леса. Вепрь скрылся. Наступила ночь, и охотники поняли, что заблудились. Им удалось разжечь костер, и, греясь, они прилегли возле огня. Вдруг из леса выскочил вепрь и бросился прямо на графа. Раймон выхватил меч и нанес удар, но промахнулся и неосторожным движением задел графа. Второй удар достиг цели и уложил вепря. Тут только Раймон с ужасом

осознал, что его друг и покровитель был мертв. В отчаянии он вскочил на коня и помчался прочь, не разбирая дороги.

Наконец лес начал редеть, деревья расступились, и конь Раймона, продравшись сквозь кусты, вынес его на чудесную поляну. Траву, покрытую инеем, серебрили лучи молодого месяца; в центре поляны бил родник, такой чистый, что сквозь прозрачные струи виднелось каменистое дно. Успокаивающее журчание разливалось в воздухе. Возле родника сидели три невыразимо прекрасные златокудрые девы в ослепительно-белых одеждах.

От изумления Раймон застыл на месте. Ему представилось, что три ангела слетели на землю, и он готов был уже простереться ниц перед ними, как одна из дев приблизилась и остановила его. Лицо Раймона было искажено страхом и отчаянием, и она спросила, что с ним произошло. После некоторого колебания он рассказал ей о постигшем его ужасном несчастье. Дева выслушала Раймона со вниманием, а после предложила ему снова сесть на коня и поехать обратно в замок Пуатье, притворившись, будто он не знает ничего о судьбе графа. Все охотники в тот день заплутали в лесу и возвращались в замок поодиночке, в разное время, так что его отсутствие не возбудит ни в ком подозрения. Когда найдут тело графа, а рядом обнаружат убитого вепря, то все решат, что граф поразил дикого зверя, но сам был смертельно ранен его клыками и скончался.

Успокоенный словами прекрасной незнакомки, Раймон теперь полностью поддался ее чарам. Он подыскивал все новые и новые темы для беседы, и разговор их длился до самого рассвета. Никогда еще не видел он столь совершенной красоты, ни одна девушка не могла сравниться с ней, и восприимчивое сердце юноши было покорено. Прежде чем покинуть красавицу, Раймон добился от нее обещания принадлежать ему навсегда. Она велела ему попросить у его родственника Бертрама в качестве свадебного подарка столько земли вокруг родника, где они повстречались, сколько можно покрыть шкурой оленя: она сказала, что берется построить на этой земле великолепный замок. Она поведала, что ее зовут Мелюзина, она является могущественной водяной феей и владеет несметными богатствами. Мелюзина согласилась стать женой Раймона, но выдвинула одно условие: каждую субботу она будет проводить в полном уединении, и муж не должен пытаться увидеть ее в этот день.

После этого Раймон оставил ее и, вернувшись в замок, сделал все так, как научила его Мелюзина. Бертрам, наследовавший графу, с готовностью пообещал ему выделить столько земли, сколько он просит, однако был немало удивлен, когда узнал, что Раймон разрезал шкуру оленя на тонкие полосы и, связав их в длинную веревку, отмерил себе весьма значительный кусок.

Затем последовала свадьба, куда Раймон пригласил молодого графа, и пышные свадебные торжества, которые прошли с невиданным доселе блеском. Свадебный пир был устроен в прекрасном замке, построенном Мелюзиной. В первую брачную ночь невеста со слезами на глазах стала умолять Раймона дать клятву, что он никогда, ни при каких обстоятельствах, не нарушит ее субботнего уединения, иначе, говорила она, они вынуждены будут расстаться навсегда. Влюбленный Раймон обещал ей исполнить ее повеление.

Замок все рос; Мелюзина продолжала расширять его и строить оборонительные укрепления, наконец, своими размерами и великолепием он превзошел все замки в стране. Когда он был закончен, хозяйка нарекла его Лузинией в свою честь. Затем замок стали именовать Лузиньяном, и под этим названием он дожил до наших дней.

В свой срок хозяйка Лузиньяна подарила жизнь своему первенцу, которого окрестили Урианом. Ребенок уродился странным: рот у него был большим, уши свисали, один глаз был красным, а другой зеленым.

Двенадцать месяцев спустя Мелюзина родила второго сына, которого назвали Гедом; у того лицо оказалось алым. В знак благодарности Богу за его рождение она основала монастырь Малье, а чтобы сыну было где жить, воздвигла хорошо укрепленный замок Фаван.

Третий сын получил имя Жио. Это был милый и красивый мальчик, только один глаз у него располагался выше другого. Для него мать построила Ла-Рошель.

Следующий сын, Антоний, был весь покрыт шерстью, а на руках у него были длинные когти. Затем родился одноглазый мальчик. Шестого прозвали Жоффруа Большезубый, потому что изо рта у него торчал клык, как у кабана. Мелюзина родила еще нескольких детей, но все они обладали какими-либо уродствами.

Шли годы, а любовь Раймона к красавице жене не иссякала. Каждую субботу она удалялась от него и двадцать четыре часа

проводила в строжайшем уединении, и мужу даже в голову не приходило вторгаться в ее покои. Дети росли и становились храбрыми воинами, известными своим героизмом. Один из них, Фреймун, посвятил себя служению церкви и поступил в монастырь Малье. Раймон не оставил своего престарелого отца и братьев; граф де ла Форе прожил свои последние годы в его замке, окруженный богатством и уважением, в то время как братья не знали недостатка ни в деньгах, ни в слугах, подобающих их высокому положению.

Однажды за обедом старый граф поинтересовался, где же его невестка. Раймон ответил, что по субботам она не выходит. Тогда один из братьев, отведя его в сторону, начал нашептывать ему разные слухи, которые ходили в народе относительно этого странного субботнего обычая, и убеждать Раймона, что тому надлежит все разузнать и успокоить людей. Возмущенный и встревоженный этими разговорами, граф бросился в покои графини, но там было пусто. Дверь, которая вела в ванную комнату, оказалась заперта. Раймон заглянул в замочную скважину и, к своему ужасу, увидел, что его супруга лежит в воде, а вместо ног у нее не то рыбий, не то змеиный хвост.

Беззвучно он удалился. Граф никому и словом не обмолвился об увиденном, однако его переполняло не отвращение, а страх, что из-за своей оплошности он может потерять обожаемую им красавицу супругу, которая являлась светом его очей и составляла счастье всей его жизни. Прошло время, а Мелюзина и знака не подавала, будто ей известно о том, что ее видели в ее ином качестве. Но однажды в замок пришли дурные вести: Жоффруа Большезубый напал на монастырь Малье и сжег его дотла, в пламени вместе с настоятелем и сотней других монахов погиб и Фреймун. Услышав о постигшем их несчастье, Мелюзина подошла было к мужу, чтобы утешить его, но бедный отец, не помня себя от горя, воскликнул: «Прочь, гнусная змея, осквернившая мой славный род!».

При этих словах она упала без чувств. Раймон, сожалея о том, что вырвалось у него в минуту отчаяния, кинулся к ней, чтобы помочь. Мелюзина пришла в себя, в последний раз обняла и поцеловала мужа, слезы струились по ее лицу. «О муж мой! – произнесла она. – Я оставляю в колыбели этих двух малышей. Люби и

заботься о бедняжках, лишенных матери. А теперь прощай навсегда! Но знай, что ты и твои наследники еще не раз увидите меня в славном замке Лузиньян, я буду являться всякий раз, когда должен прийти новый хозяин». И со стоном она вылетела в окно, а на камне, куда она ступила последний раз, остался отпечаток ее ноги».

(«Мифы и легенды Средневековья», автор – Сабин Баринг-Гоулд).

В Лион мы попадаем после двух перелётов, четырёх часов пересадки и получаса езды.

Бросаем вещи. Спутники, утомлённые перелётами, окунаются в озеро часового отдыха.

Устремляюсь сразу в Собор, отдых потом.

Дух Франции обнимает ленивой истомой, остужая огни и напряжения переезда. Захожу в Катедраль. Совершаю Ритуал «Трёх Проходов»: всё на месте, знакомое уже Присутствие в чреве Готического Храма. Оно и похоже и не похоже на виденные ранее, такого рода, Тампли.

Мягкая и уверенная Длань (вспомним навершия тевтонских шлемов) ложится на лоб, ком подкатывает к горлу, а тело спружинивается готовностью к бою и одновременно растекается полным отпусканием.

Лион.

Улицы. Мелюзина обитает здесь своеобразной эротико-сексуальной истомой. Её рыбий русалий хвост угадывается крупностью акцентированных бёдер, змеиные элементы свёрнуты в упругую спираль воспроизводящей Силы.

Марс и Венера рядом. Вихрь этой энергии натягивает тетиву возможностей...

Людовик Святой – точка максимально качественного, для Франции, Проявления Царской Линии в сочетании с полным соответствием Кафолическому Христианству. И, всё-таки, имея в виду роль матери Святого Луи, Бланки Кастильской, здесь не обошлось без влияния Мелюзины.

Лион.

Вечер ветряный.

День первый.

2. ЛИОН. STELLA MARIS И УСПОКОЕННЫЙ ЛЕВ. ПРОБЛЕМА ХОЛМА ФУРВЬЕР.

Всю ночь шёл дождь.

Нудный длительный дождь. Временами он срывался на ливень и опять переходил в ровное влажное покрывало.

Утро не принесло перемен и, наскоро собравшись, шагнул в сырую пелену струйного перехода.

Иду.

Капли дождя мелко секут по зонту. Город перешивается самыми различными оттенками серого цвета. Ниспадающая вода мягко придавливает вниз все стремления и поля мыслей находящихся здесь.

Катедраль Лиона довольно древний и решён как раз в Романо-Готическом стиле; он мало испохаблен и транслирует звук иной, доминантно средневековый.

Собор не очень большой, средний, его фасад спокоен и надёжен, небольшой треугольный акцент вверху, три пылающих трикуты над вратами, создают благородно-приподнятый вкус основного вектора, а Западная Роза изливает Гнозис Измерения реализации.

Структура Храма, в основном, вводит оператора в состояние поля Фиксации. Две симметричные и не острые Башни Фасада соответствуют таким же двум Башням Трансепта, в итоге почти получается прямоугольник.

Ярко выражены три Розы, все они средневековые. На Востоке, также есть маленькая Роза...

Витражи апсиды аутентичны и выдыхают в Алтарную часть сине-голубое настроение с фиолетово-красными акцентами. Сие облако уютно-свободного хрустального минора висением субтильного аккорда всеочищенности просвечивает неф.

Врата в Собор со стороны Запада содержат в своём измерении ещё одну средневековую драгоценность – 368 медальонов. На них изображены, на первый взгляд, библейские сюжеты. Однако, видны детали, указывающие на сокрытый Гнозис, выражающий суть Операций Искусства.

Stella Maris – Звезда Морей, Морская Звезда, она же – Полярная Звезда и Дева Мария.

Богородица порождает Спаса, а Три Царя идут за Звездой...

В основном нежно- и чисто-голубой центральный витраж Востока, изливает сию тонкость в пространство Храма. Дышится субтильной Синевой.

Небом.

Можно, конечно, Убранство Тампля воспринимать более эмоционально и сентиментально, – это, как бы, очевидный уровень интерпретации совокупного ощущения. Но есть возможность, практически полностью отделить лично-вульгарное от потока очищенной эманации Священного сооружения. В этом потоке как раз и живёт Гнозис, который, при божественном соучастии и достаточных свойствах можно расшифровать как каскады Операций, под эгидой Трёх, Семи и Двенадцати...

Собор Лиона навевает успокоенно-пришедшее чувство, будто всё уже случилось. Будто Лев отдыхает, по-царски созерцая окрестности.

Такое состояние вполне транслируется и на город, и на другие его Храмы.

Нам удаётся войти в чертоги Тамплей: Святого Павла, Святого Мартина, Святого Бонавентуры, Святого Никиты (Низье) Лионского, Святого Георгия...

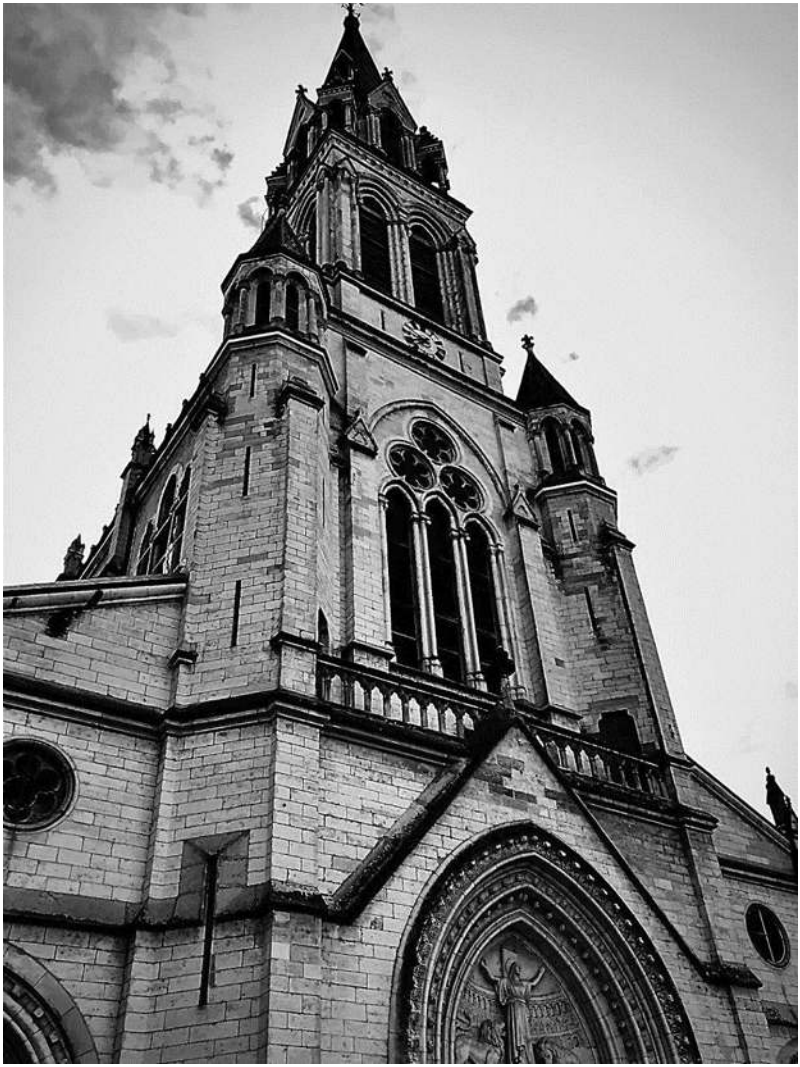
Всюду царит тот же покой и та же Фиксация.

Базилика Святого Мартина, в основном исполненная в Романском стиле, великолепно расписана в византийской манере и являет собою прекрасный шедевр для приходящего к Искусству.

Чем-то созвучен ей Храм Святого Павла, древнее сооружение в ореоле двух главных манер Зодчества Средних Веков.

Лион, невзирая на довольно мощную реку, всё-таки фиксирован. Наверное, так умножается его Собор. Всё это влияет на настроения насельников бывшего Лугдунума.

«Лугдун» – кельтско-галльское название, которое можно перевести как «Воронья Гора», сей птах – спутник Бога Луга (вспомним испанский Луго на Камино де Сантьяго). Луг, Бог Света, Солнца и тому подобного, вполне созвучен латинскому «LUX» – Свет...



Лев, наверное лишним будет про это напоминать, часто ассоциируется с Огнём, одним из атрибутов которого есть Свет.

Квадратное Архэ Собора делает сие сияние устойчивым, мягко и надёжно распределяет его по остальным Тамплям.

Первая из, пожалуй, любого ряда-набора Операций, Операция Воззвания или Молитвы.

Ведь, чтобы свершать некую последовательность Качества, необходимо её понимать, что невозможно при том же статусе пневмы, что и до начала оперативной деятельности.

Нужна ПРИЧИНА понимания. Как бы некий аванс...

На этой основе может быть развито всё остальное.

«Усердно молись и вопрошай» – такие рекомендации встречаются довольно часто. Должно быть даровано откровение...

Сей инспиративный поток, судя по всему, может войти только в случае достаточной Чистоты оператора и его не замкнутой только на себя мотивации. Также, необходимо упорство в деле приложения огней Воли, Творчества и ориентация на Истину ради Неё самой... вероятнее всего, такая ориентация и её неотвлечённая устойчивость и есть исток нужного модуса Огня.

Прихождения ко Храмам, Воззвания и Молитвы, Ритуалы Тройной Чащи и Проходов, – это и подобное ему, а также, Пилигримажи, есть ПРИГЛАШЕНИЕ Мудрости. Гнозиса.

В первую очередь, сей Гнозис, если будут достаточные условия вытекания в оператора, встретит некое сопротивление в виде нечистых составляющих и привычные языки интерпретации могут не уловить в Логосе суть самой Передачи...

Ближе к вечеру, к закату, цвет центрального Восточного витража становится скорее синим. Настроение Нефа изменяется соответственно, как бы больше погружаясь вверх, в Небо. Роза главного Фасада, уже представляет сине-чёрные и фиолетовые цвета...

Ночь и её предвосхищение изменяют Собор.

Обычно, Камино, Тропа, рассматривается в ключе постепенности, выделяется Три Опуса, реже – Четыре.

Однако, начиная где-то с 70-х годов двадцатого века, были открыты Непостепенные Учения. Эти Линии Передачи существенно отличаются от Пути, следуя Лествице. В них заложена возможность мгновенного постижения Окончательной Истины. Впрочем, это всё-таки, возможность, а не точно предполагаемый модус

Прохода. Однако, видимо, сопричастность с такой Передачей, будет по-иному проявлена в фазах постепенной Тропы...

Храм Святого Мартина также связан с мучениками (точнее, мартирами) Лионскими из которых наиболее известна Святая Бландина. В который раз, практически в каждом городе Европы, встречаешь мартиров-первохристиан. Их очень много. И, в определённом смысле, на них держится Христианство как на одной из главных опор. Первоархэ в этом вопросе, Первомартир – Святой Стефан (во Франции, Этьен).

Возможно (точно об этом пусть судят Знающие), Мартирство, есть вариант Сухого Пути...

Над старым Лионом доминирует холм с церковью Нотр-Дам-де-Фурвьер. Она не древняя и сооружена в конце девятнадцатого века, уже после страшных событий Революции. Церковь достаточно красивая, изваянная в сочетании неоготического и неовизантийского стилей. Однако, как и парижский Сакре-Кёр, она пустая. Не ощущается упругой волны Гнозиса.

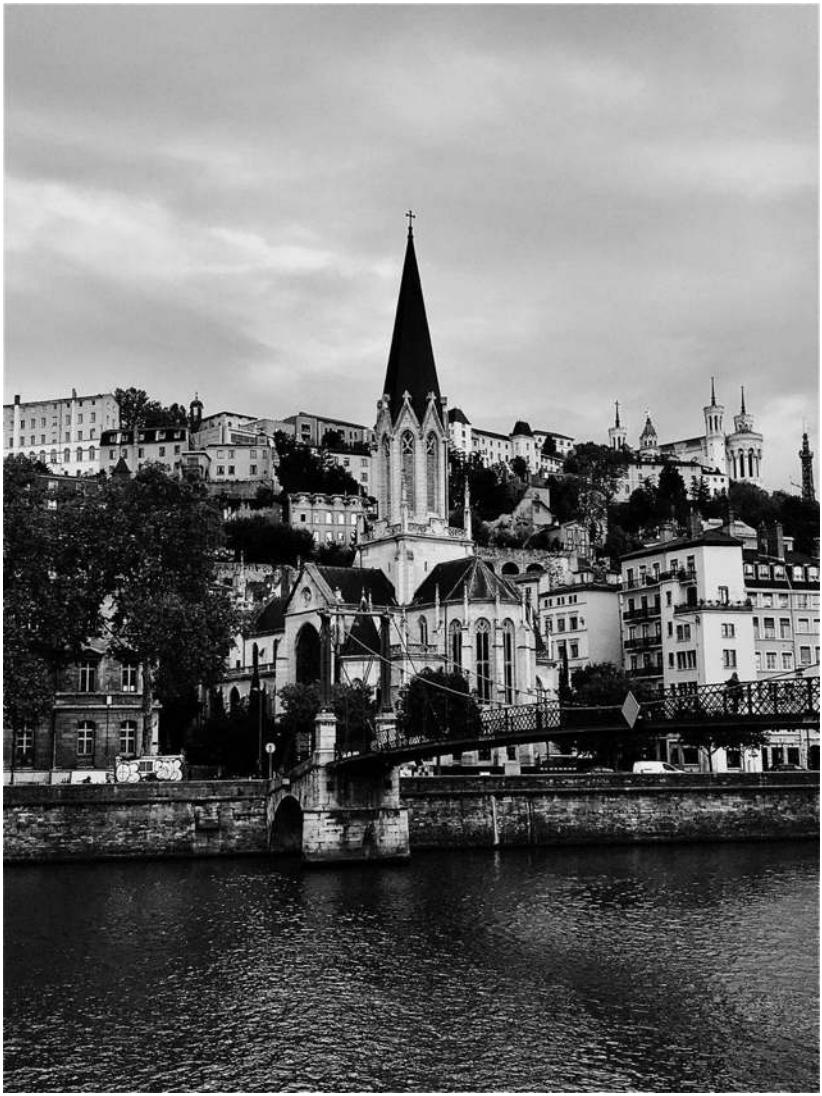
Сейчас, Нотр-Дам-де-Фурвьер, пожалуй, одна из доминант Лиона, а её положение на холме даже несколько заглушает звучание Собора.

Своеобразно и то, что прямо рядом с упомянутой церковью возвышается металлическая башня, построенная в 1892-1894 годах по мотивам успеха Эйфелевой башни. Если учесть, что Нотр-Дам-де-Фурвьер строилась с 1872 по 1884 годы, то можно подозревать, что эти два объекта связаны.

Башня на холме Фурвьер высотой 89 метров стала самым высоким местом Лиона; а базилика рядом – как бы новым сакральный центром. Сии произведения перетянули сущностный акцент с Катедраль Иоанна Крестителя и таким образом получилось что-то вроде «нового камня нового Лиона».

Естественно, тем более имея в виду Эйфелеву башню, всё это сыграло роль мощного ингибитора в деле светоносного распространения Священной радиации Средневековья.

Пожалуй, не лучшая идея для оператора, в Лионе, идти к/в Нотр-Дам-де-Фурвьер. Сейчас понятно: этот комплекс (церковь-железная башня) стоит всецело проигнорировать. Иначе, есть риск существенного загрязнения Чистоты Передачи, содержащейся в Соборе и в основных Тамплях Лиона...



Неожиданное понимание, тем не менее, не стоит им пренебрегать, ибо можно вполне утратить или не обрести способность «с великой осторожностью отделять тонкое от грубого».

В конечном счёте, оказалось ещё интереснее: на холме Фурвьер, на запад от галло-римского театра, в девятнадцатом веке были обнаружены остатки храма Кибелы. Выяснилось, также, что Лион какое-то время был городом этого божества. Не исключено, что Лионские Мартиры напрямую связаны с данным моментом... в деле его преодоления и очищения.

В любом случае, лицам медиумическим, не стоит вообще подниматься на холм Фурвьер; если же в наличии некая воинская устойчивость (как кажется), имеет смысл быть бдительным, начеку и осторожным. Вряд ли в наше время торжества Матриархата и Гинекократии, стоит идти туда с особами женского пола.

Становится более-менее понятно почему и зачем так активировали данное место в конце девятнадцатого века (церковью, претендующей на главное религиозное сооружение города и железной башней). Впереди были две грандиозные мировые бойни, открытие и использование преступной алхимии атома и, конечно же – 1968 год, который убил Реставрацию ТОЙ Франции, де Голлем и открыл двери в виртуальное инферно постмодерна.

Если учесть, что объекты холма Фурвьер посещают все без исключения туристы, то вполне ясно, какое послевкусие оставит сей один из главнейших городов Франции.

Чтобы читатель немного прояснил своё понимание относительно Кибелы, приведём ряд выдержек-цитат, пусть и весьма поверхностно описывающих сие Измерение, но вполне достаточных для понимания его векторности и угнетающей сути:

«Мифическая богиня – мать всего сущего – олицетворение плодородия и женского начала. Практически у каждого из народов мира есть предания о некой прародительнице, от которой произошли все: и боги, и люди. Например, фригийцы, а за ними – хетты, греки, римляне и кельты поклонялись таинственной Кибеле, которую почитали как Великую мать. Удивительно, но жрецы этой богини часто становились кастратами по собственной воле.

(...)

Кибела (другие имена – Цибела, Кибеба, Кубаба) – одна из самых древних богинь, известных людям. Великой матери поклонялись еще в эпоху неолита. Самые первые сведения об ее культе ученые нашли в исторических памятниках, датированных II тысячелетием до н. э.

Изначально Кибелу почитали жители Фригии – древнего государства, которое располагалось на территории современной Турции. Сравнимая с египетской Изидой и шумерской Инанной, она сочетала в себе качества сразу нескольких античных богинь. Но в первую очередь Кибелу ассоциировали с Деметрой, отвечающей за плодородие и земледелие, и Реей – матерью Зевса.

Богиню изображали как высокую и статную женщину в накидке и с короной на голове, причем этот царственный головной убор выглядел как подобие башни: высокий и конусообразный. Рядом с Кибелой всегда находились ее символы: лев и сосна. В руках богиня держит тимпан – ударный музыкальный инструмент, а также скипетр или колосья пшеницы. Все эти символы олицетворяли величие Кибелы.

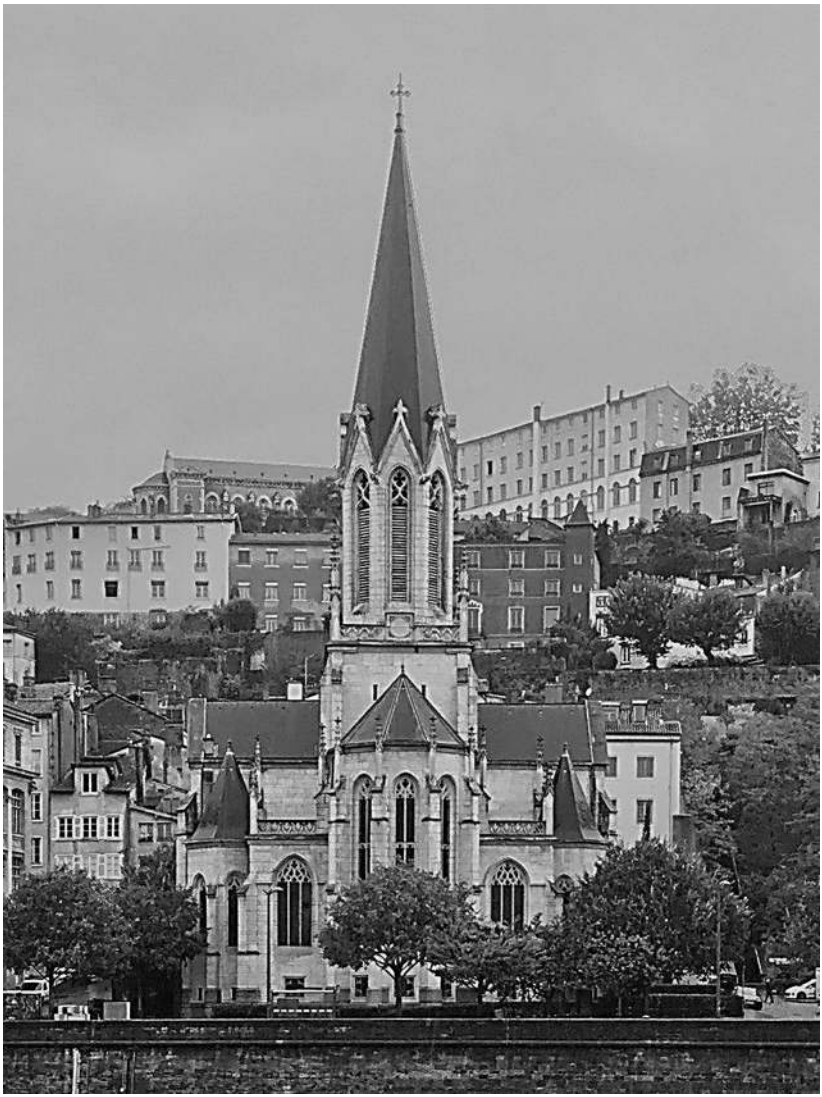
Культ этой богини, зародившийся в Малой Азии, быстро распространился на соседние государства, попавшие в сферу военного, политического и культурного влияния фригийцев. Впрочем, народы, поклонявшиеся Кибеле, часто ассоциировали ее с местными женскими божествами, ответственными за плодородие. Так делали кельты, хетты, греки, римляне и представители других древних государств.

(...)

... с культом Кибелы мистическим образом связан некий черный камень, который, по преданию, упал с неба. Вероятнее всего, речь идет о куске метеорита. Если верить античным авторам, на этом небольшом камне, который был неправильной формы, самой природой запечатлен женский лик. Верующие думали, что это портрет богини.

Почитаемая реликвия хранилась в святилище фригийского города Пессинунта, пока в 204 году до н. э. камень не перевезли в Рим, где его торжественно установили в храме Победы. Жители вечного города верили, что Кибела поможет им одержать верх во Второй Пунической войне, одолеть армию Карфагена, которой руководил известный полководец Ганнибал. Так или иначе, вскоре римляне, и впрямь, победили врага, а культ фригийской богини приобрел у них официальный статус.

(...)



Культ Кибелы содержит две истории о возлюбленном богини. Первая связана с темой смерти и воскрешения. Люди верили, что могущественная Кибела способна преодолеть даже непреложные законы мироздания. И когда Аттис погиб, растерзанный огромным диким кабаном, богиня сумела воскресить своего возлюбленного. Приверженцы ее культа каждый год, в день весеннего равноденствия, праздновали символическую победу жизни над смертью.

Однако могущественная Кибела была способна и сурово покарать человека, она требовала от своих почитателей полной отдачи. С этим связана вторая из известных нам легенд об Аттисе. Юноша дал обет верности богине, поклявшись никогда не вступать в интимные отношения ни с одной женщиной. Но нарушил свое слово, сделав «это» по одной версии – с нимфой, по другой – с дочерью царя.

Разумеется, Кибела была в ярости, узнав об измене возлюбленного. В порыве раскаяния Аттис сам оскопил себя острым камнем, чтобы доказать богине свою преданность и лишиться возможности изменять в дальнейшем. Говорят, что затем юноша был превращен в сосну – священное дерево культа Кибелы.

(...)

В день весеннего равноденствия Рим торжественно отмечал праздник, посвященный Кибеле. Служители ее культа устраивали красочное шествие. Они наряжались в женские одежды в знак почтения к божеству, символизирующему плодородие, надевали украшения. Нарядные жрецы играли на музыкальных инструментах (в основном, барабанах и дудочках), пели и танцевали. Входя в экстаз, они клялись Кибеле в верности.

Примечательно, что подобно Аттису приверженцы культа Великой матери, оскопляли себя, демонстрируя тем самым преданность богине. Все они были кастратами, так как отвергали свою мужскую силу, принося ее в жертву Кибеле. Так мужчины приобщались к великой женской силе, почитая ее выше собственной природы.

Этот факт, а также принятый среди галлусов обычай ходить в женской одежде, красить свои лица и часто использовать ароматные благовония, породил среди римлян слухи, что все жрецы Кибелы являются представителями нетрадиционной сексуальной ориентации. Впоследствии, из-за досадного сходства слова «галлусы» с этнонимом «галлы» негативное отношение простого

народа к гомосексуалистам перекинулось и на представителей вышеупомянутого племени.

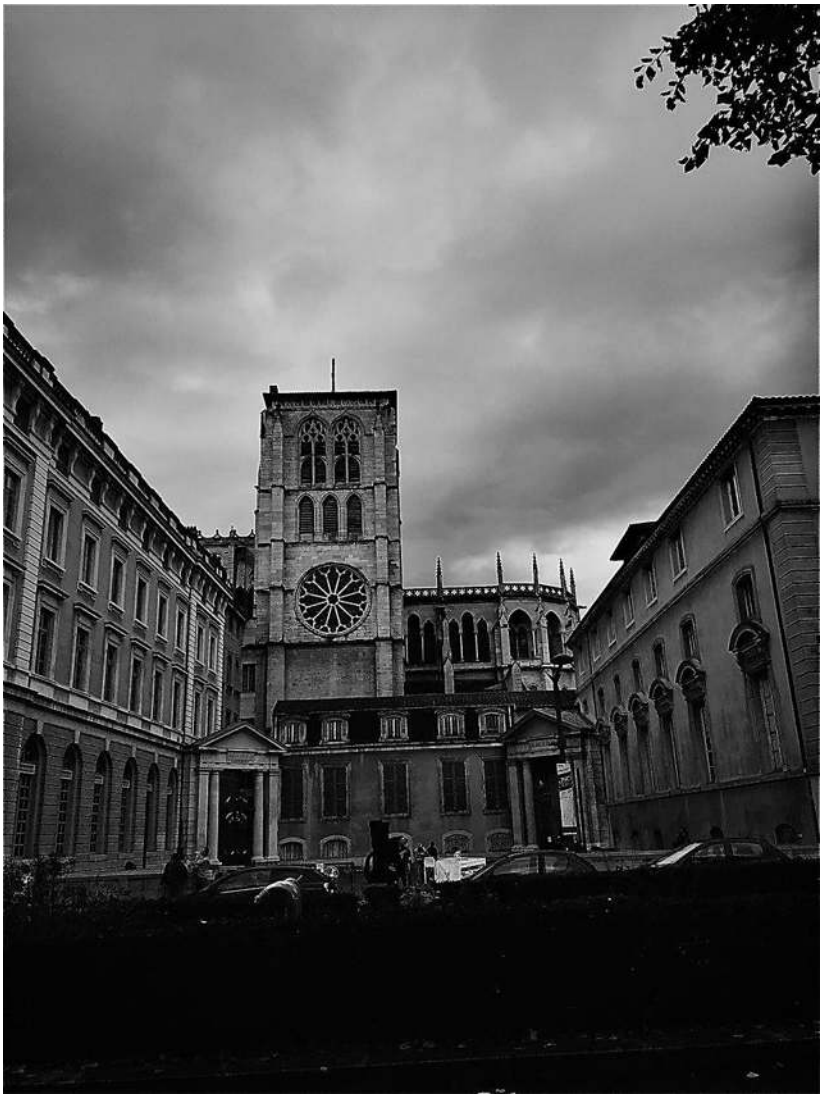
Молодые люди, желающие стать жрецами Кибелы, прямо во время праздника богини оскопляли себя на глазах у зрителей, пришедших поглазеть на ритуальное шествие, похожее на современные гей-парады.

Впоследствии римские власти, осознав пагубность подобных религиозных практик, постарались ограничить служителей культа, ведь многие оскопившие себя юноши умирали. Молодым горожанам даже официально запретили вступать в ряды галлусов».

(материалы из сети Интернет).

Если же чуть более глубоко и сущностно вглядеться в Кибелианский мир, то мы обнаружим:

- Изначальное Божество не мужское (как, например, Бог-Отец Христианства), не андрогинное (например, Самантабхадра-Самантабхадри в буддистской Тантре), но Женское;
- смысл Эроса и Любви, только количественное воспроизведение жизни, вообще не стоит вопрос реставрации Священного Андрогината;
- Кибела постулирует примат кровно-родственного эгоизма и оперативности Черной Магии, как Опуса изъятия чужой судьбы в ситуации освоения Пищевой Пирамиды;
- своеобразным девизом сего Пространства в случае объектного вхождения в него может стать: «Ты сдохни сегодня, а я сдохну завтра»;
- Кибела – это примат материалистичного Воззрения сенсуально-нигилистического характера;
- в мире Кибелы есть только Вечный круговорот смертей и рождений, потому отсутствует Смысл, живущие должны Предкам и обязаны Потомкам, сами являясь только расходными материалами и энергией;
- женщины, под эгидой Кибелы всегда кастрируют мужчин, отнимая у них Оплодотворяющий Смыслами, Свет;
- в мире Кибелы нет понятий «Честь», «Благородство» и т. п., зато безгранично кумирствуются Деньги, Сила и Власть;
- личная выгода и корысть, а значит, предательство, совершенно уместны в кибелическом пространстве...



Этот список можно ещё долго продолжать в том же духе, но суть вопроса, думается, ясна.

Некоторые исследователи отождествляют Кибелу и Чёрных Дев, статуи которых имеются в некоторых Храмах, в первую очередь, Франции. Думается, это неправильно.

Великая Мать исключительно сильная модальность, так как транслирует себя комплексом эротико-сексуальных энергий на самых различных уровнях. Рыцарский культ Дамы, как Чистой Сестры и Пречистой Нашей Альбы, как раз и выполнял роль переключения с режима Magna Mater на более приемлемые в деле Опусов Освобождающих Учений. То есть, от сенсуального материализма оператор уберегался сначала сублимативными перенесениями, а потом и параллельно, Линией Передачи Немирского Гнозиса.

Скорее всего Чёрные Девы связаны с Апофатическим Пределом и, потому, – «Тьмой, превысшей Света».

Они, в отличие от Кибелы, – Сияющая Чернота. Возможно, сие связано с Чудом Непорочного Зачатия, то есть – не от мира сего...

В кибелическом сенсориуме главным, однако, ускользающим и транзитным божеством, является ребёнок. Он и определяется как цель любви мужчины и женщины. Отсюда – культ Рода, семьи и «своих».

Под эгидой Чёрной Девы смысл любви в корне другой: есть ребёнок, или нет, пред лицом этой тотальной Пустоты, не важно. Важно одно: как Ты оперативно близок или далёк к Истине. Для сего, решающее – степень андрогината и в его стяжании и есть смысл Любви. Имея в виду доминацию оперативного материализма в последние четыреста лет, можно предположить, что сейчас более актуально в общей композиции распознавать, всё же, Апофатический аспект, связанный с Истоком.

Чёрная Дева – Дева Простого, Простейшего, Корня, так как связана с единым и изотропным Качеством.

Кибела – всегда корреспондирует количеству и вещественно-субстанциональному наличию, потому она – Липкая.

Белая Дева – это Дева стадии первичного проявления Катафатического Света («Белый Свет»). Она чиста уже радиационно, экстазно, Она как бы промывает...

Кибела, напротив, уплотняет, вьёт и захватывает. Отсюда, её родовые свойства: Ревность и Жадность. Материя жадно поглощает Свет, давится им, но никак не приходит к разрешению и потому её мучает Жажда.

Вернёмся, однако, к холму Фурвьер. Здесь, в амфитеатре, совсем недалеко от храма Кибелы, были жесточайше мучимы и казнены Лионские Мученики. Вот небольшая цитата из Википедии:

«В 177 году, в правление римского императора Марка Аврелия возобновились гонения на христиан. В Галлии – в Лугдуне и в соседнем Вьене – арестованы многие сотни христиан. Среди них – 90-летний епископ лионский Пофин, которого отвели в тюрьму, где он и скончался через два дня. Других поместили в середине амфитеатра на холме Фурвьер, перед тысячами зрителей, собравшихся посмотреть на кровавый спектакль. Римским гражданам мечом перерезали горло, все прочие, среди которых – святая Бландина – были отданы на растерзание диким зверям. Тела казнённых были выставлены на несколько дней, после чего сожжены, а пепел развеян над Роной».

Можно попытаться воспринимать мартирство не сентиментально-назидательно и морально, но взглянуть на него оперативно.

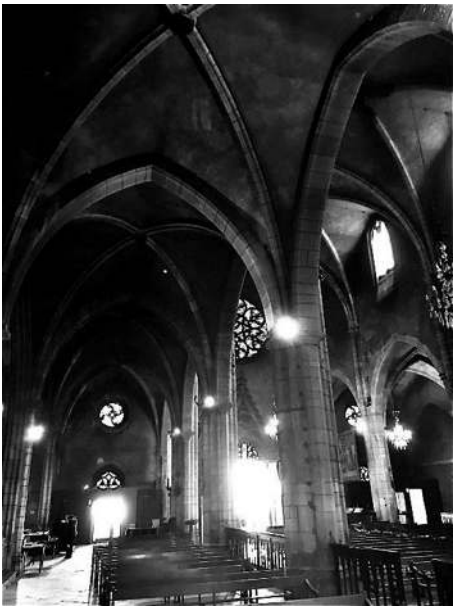
Мучения, мученичество, представляют собою резкую, мощную и яркую вспышку Огня. Огней: собственно боль, воля шага в неё, божественный Огонь веры и упования, Пламя Гнозиса...

Палачи и зрители, также, горят. Они воспламенены поражением. Разрывом привычного уровня. Яростью и злостью... кто-то из палачей, возможно, нечто знает про новое Учение и потому старается делать то, что делает – мучить и убивать.

В любом случае, Огонь силён. Возможно, когорта Мартиров Лионских, таким образом пережигала силу влияния культа Кибелы, что уже потом, профаны, опишут как «борьбу христиан с языческими культами».

Одна из центральных Мартиров Лиона – женщина, Святая Бландина. Здесь как раз и происходит слом кибелической женственности, Бландина и иже с ней ломают своим подвигом животно-социальные программы Великой Матери.

В Базилике Святого Мартина есть Крипта. Там, напольная мозаика увенчана именами 43 мартиров.



Утро последнего, второго, лионского дня. Ночь, после подъема на холм Фурвьер, прошла тяжело.

Иду к Собору.

Его Врата открывают при мне. Захожу. В Святыне – никого.

Совершаю Ритуал «Трёх Проходов». Блаженство и Священное Присутствие обнимают его выполнение...

Витражи Востока.

Их семь.

Центральный, тот, который уже зрился и голубым, и синим, сейчас, в утреннее время – золото-белый. Будто сплавили Серебро и Царя Металлов. От него исходит мощный жизнеутверждающий поток вечного творческого Двигателя.

Свершаю «Воззвание Пилигрима», Слово за Слово, призывание за призывание.

Кибела.

Она – не является безусловным врагом. Всё зависит от Силы Линии Передачи, Её специфики и возможности усвоения и трансформации тех, или иных, энергий. Христианские Линии, тем не менее, вполне категоричны в этом вопросе – они всецело подавляют любые формы кибелизма и любые его энергии.

Даосизм, к примеру, эксплуатирует их и преображает; в Тантре Буддизма похожее преображение возможно только на высших уровнях...

В массовом поле кибелизм тотален и проявлен в своих наиболее вульгарных аспектах. Первым уверенным шагом в деле контроля и использования кибелических энергий, для мужчины, является Искусство «Возврата семени»...

Те же, кто бесконтрольно отдаются сексуальной страсти – рабы Кибелы и не более, чем расходный материал Природы.

Церковь Нотр-Дам-де-Фурвьер имеет пять башен, подозрительно напоминающих атрибут Кибелы – башню с плоской вершиной, которая венчает голову этой Богини. Да и железная вежа рядом, похоже, в ту же тему. Не исключено, что упомянутые постройки конца девятнадцатого века привлекают энергию Magna Mater в Лион, при этом необходимо категорично отметить: Пречистая Дева никак и никогда не может быть ни соотнесена, ни ассоциирована, с Великой Матерью.

Последние сборы.

Быстро проходим пару километров, наша цель, успеть перед отправлением автобуса прийти ко Храму Святой Бландины. Там ремонт, однако всё-таки удаётся зайти внутрь и кратко свершить необходимое.

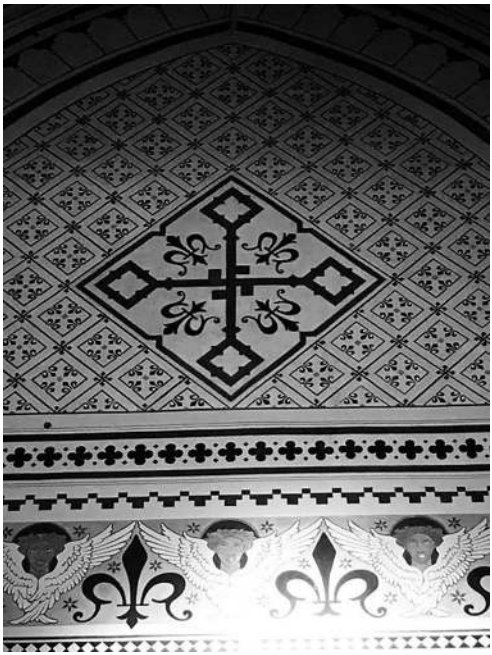
Хмурое небо.

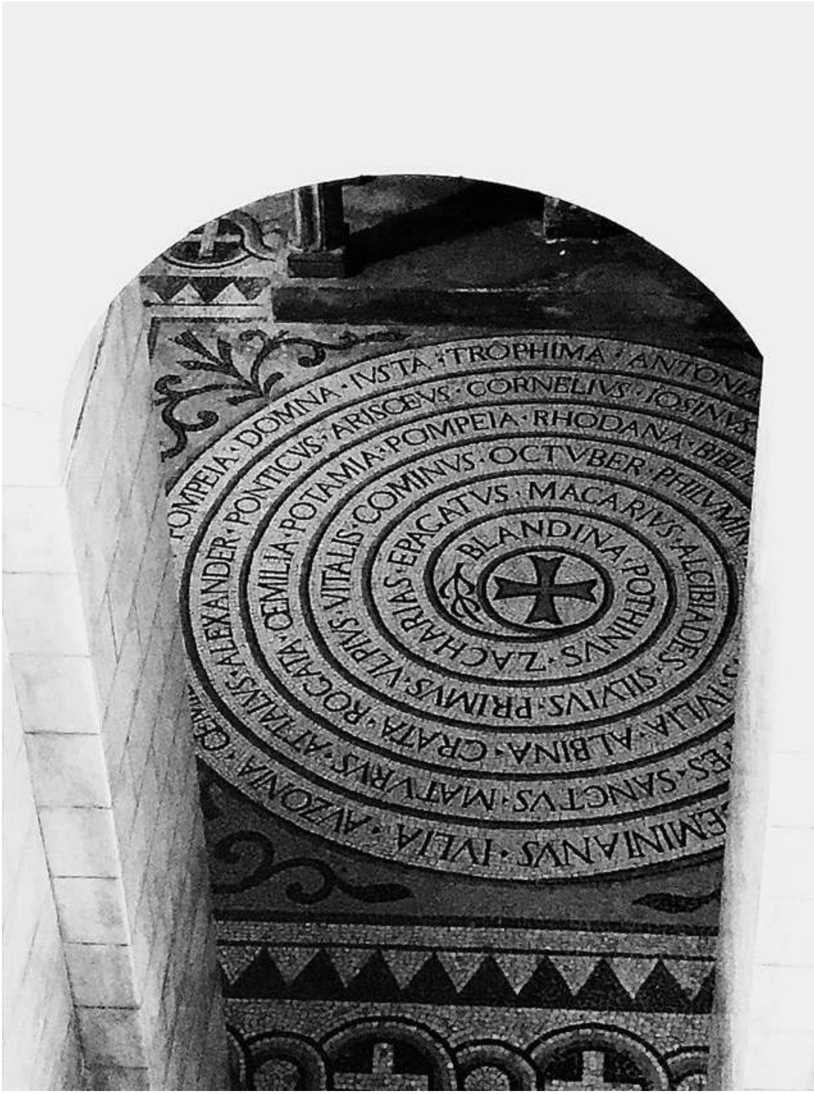
Скоро, похоже, дождь.

Лион открывался под его шелест, свернул он свой плащ для нас, также, в предчувствии нисхождения вод...

Первый опус закончен. Следующее место сего Пилигримажа – Клермон-Ферран.

Туда мы и направляемся.




POMPEIA · DOMNA · IVSTA · TROPHIMA · ANTONIA
SEMINIANVS · IVLIA · AVZONIA
ALEXANDER · PONTICVS · ARISCEVS · CORNELIVS · IOSINVS
SANCTVS · MATVRVS · ATTALVS
ROGATA · AEMILIA · POTAMIA · POMPEIA · RHODANA
IVLIA · ALBINA · CRATA
VLPIVS · VITALIS · COMINVS · OCTVBER
ALCIBIADES · SILVIVS · PRIMVS
ZACHARIAS · EPAGATVS · MACARIVS
BLANDINA · POTHINVS

3. КЛЕРМОН-ФЕРРАН. КЛЮЧ И ДВЕРЬ.

Клермон-Ферран: город Чёрного, очень Чёрного, чернее чёрной Ночи, Собора. Посвящение сего Катедраль также необычное: Вознесению Пресвятой Девы.

В Соборе, в самой восточной Капелле – Чёрная Дева.

Чёрный камень, из которого сложен Катедраль Клермон-Феррана, имеет вулканическое происхождение. Да и местность здесь насыщенная семенем вулканического огня.

Чёрная Дева, как Апофатическая Основа, неизрекаемое Изначалие, спонтанно, то есть непорочно, рождает Свет-Сына, который – Логос.

Сама взята в Славу Небесную и душою, и телом...

В Катедраль Клермон-Феррана сохранились средневековые витражи исключительной красоты, сие усилено ещё и тем, что чёрный камень Собора прекрасно выполняет роль фона для разноцветных посланий ОТТУДА, жертвуя себя в Мельчайшее, которое прямо связано с Величайшим.

Витраж интересен тем, что (особенно здесь) снаружи он чёрный, тёмный и ничто не предвещает цвето-светового изобилия; изнутри – витраж настолько богат красками и сияниями, что вообще не верится в его внешнюю апофатическую аскезу.

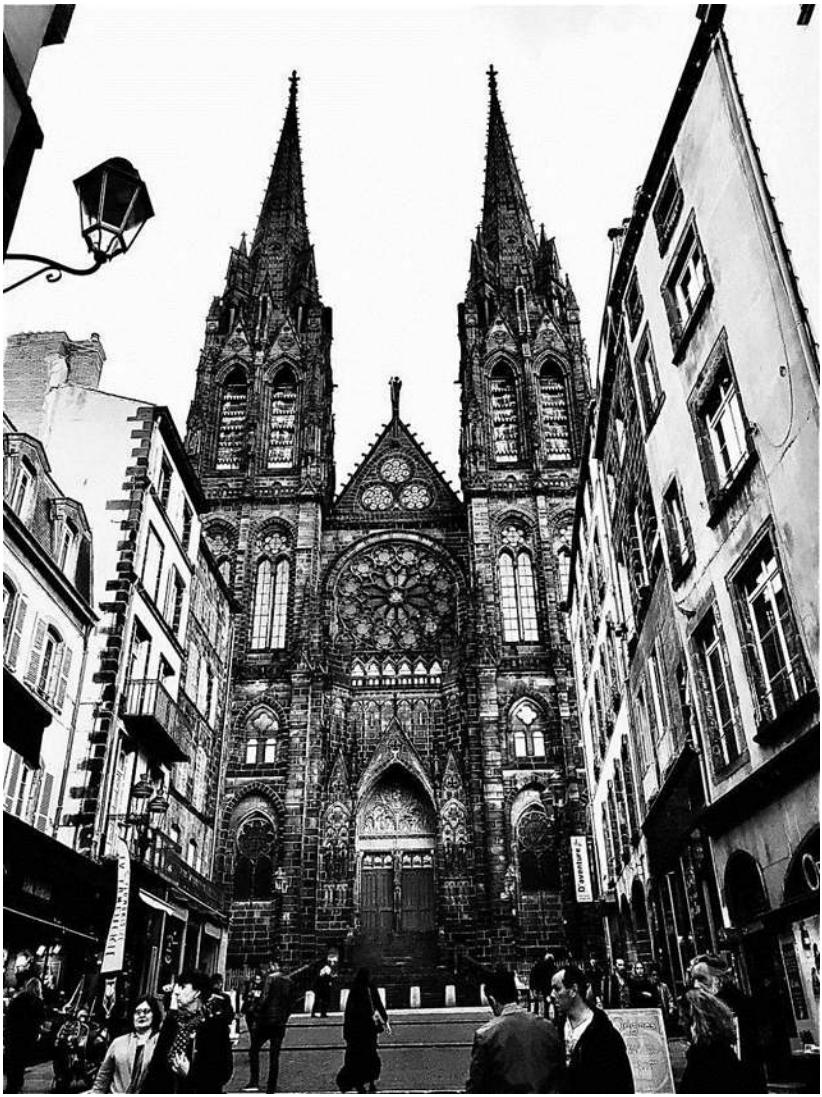
Таким образом, храмовый витраж воплощает всё ту же Формулу Истины (равновесия Апо- и Катафатики).

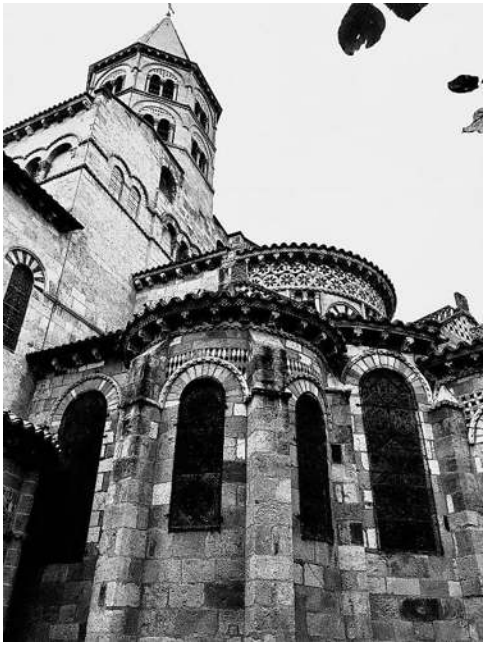
Также, тёмная сторона витража вполне соотносима с Чёрной Девой, а сиятельная, со Христом во Славе...

Катедраль имеет две острые и симметричные Башни Фасада, их сотворил Виолле-ле-Дюк в девятнадцатом веке, остальное тело Собора, в целом, средневековое. С Северной стороны, на Восток от невыраженного Трансепта, находится Башня, имеющая пассивный, плоский верх.

Общая композиция такова, что главный вход подразумевает уравновешенную активность (первый воинский Андрогинат) – этому соответствует композиция Фасада.

Средокрестие, в том числе, в данном контексте, означающее вторую Возгонку и нисхождение Водопада Передачи, несколько акцентировано в Северную сторону, что может служить намёком дальнейших очисток прямым и активно-огненным способом...





Исключительно примечателен и уникален тот факт, что Собор Клермон-Феррана построен из вулканического чёрного камня. То есть материала, бывшего лавой. Получается, некая Исходная Чернота созвучная Чёрным Девам (и – Чёрному Апофатическому Солнцу, противовесу на эклиптике, проявленному) и содержащая Огонь изнутри земли...

Второй равноважнейший Храм данного града, Базилика Нотр-Дам-дю-Пор. В отличие от Собора, она сотворена исключительно из Белого Камня (добытого в карьерах Монперу) и является одним из сущностных Родников на Камино де Сантьяго. В этом Тампле находится мощнейшая Крипта с могучими колоннами, в её Алтаре – статуя Чёрной Девы. Если учесть, что в одном из прочтений, Храм как бы вырастает из Крипты, а в другом, что Крипта – это капля Рая во чреве Ада, то получается весьма содержательное созерцание.

Форма этой Романской Базилики – Крест. Хотя её витражи датируются девятнадцатым веком, это не портит девственной чистоты интерьера. Здесь (как и в Соборе) можно очень качественно и точно совершить Ритуал «Трёх Проходов», который является Ключом.

Ключи.

Обычно, Апостол Пётр (Камень) связывается либо с одним, либо с двумя Ключами.

Можно и более в общем глянуть на символизм Ключа и Двери.

Дверь – это открытый или закрытый вход в некое помещение или в ограду. С этим можем соотнести, например, сокрытое, зашифрованное Знание, допустим, особый Трактат. Уже нужно его найти и иметь усердие в желании осуществления дешифровки.

Способ и причина понимания – Откровение, а, говоря более технично, помощь Линии Передачи в виде дарования другой Пневмы. Различные способы призвания такого вспоможения и есть, в данном контексте, Ключ. Далее, за этой, Дверью будет ещё одна и ещё одна... После Вдохновения, придёт черёд конкретного Понимания, а потом и – Делания...

Впрочем, Делание, начато уже сразу, с Вопрошания.

Не менее важно, как бы раскаяться глубоко... то есть, снять изначальную фиксацию социальной роли, как винтика Демиургии.

Человек, не признающий своих ошибок, не ощущающий внутреннюю совесть (которая болит от несовершенной жизни), никогда не сможет действительно изменять себя на Пути Освобождения. Смысл тут в том, чтобы не ломать себя, а плавить, для чего нужен ровный и постоянный Огонь...

Чёрный цвет, в одном из своих оттенков, как раз и связан с постоянным Покаянием, заметим однако, это не имеет ничего общего с чувствами вины и долга, навязанными демиургами.

Итак, в обсуждаемом здесь контексте, Дверь и Ключ, Гнозис в символическом сокрытии и средства его познания... важно, однако, осознать, что и Ключ и Дверь сотворены из одного металла. Этот же металл висит в воздухе между ними...

Пожалуй, условно, можно выделить следующие фазы:

1/. Некий Зов. Печаль по Знанию. Ещё не определено даже, что это конкретно...

2/. Обнаружение сокрытого в Символах и шифре Гнозиса. Повторяющиеся Циркуляции по расшифровке и пониманию. Сие может длиться годами, десятилетиями...

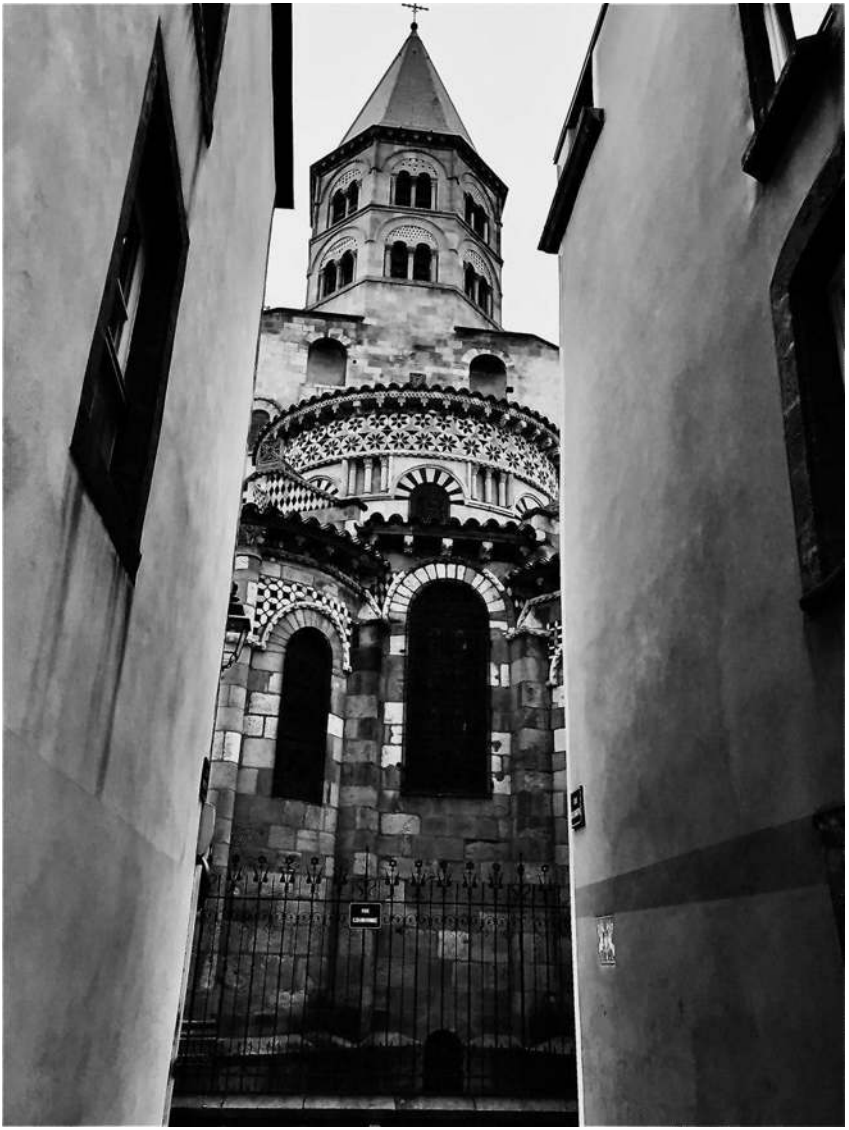
3/. Понимание. Начало Делания (хотя оно уже начато с периода Зова)...

4/. Плод. Фиксируется он Переходом.

Клермон-Ферран – город, содержащий взрывную потенцию. Чёрный цвет вулканической породы в нём присутствует не только в экстерьере Храмов, часто простые дома содеяны также. Вкруг города раскинулась череда холмов, некая чаша экранирует Клермон-Ферран сам на себя. И всё в нём, так или иначе, вспенивается, ударяясь своею водою о чёрную скалу Собора.

Если бы не Виолле-ле-Дюк, настроение городской Черноты, транслируемой Катедраль, не было бы таким активным и острым: две шпилевые Башни Фасада так инициируют местные пневмы. По сути, это очень похоже на воздействие Кёльнского Дома, только клермонский вариант более легкий и изящный, не такой рычаще-камнепадный.

В ферранском Соборе есть Розы и это очень существенно влияет на результирующее ощущение от Святыни. Исключительно сущностно играют цветами и смыслами средневековые витражи в Хорах. Судя по описанию, у Катедраль интересная Крипта, однако в неё нельзя было попасть.



В Нотр-Дам-дю-Пор Крипта доступна и она уникальна в своём роде: снопы мощных колонн, Алтарь с Чёрной Девой... Крипта – как бы Морская Звезда, Stella Maris, по отношению к Башне, Звезде Небесной. Полярной. В этом Тампле, ранее, была Башня Средокрестия, Фасадную достроили позже. Таким образом, сей Нотр-Дам, представляет объёмный Крест: Неф-Трансепт горизонта и Крипта-Башня, по вертикали.

В Клермон-Ферране мы обнаружили ещё два чёрных готических Храма, однако они были закрыты и попасть внутрь не удалось.

Апостол Пётр часто изображается и с Двумя Ключами. Среди прочих толкований – Власть Связывать и Развязывать:

«18 и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее;

19 и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах.

(Матф.16:18-19)».

Порою, здесь речь о Растворении (Разрешение) и Коагуляции (Связывание).

Имея в виду ситуацию наличную, вроде как важнее и в первую очередь – Растворять, что открывает Врата к Новой Земле.

Однако, возникает вопрос, он поднимается в связи с христианскими Воззрениями: до какой степени можно Растворять. Так, некоторые считают, что Растворение до полной Пустоты, а не до Пепла, Праха, есть святотатство и люциферианство, так как только Бог творит ex nihilo, из полного Ничего, а сотворённый человек так не может, ибо он в состоянии лишь максимально приблизиться к Богу (единство по Причастию), а не отождествиться с Ним.

По-другому к Операции Растворения относятся вне доминации Христианских Воззрений. Так, к примеру, Хинаяна Буддизма, как раз есть познание и приход к Полной Пустоте. В Махаяне, уже имеет место первая энергия, выражаемая понятием Бодхичитта, Сочувствие. В Тантре этого Учения, прежде чем практикующий

проявляет свето-звуковые Формы, он начинает всё с Пустоты, которая есть Чистота. А Истина – это совершенное и одновременное Равновесие Пустоты и Проявления...

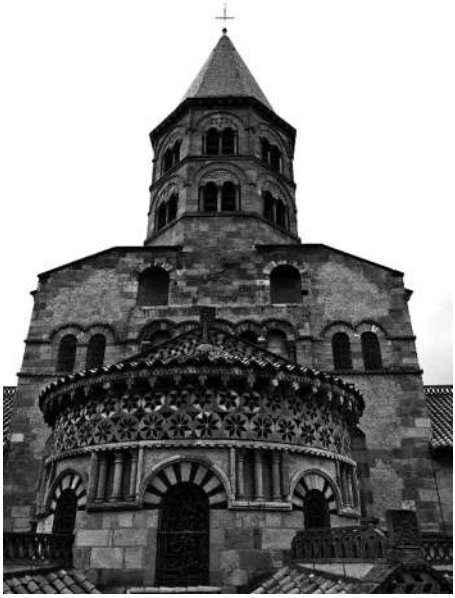
Искусство Преобразования, менее скованное и ориентирующееся не только на Христианские догматы, более свободно по отношению к Растворению...

Как правильно?

Пожалуй, каждый оператор на свой риск решает сей вопрос. И дело тут, как в специфике темпоральности, так и в особенностях Линии Передачи.

Впрочем, этот вопрос требует величайшей тонкости при изучении и осторожности при Операциях. Сердце подскажет...

Пробыв в Клермон-Ферране два дня, мы уезжаем утром. И снова дождь смывает все следы, растворяя коагуляты произошедшего в фиолетовый снег памяти, лежащий на изумрудных камнях активного Воображения под оранжевым небом Воззрений.



4. ПЕРИГЁ. МИСТЕРИЯ УЛИЦЫ.

Перигё: серый город под серой погодой.

Серое успокоение.

Будто серая куртка брошена на серое покрывало обыденного дня: время – 16.00, состояние отпущенное.

Воля разлита и «серый всадник гладит коня».

Серые камни...

Старый французский дом. Старая квартира. Доски пола и щели между ними. Распахнутая всезаброшенность преддождевого конца октября.

Черепица на соседних крышах, квартирка под чердаком...

Перигё.

Странный городок.

Главный его Храм является важным пунктом на Камино де Сантьяго, посвящён Святому Фронту. Он не древний, в основном сильно переделанный в девятнадцатом веке архитектором Полем Абади (по его проекту, также, возведена парижская Сакре-Кёр). Катедраль Святого Фронта, скорее всего, можно отнести к смеси Византийского и Романского стилей, а также – экспрессивных добавлений Абади. Храм имеет форму равностороннего греческого Креста, пять Куполов, огромных размеров интерьер и множество башен...

Масштабы сооружения, конечно, впечатляют и определённая красота-со-смыслом таки транслируется.

Тем не менее, сей Катедраль пуст. В нём не ощущается ТОЙ Передачи, родом из средневековья. Если Гнозис древних Тамплей – благородное Вино, то наполнение Собора Святого Фронта – что-то вроде пива. Неплохого, аббатского Пива, но это не идёт ни в какое сравнение с напитком из лозы...

По крайней мере, так ощущается сначала.

Перигё – город маленьких улочек, сотворённых в светлом камне. Его настроение подобно прозрачному стеклу, даже – хрусталю. Небольшие домики, как радостно-простые деревянные игрушки, брошенные беззаботным ребёнком в чашу небольшой, но

достаточно просторной, ванны. Когда идёшь по Перигё, ты будто плывёшь в акватике мистерии улицы, разгребая счастливыми ладонями лёгкую субстанцию упомянутых домиков.

Река.

С её противоположного берега прекрасно и удивлённо созерцать огромный Собор, его многочисленные башенки, может и выглядят для искушённого взгляда несколько вульгарно и избыточно, но в прохладном уме, они вполне ассоциируются с шишками хмеля. И это придаёт несколько мятный привкус всему созерцаемому.

Улица, как Архэ течения жизни между уютом домов, – своеобразная Икона Перигё.

Чудо серой обыденности.

Путь от Нотр-Дам к домику Николя и Пернеллы...

В Перигё сохранились довольно мощные руины центральной башни, точнее – целлы, древнего галло-римского Храма, посвящённого местной богине – Весунне (Vesone). Судя по всему, это одна из ипостасей Великой Матери. Её атрибуты – Рог Изобилия и Корзина с фруктами; Весунна – богиня Воды и Плодородия. Это, так ощущается, не вполне Кибела; энергия Весунны значительно легче и не такая тотальная; она, вне сомнений, связана с общефранцузской, кельтской, Мелюзиной...

Сия Русалка вполне насыщает городскую улицу акватикой живой души, завивает тирсы плющом и виноградом, венчает их шишками пиний... всё это и есть уют. Тот золотой уют, так чаемый детьми и людьми в своих тонких мечтаниях о реставрации личной версии Золотого Века.

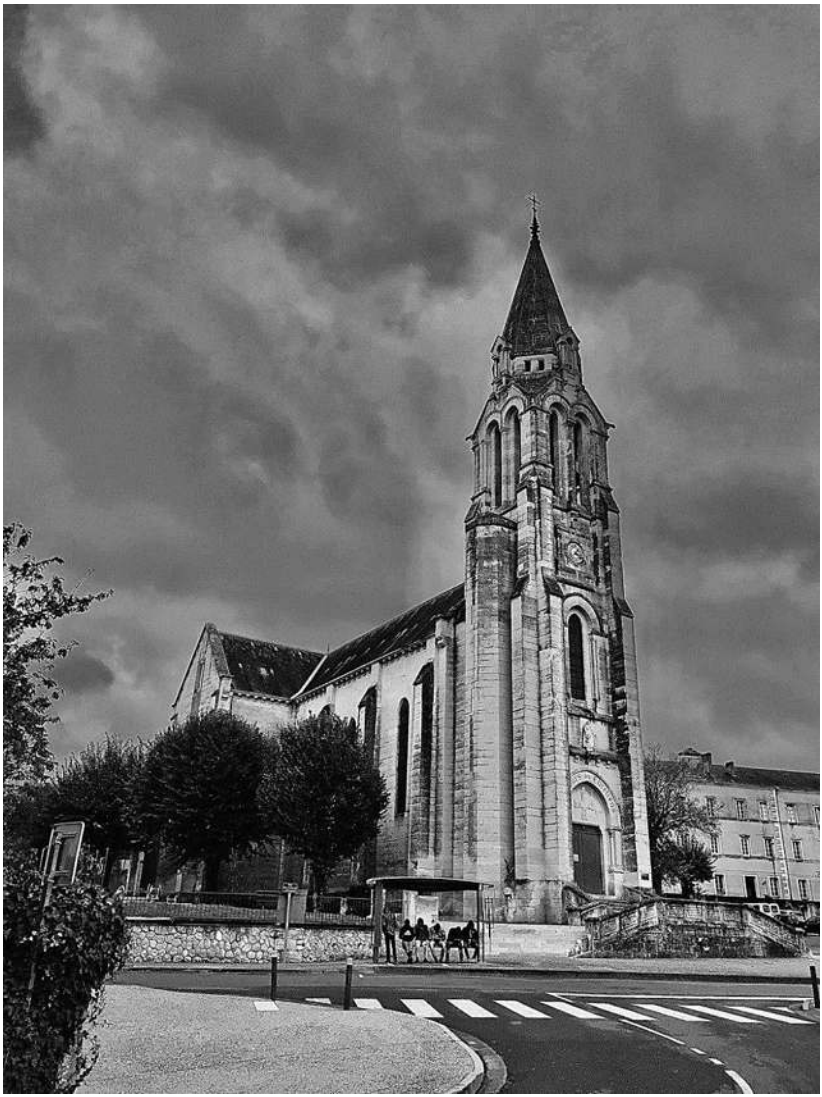
Это – и счастье, и проклятие.

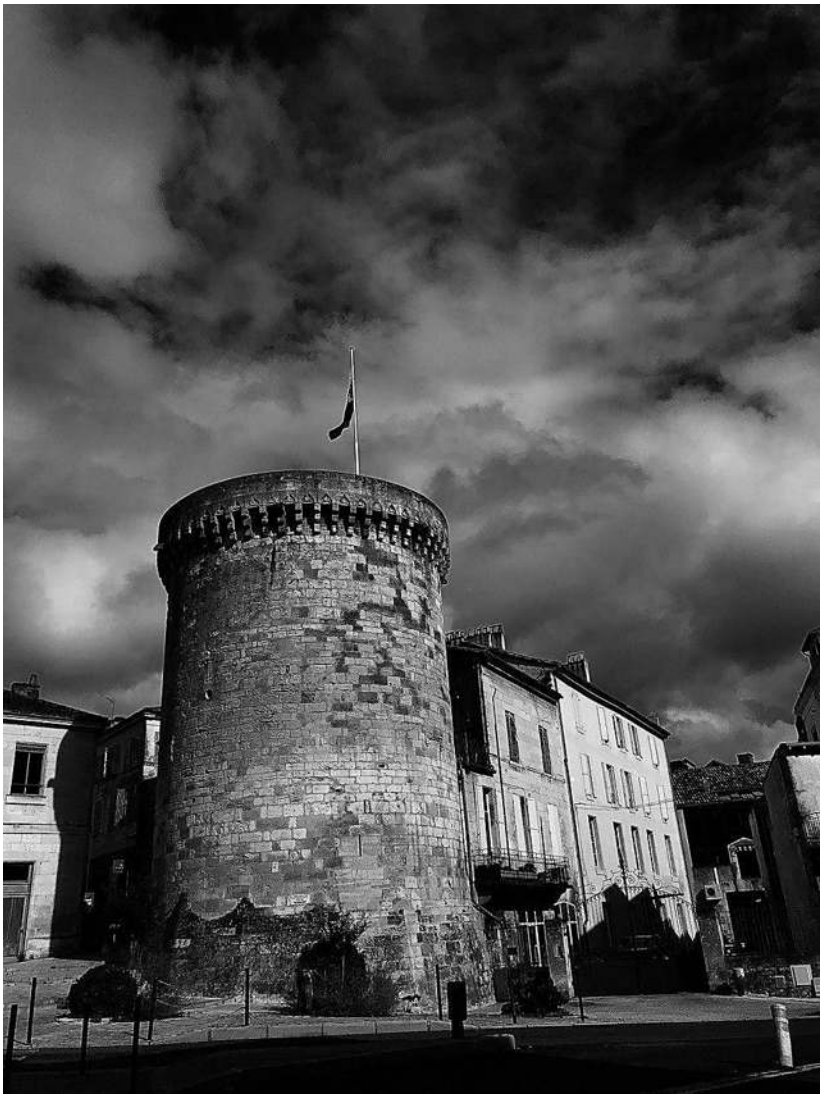
Проклятие тогда, когда сии фонтаны и струи закрывают Небо Истины.

Счастье: когда они – изумрудный узор в непривязанном созерцании стальной серости ровных дней и ночей.

Весунне приносили жертвы: на территории остатков Храма найдены кости баранов, коров и лошадей. Наделение Силой (в любых контекстах Великой Матери) всегда связано с убийством живых существ, с жертвами...

ZONE
30
Attention
Enfants !





Святой Фронт (а ему посвящён Собор), по легенде, пришёл в Перигё с семидесятью учениками и принёс Учение Христа. Судя по всему, его Линия Передачи значительно потеснила Весунну, однако, не уничтожила её окончательно. Сфера Мелюзины осталась жива.

Гугеноты (в шестнадцатом веке) сильно повредили тогдашний главный Храм Перигё, надругались над мощами Святого Фронта и так было совершено своеобразное возмездие матриархальных божеств.

Война Богов; война людей: порою, они пересекаются весьма откровенно и конкретно.

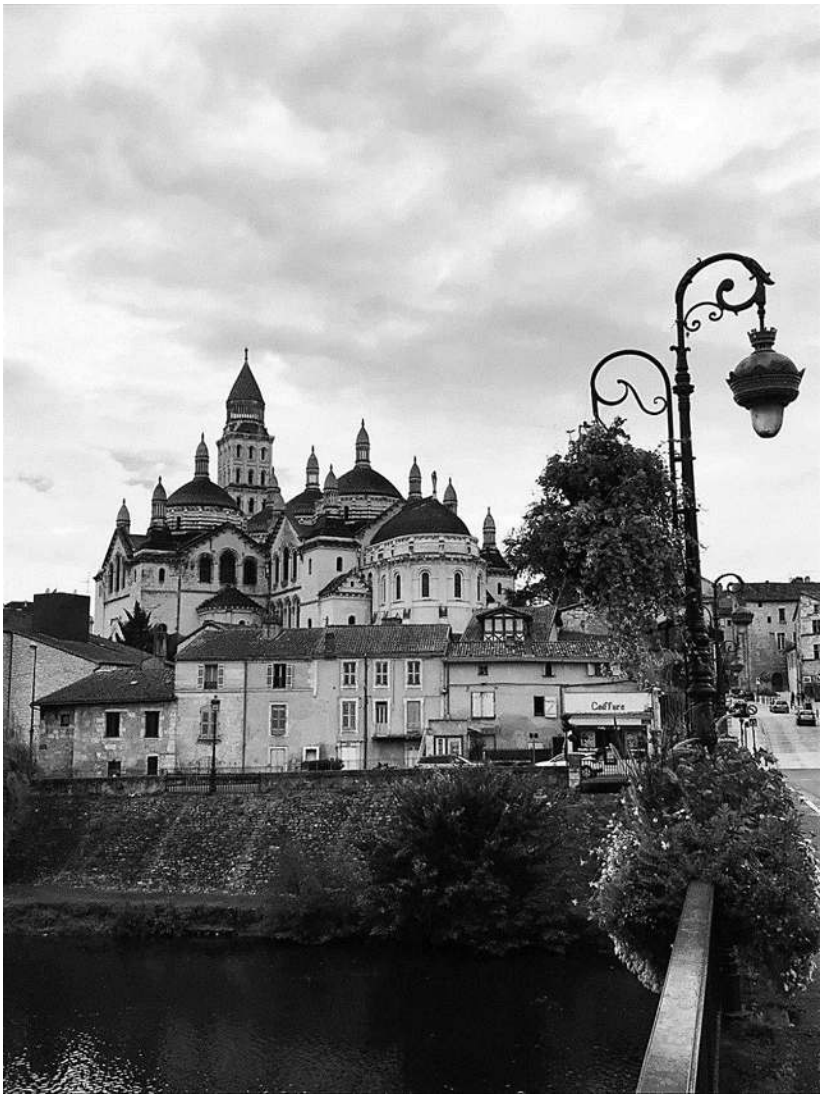
Катедраль Перигё поистине грандиозен и своей структурой во многом повторяет Собор Святого Марка в Венеции.

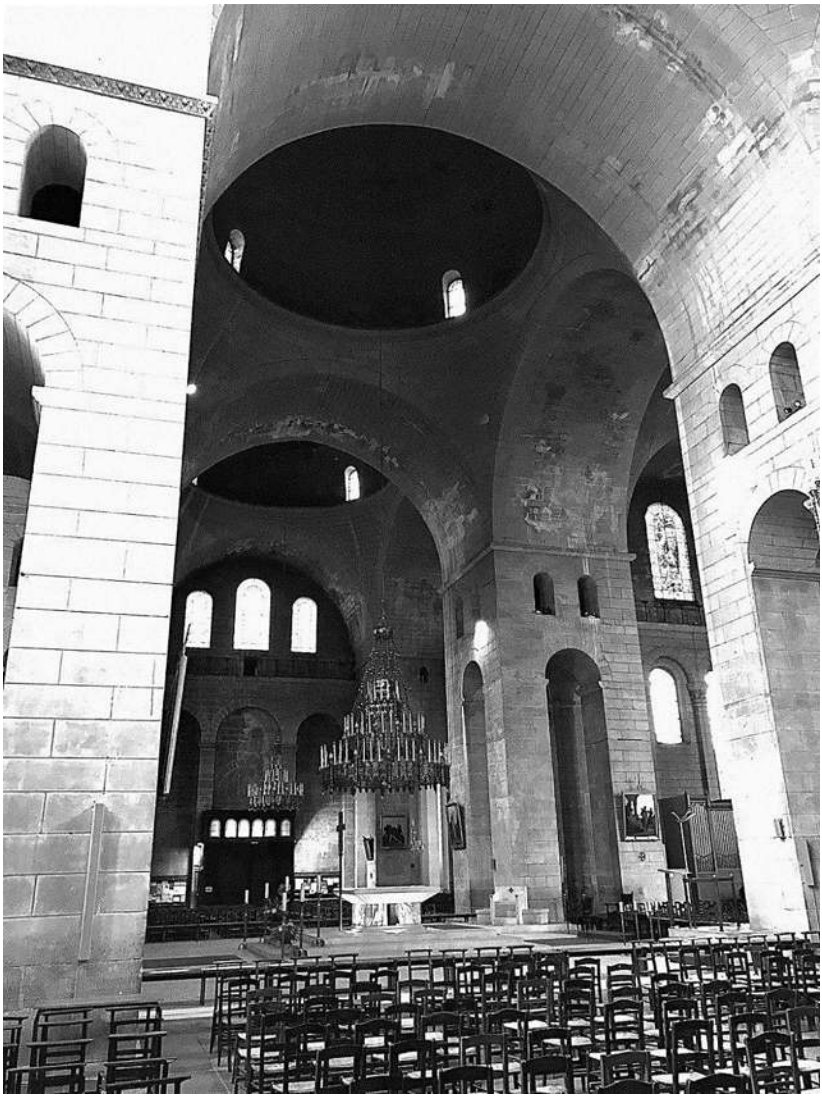
Примечательное отличие Храма в Перигё от упомянутой венецианской святыни и от Сакре-Кёр Парижа – девственность и аскетика внутреннего устроения. Потому не происходит избыточного катафатического перегрева, чреватого впадением в прелесть.

Собор Перигё не донёс в себе аутентичной средневековой Передачи, он реставрирован, доделан и освящён под эгидой католицизма-после-Тридентского-Собора, то есть: «соль уже сильно потеряла силу солёности». Посему, сей Храм, не столько низводит Поток Сверху, Линию Передачи, сколько воздействует собственно пространственно, формой, геометрически, в большой мере, только отражая пневму оператора на него самого. Получается, здесь, главную роль Смысла, играет степень выведенности тонкой Воды Живой, насыщенной Огнём, у самого оператора: он оживляет (может оживить) данный Храм.

Потому, сюда, пожалуй, в контексте Пилигримажа, имеет смысл ехать уже после Операций Окрашивания в предыдущих сущностных Тамплях.

Поскольку, мы достаточно полноценно наполнились в более ранних Паломничествах, постольку, Собор Перигё для нас и прекрасен, и наполнен Гнозисом.


CadTurs



Шишки Хмеля...

Дионис...

Вслушаемся во вкус этой цитаты, взятой у Ортеги-и-Гассета («Три картины о вине»):

«...Тициан пишет людей, которые ещё способны соединиться с божественным. У Пуссена эта способность людьми уже утеряна, и настоящее волшебство винного праздника доступно уже только богам. А Веласкес изображает людей, уже разорвавших всякую связь с божественным космосом, которым осталась только выхолощенная бездуховная материальность. ...Веласкес вымостил дорогу, по которой пришло наше время – время, в котором нет богов, … эпоха, в которой мы, вместо того чтобы говорить о Дионисе, говорим об алкоголизме...».

Присутствие Диониса ясно ощущается в Соборе Перигё: Шишки Хмеля венчают множество его башенок. Эта пневматическая и блаженная щедрость, ещё и наполненная геометрией Смыслов, наиболее выпукло, в русской литературе, пожалуй, выражена именно у Евгения Головина.

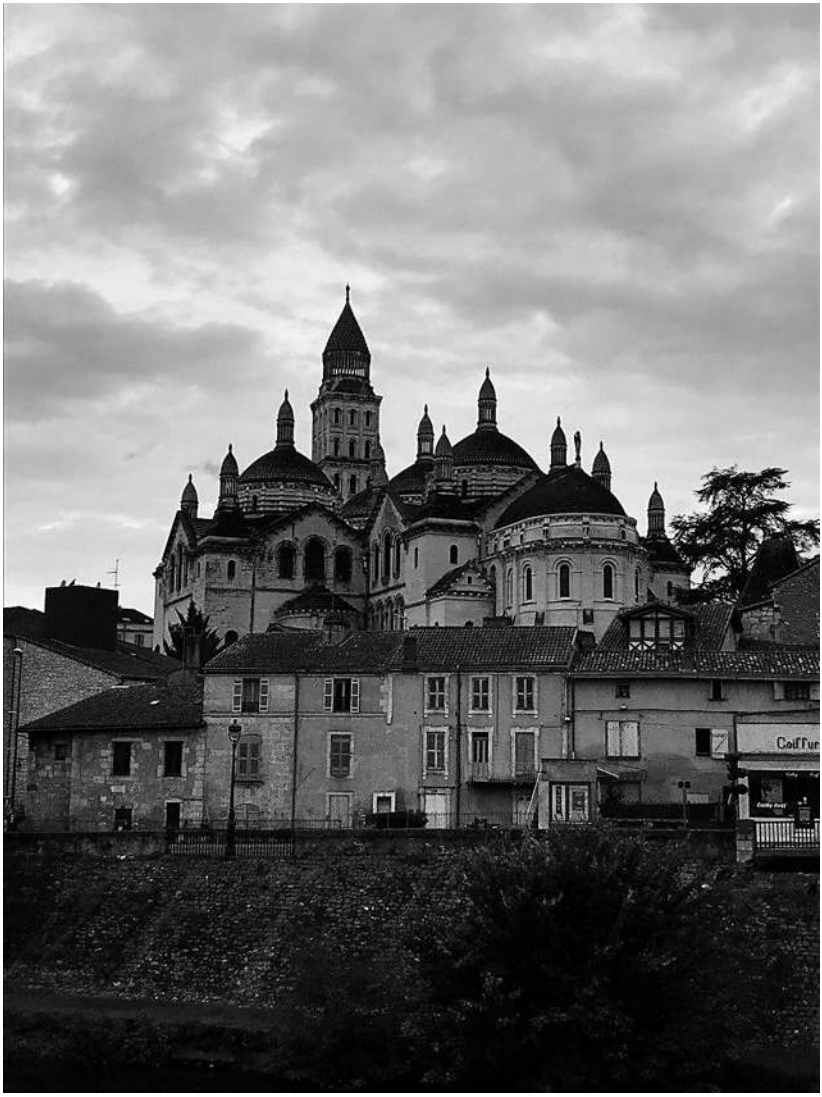
Детские игры.

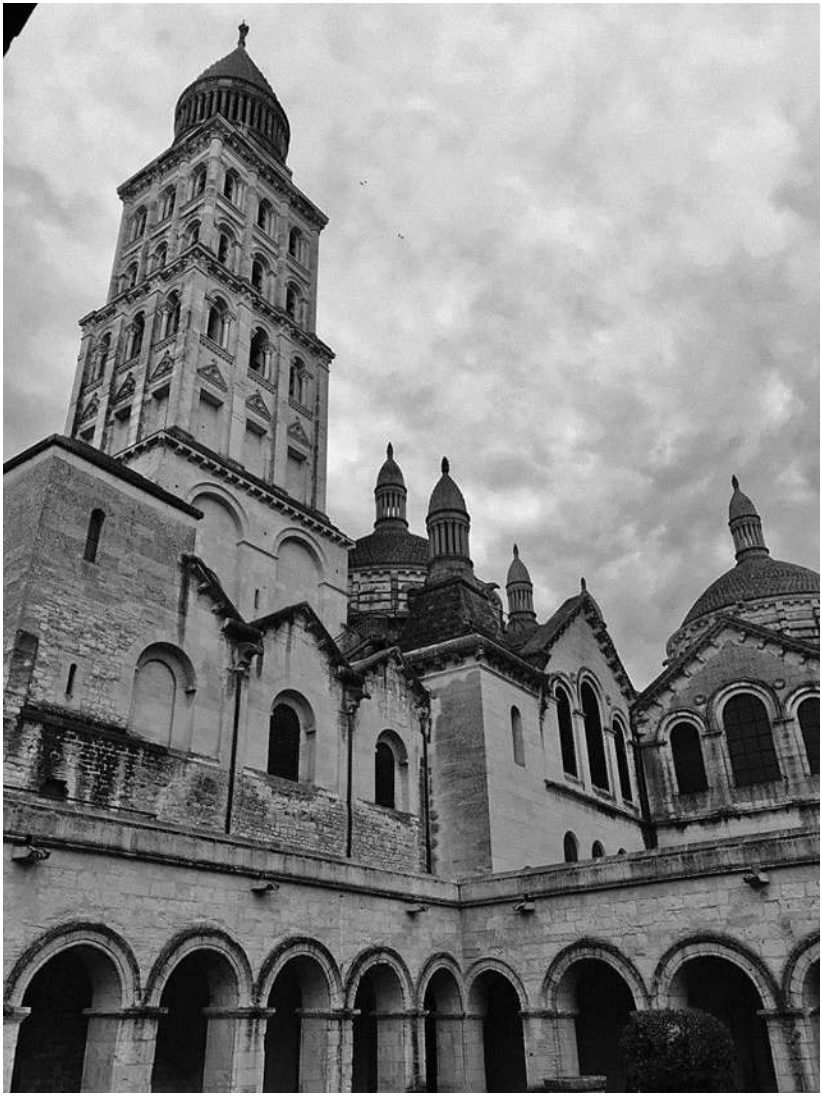
Детские сказки.

Узоры транзитной андрогинности.

Вино и его испитие, качество и наполнение сего деяния, зависят от колебаний тонких составляющих всех участников данной Мистерии. Вне мистериальности Вино пить не стоит. В нашем видении Собор Святого Фронта подобен драгоценной бутылке с хорошим вином, однако, окончательный аккорд сущностного наполнения сего измерения должен сделать сам оператор.

Капли солнечного огня, из виноградин лозы, рассеяны туманом в вине, но последнее оплодотворение совершает Пламя Сердец. Векторное Пламя. Тогда может проявиться сам Дионис. Тогда – Мистерия, а не алкоголизм.


Coiffur



Мелодика французского языка уникальна в своём милозвучии: немецкая речь, пожалуй, хороший контрастный фон для сего осознавания. И, если логос германского языка прекрасно продолжает себя в Высокой Философии, то обертоны Мелюзины и Святого Людовика прямо апеллируют к Герметизму и Алхимии...

Последнее, конечно, вне всяких сомнений, связано с Дионисиями и Мистерией Вина.

Немецкие архетипы категоричны и молниеподобны, в их «всё и сразу» в примере городской среды, безусловно выделяется Храм.

Оборонный Храм.

Имперский Собор.

Во Франции, иначе – здесь имеет место тонкое и узорчатое равновесие Катедраль и Улицы, Улицы и Дома...

Священный узел Неба и Земли находит разрешение в лучах улиц, расходящихся от Собора, омывающих другие Тампли.

Собор Перигё имеет пять Куполов и пять купольных пространств, ими организованных. Сия геометрия моделирует соответствующие настроения неких накоплений. Фиксаций.

Имея в виду всё вышенаписанное о качестве современной католической Передачи, можно сказать, что они – впуклые Зеркала, концентрированно отражающие Оператору суть его Воззрений и веер его Сил и Гнозиса.

Поскольку они расположены Равносторонним Крестом, постольку, Фиксация акцентируется ещё раз и конкретно.

В русле христианского мифоса все крайние Купола – это четыре Евангелия, центральный – некое Евангелие от Иисуса, Тайное Евангелие...

Вечный Сентябрь созерцает Четыре Собрания Прибежища:

- Собрание Святых;
- Собрание Реализованных Воинов-Рыцарей;
- Собрание Праведных Царей;
- Собрание Адептов.

Эти Четыре Собрания призываются и ощущается их живое Присутствие. К ним обращаются Молитва (женский аспект) и Воззвание (мужской). В первом идёт обращение Раба к Господину,

во втором – Друга к Другу; в зависимости от разных обстоятельств, актуальнее одно, или другое, либо – равновесие. Эта композиция, также является приложением Истинной Формулы к объёму вопросов контакта с Линией Передачи.

Перигё засыпает и просыпается.

Идёт дождь и веет ветер.

Звездные излияния нисходят на его холмы, трогают лучи рассветов, ускользает свет закатов...

Жизнь продолжает свою циркуляцию. Храм и Мистерия Улицы обучают друг друга. Обучают Истине, внутри Истины, вослед Истины...

Старая квартирка под чердаком. Черепица соседних крыш в окне. Потрёпанные книги в шкафу...

Эта страница переворачивается и Паломничество, свершив серое отдохновение в средневековых улочках Перигё, продолжается.

LA THEIERE Gourmande

5. БОРДО – ГОРОД КОНТРАСТОВ. ХРУСТАЛЬ НА ГРЯЗНОМ БЕТОНЕ.

Бордо сразу выныривает некой мигрантской усталостью, тупой и грязной. Множество нищих и мигрантов, грязные улицы, утомлённые лица прохожих с бледными озабоченными настроениями.

Грязь.

Большой город.

Нам везёт и, совсем немного отойдя от вокзала, попадаем в Романский Храм Святого Креста, говоря более по-русски, Крестовоздвиженский. Сразу понятно: сей Тампль один из лучших виденных. Не снимая рюкзака, свершаю Три Прохода и Воззвание.

Будто меч и ножны.

Немного пешей ходьбы – и мы уже у Тампля Святого Михаила с Башней рядом, которую местные называют «Стрела». Это Готика, умноженная сама на себя: благодаря стремительной Веже ощущение Вознесения и взлёта дублируется. Вкруг упомянутой Башни беснуется базар; множество грязных и вульгарных существ галдят, ругаются, торгуют, в воздухе висит устойчивый запах мочи и нередко чуть не наступаешь на экскременты. Просто удивительно, как местные власти допускают такое бесчинство подле Священного места. Впрочем, ясно, потому и допускают.

Контраст максимален.

Собор Бордо.

Он уникален несколько раз.

Во-первых, это первый в мире Собор, посвящённый Апостолу Андрею.

Во-вторых, его как бы Фасад, главная композиция Врат, находится на Севере (!!!), что вообще нетипично для Христианских Храмов.

В-третьих, одна из Трёх (или, если чуть по-другому смотреть, Пяти) Башен, вынесена вне самого здания и она не совпадает с основной осью симметрии Храма, поскольку смещена к Юго-Востоку. Такая отдельная Вежа как бы связывает Катедраль Бордо

с другим Тамплем этого града, посвящённым Архистратигу Михаилу (у которого рядом Башня-Стрела).

С Северной Стороны Собора две симметричные стреловидные острые Вежи: они выражают момент активной Фиксации именно в направлении на полюс Единой Звезды. Сие выглядит несимметрично, ибо такой Фасад как бы устанавливает прямой угол к главной оси Восток-Запад и эту динамику ещё больше усиливает отдельно стоящая Башня.

Если мы вспомним, что Северную Розу Нотр-Дам-де-Пари называли ещё Розой Алхимиков, то многое прояснится... или: «тёмное, станет ещё более тёмным».

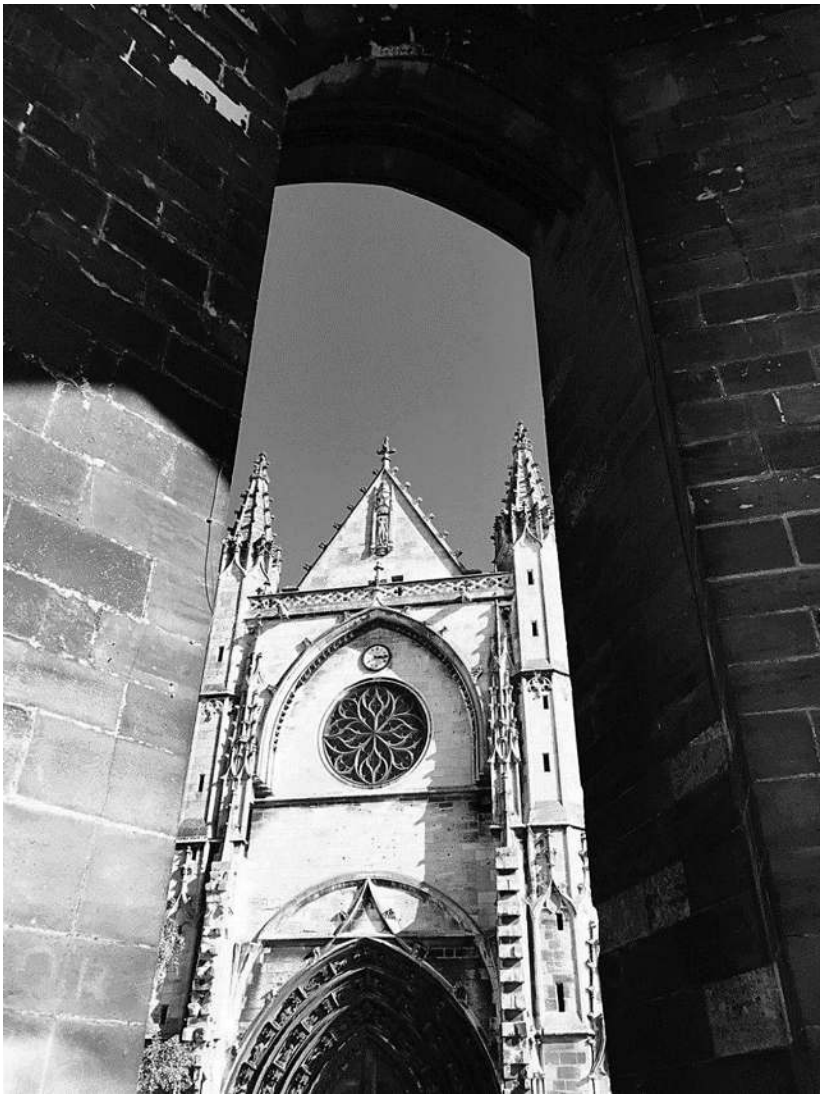
Вино.
Вино конечно же связано с Бордо.
Пожалуй, именно Красное Вино...

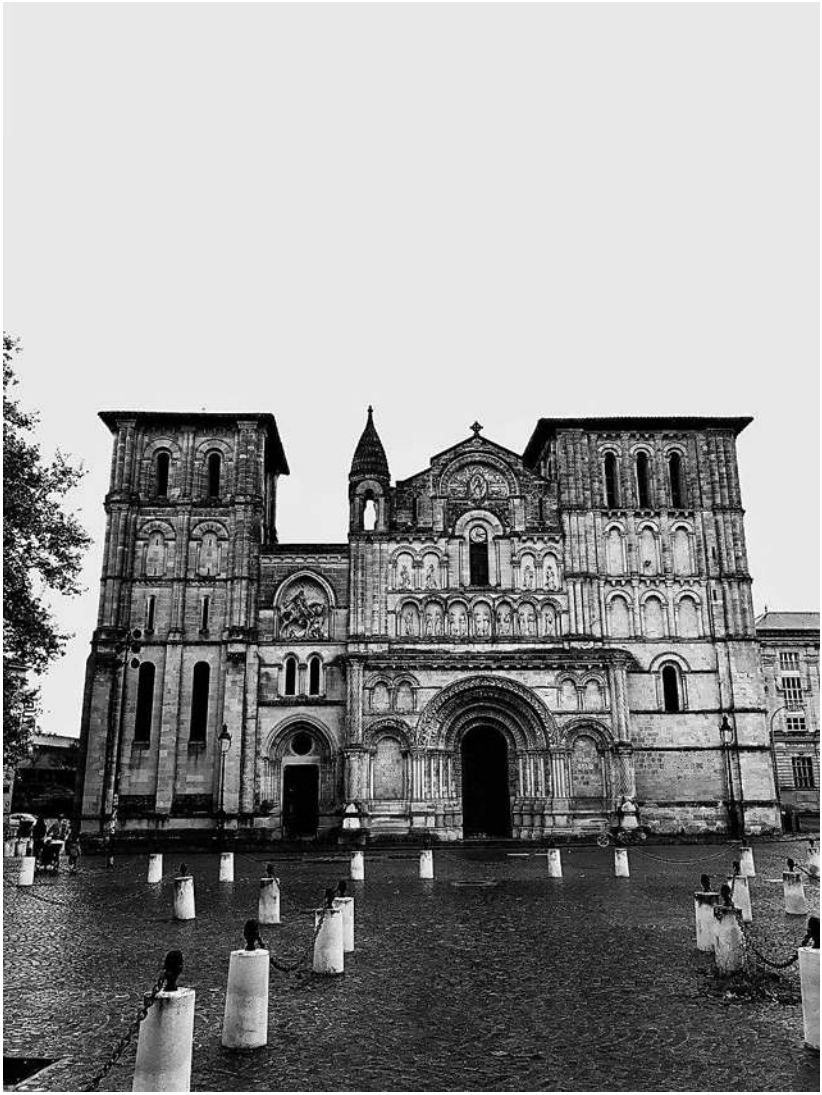
Продолжая разговор об Андрее Первозванном, приведём большую выдержку из весьма интересного текста Павла Зарифуллина:

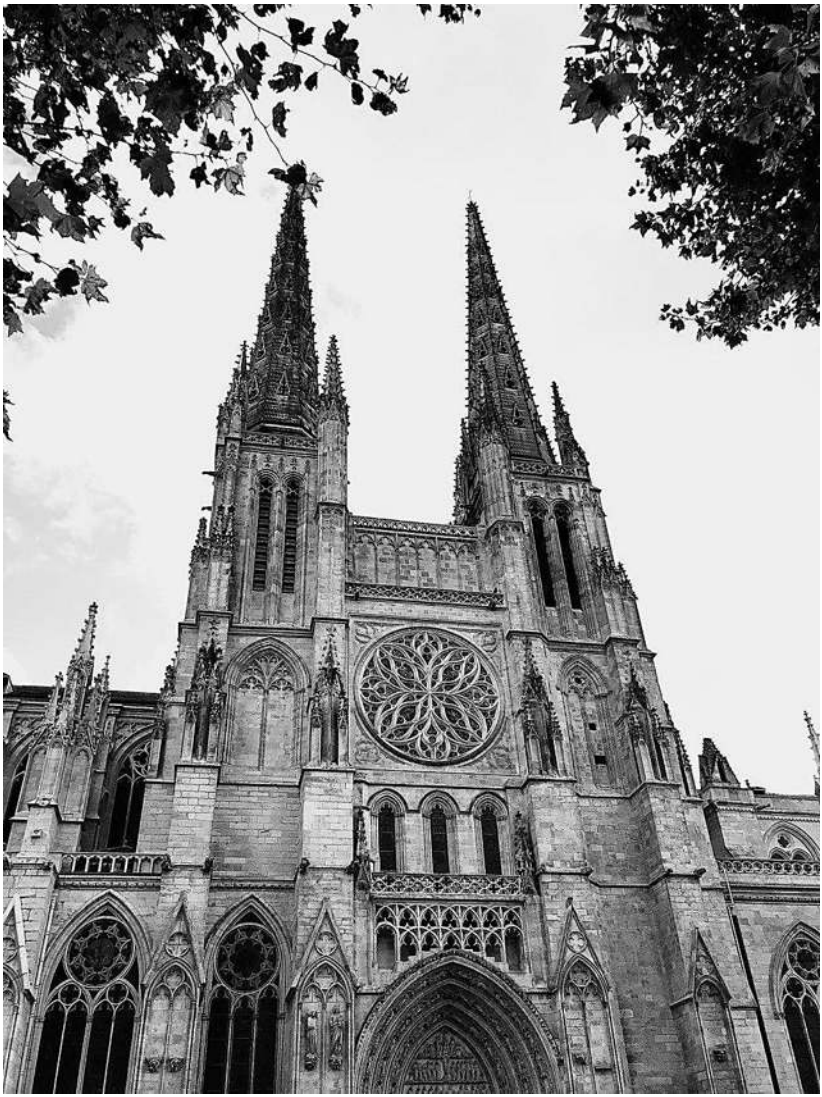
«Ессей у скифов

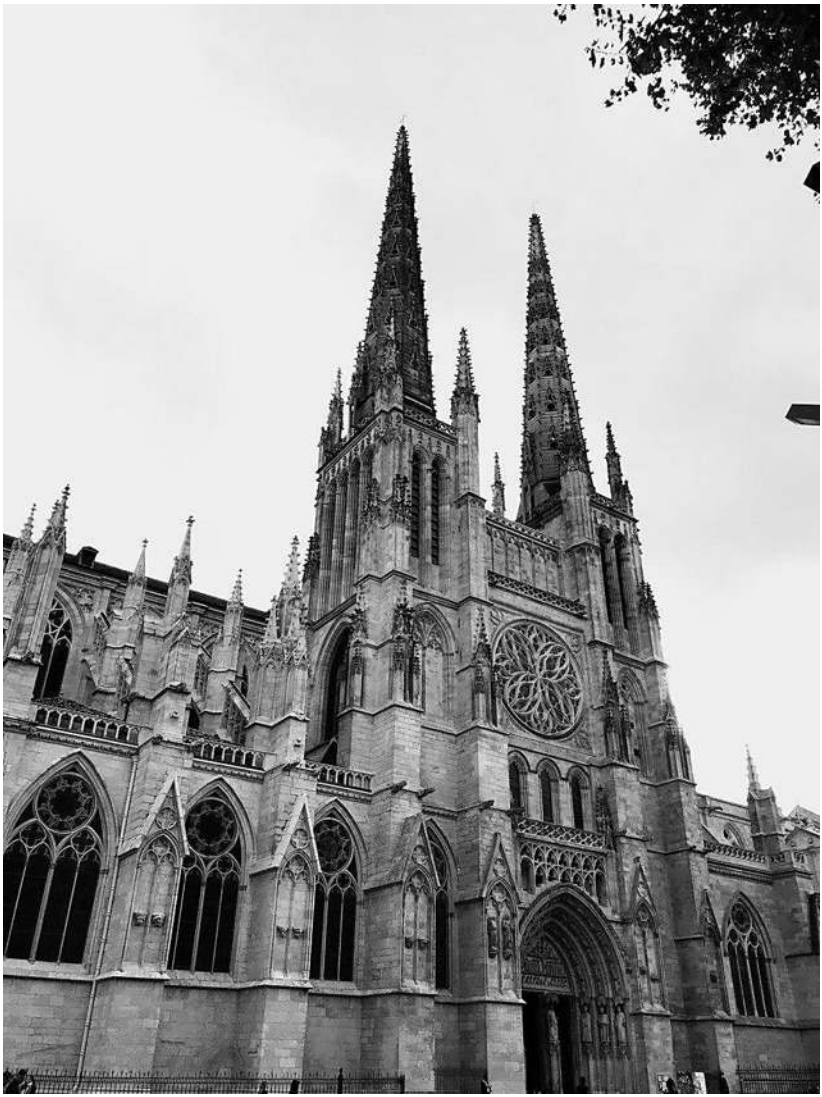
Пржевальский называл скифское пространство, скифский топос «прекрасная пустыня». Земля мужчин и бесконечный «сухой путь»: между колодцев, засыпанных песком или снегом, молясь далёким планетам и небесным огням, медленно шествуем на верблюдах, собаках, коврах-самолётах. Скорости зафиксированы тысячелетними наблюдениями за ездовыми животными. Поэтому двигаемся шагами: своими, звериными, часовыми. Как треск огня: три-четыре-три-четыре. В ритме хрипа дрейфующих льдов.

Когда апостолы делили мир, то каждый мог ещё выбирать пространство по вкусам своим. Апостол Андрей в юности жил в общине Иоанна Крестителя. Пророк-Предтеча в то время сотрудничал с ессеями. Это был закрытый мужской полувоенный лагерь в бескрайней сирийской полупустыне. Оттуда Андрея забрал (или он сам забрался) Христос.









Но проповедовать Слово Спасителя Первозванный апостол отправился в страны типологически сходные с месторазвитием своей молодости. Он поехал к скифам – через моря и приморские города-таверны: к скифам, к кочевникам, к простым – суровым и добрым, и злым людям в шубах и странных колпаках. Живущих в полувоенных лагерях – «гуляй-полях». Эти перекати-посёлки тысячелетия позже назовут вагенбургами.

Там он нашёл с кочевниками общий язык, крестил часть номадов в Крыму на Кубани и чуть ли не в Киеве. Есенин писал, что все мы «скифы, принявшие Византию глазами Андрея Рублёва». Но изначально это выражение, наверное, соотносится с другим Андреем. Мы – скифы, принявшие Христианство языком Андрея Первозванного. Христианство в первые века умудрялось дать каждому народу – «каждому своё». Его северная миссия велась гипер-пассионарным экс-ессеем, мужчиной-полюсом, аскетом (убеждённым безбрачником), кочевником пустынь и степей.

Сакральная география христианства запечатлит впоследствии Север, как пустыню духовного спасения. Ушедшие с берегов Оронта на далёкий Восток и Север, антиохийские несториане навсегда останутся в истории религии как Церковь Пустыни.

Церковь, крестившая тысячи становищ мужчин-небо-звёздопоклонников, а также их жён, наложниц, детей, освятила номадические транспортные средства и временные жилища.

А потом скитальцы-несториане неожиданно повстречали за Пустыней, за Скифским миром – землю другого христового апостола. Там же они отыскали и его мощи – останки апостола Фомы.

Страна Близнеца

Вся история про интересующее нас Царство Пресвитера Иоанна базируется на очень древних мифах про путешествие Фомы во «Внутреннюю Индию» – страну священных знаний и мамонтовой кости рек.

Фома по прозвищу «Близнец» (как две капли воды похожий на Христа) – герой гностических эзотерических новелл, апостол досконально пытавшийся докопаться до сути вещей. Словно шаман или чёрный маг, или европейский доктор – совавший руки в тело Спасителя.

Он добрался до «Белой Индии» – страны на крайнем Востоке, он же сформировал христианское понимание Востока, ориенталистской священной географии. Это была легенда о закрытом священном царстве, пограничном Раю, имеющим с Эдемом общую речную систему. Пресвитер Иоанн – герой несторианских и гибеллинских средневековых хроник – «защитник-протектор» миссии апостола Фомы, хранитель его мощей.

Православные апокрифы именуют Иоанна «царём-попом индийским». Однако надо отметить, что в средние века «Индия» не имела чёткого географического местоприбывания, конкретной коннотации. Не случайно тамплиеры нашли её потом в Эфиопии. Храмовники, бежавшие от французских королей к королям Кастилии и Португалии, однажды отыскали Индию в Америке. Вест-Индию.

Перед нами два практически фрактальных, «дроблёных» топоса, две подвижные страны христианской Ойкумены: Скифская Пустыня апостола Андрея и «плавающая» Индия апостола Фомы. В средние века этим землям суждено было пересечься, скреститься между собой, пропитаться друг другом. Тогда Север оказался Востоком. И наоборот.

Райский Северо-Восток

Как соотносятся друг с другом два Пространства? Горизонтальная и сетевая пустыня-степь с эзотерической вертикалью-троном наследников Близнеца и Брата Спасителя?

Можно конечно построить метафору, что пустыня – это дорога, поприще и препятствие на пути к земному раю. Но подобно тому, как равны 12 апостолов между собою, так и принципиально равнозначны и два «месторазвития»: Очарованная Пустыня Скифов и Благодатный Оазис Пресвитера Иоанна. Фиолетовая ночь степной серебряной фольги скрывает заманчивый и гипнотический Полюс Востока.

В бифуркационных «тонких» пространствах не бывает незыблемых систем координат – вертикаль легко смыкается с горизонталью и наоборот. А на степных курганах распускаются аттракторы-маки, а в священном царстве – пустыни покрывают реки,

чтобы отхлынув – вывалить виноградные сады драгоценных камней и редкоземельных металлов.

Север = Востоку. Они перекликаются, «гойкаются» друг с другом на тайном скифском языке, чередуя грудные и фальцетные звуки. Великая Скуфь органично перетекает в Царство Пресвитера Иоанна. Вместе они образуют Полюс-Сферу евразийской геометрии.

Тарелочку, с катающимся по нему райским яблочком».

(Павел Зарифуллин, первая часть «Трактата о Пустыне и Царстве»).

В Бордо, за двое неполных суток, мы обнаруживаем пять сущностных Храмов:

- Собор Святого Андрея;
- Тампль Святого Петра;
- Базилику Святого Сатурнина;
- Храм Святого Архистратига Михаила;
- Аббатство Святого Креста.

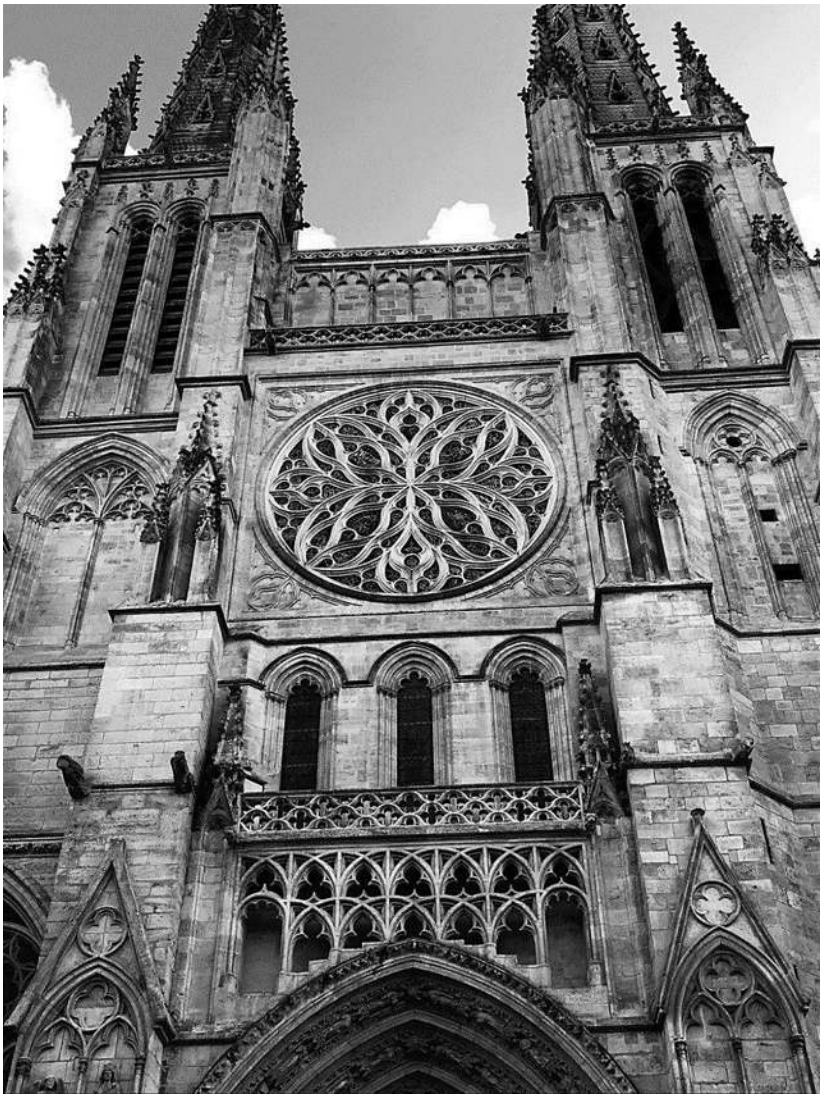
Каждый из них – отдельная история и ей можно посвятить довольно много страниц описаний...

Так вот, эти Храмы, словно драгоценные чаши, поставленные в грязь. Бордо, город не особо приятный, он не гармонирует своим Храмам, но противопоставлен им.

Характерно и то, что испитие вина здесь идёт нелегко, атмосфера «винной столицы» оставляет желать много лучшего.

Район Базилики Святого Креста и Храма Архистратига просто кишит всякого рода грязными во всех смыслах, персонажами: нищие, безумцы, бомжи, множество мигрантов. Ощущение, будто тараканы повылазили из всех щелей. Их состояние уверенно и довольно агрессивно, видно: они тут дома и замечательно себя чувствуют.

Груды мусора прямо возле башни Стрелы, у места предводителя Небесных Воинств, – иначе как акт надругательства сие не воспринимается...



Дождь мелко и серо сечёт по моему зонту, я стою напротив Аббатства. Его дверь закрыта и ожидание возможности войти в сии чертоги, вместе с низвержением вод, приходит на каменную мостовую, успокаиваясь среди упавших листьев.

Совсем рядом беснуется некий бомж, он что-то орёт прохожим, явно испытывая состояние высокой интенсивности.

Монотон дождя нивелирует и его рваную суету.

Двери остаются закрыты, старый Храм хранит свои тайны, густой туман молчания венчает Бордо на упокоение среди Царствия.

На этом завершим и мы.

Завершим одно и начнём другое.

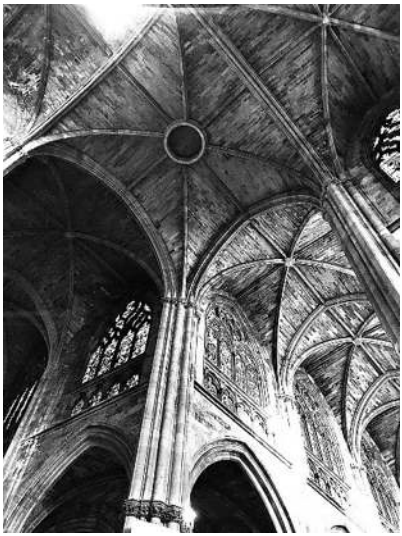
Вернёмся в Клермон-Ферран и к его Собору Вознесения Девы. Здесь, 26 ноября 1095 года, Папа Урбан Второй, произнёс речь, наполненную исключительной силой, призвав Рыцарство к Крестовому Походу и к освобождению Иерусалима. Начало Похода было определено на День Вознесения Богородицы, 15 августа 1096 года.

Было явлено множество чудес, было совершено множество подвигов (и немало преступлений), и вот 15 июля 1099 года Священный Град взят.

После Первого Крестового Похода в Палестину было направлено ещё восемь. Происходили Крестовые Походы и в Европе, и на Север, Реконкисту, также можно считать событием из этой же серии.

Рыцарство получило само и предоставило своим врагам исключительно качественные обстоятельства для реализации Сухого Пути, для возможности обретения Триумфальной Смерти...

Возможно, отдельно стоящие Башни Бордо, у Собора и Стрела, являются некими каменными формами Передачи, в символическом ключе, Гнозиса о Сухом Пути и неким активирующим предлогом для этого. Особенно, если учесть уникальный Северный Фасад Катедраль...



К вечеру дождь набирает силу. Он всё более смывает грязь, его трепетанье уменьшает ощущение непримиримости Земного и Небесного.

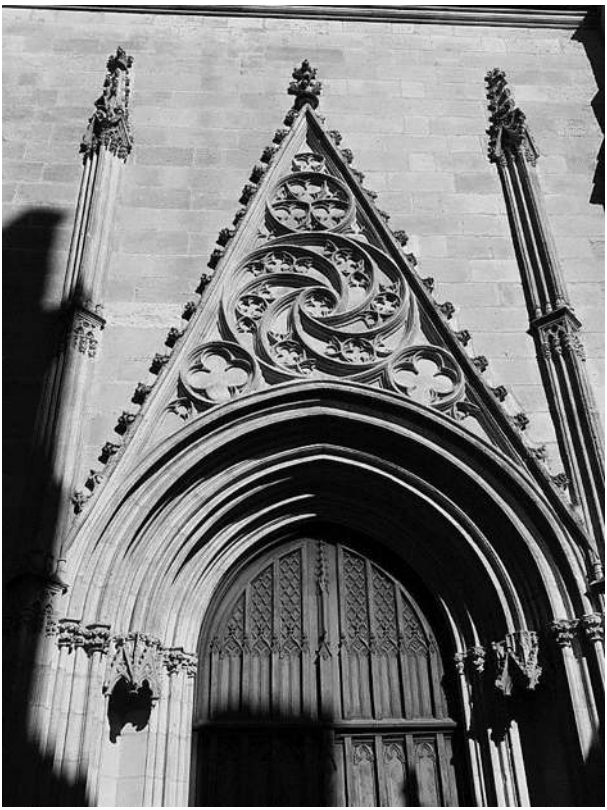
Наверное, в пору затяжного дождя хорошо прощать. Отпускать. Мириться и совершать жесты праведного Сочувствия.

Дождь, своим ритмом, похож на траву. Он прорастает ей навстречу, он приводит в срединное то, что было вознесено.

Дождь сообщает благодатный мир.

«Да Пачем Домине».

«Da Pacem Domine».



6. АНГУЛЕМ: БОРДО НАОБОРОТ. УХОД ПЕРЕДАЧИ.

Начнём сей мини-опус с цитаты:

«Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья.

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья».

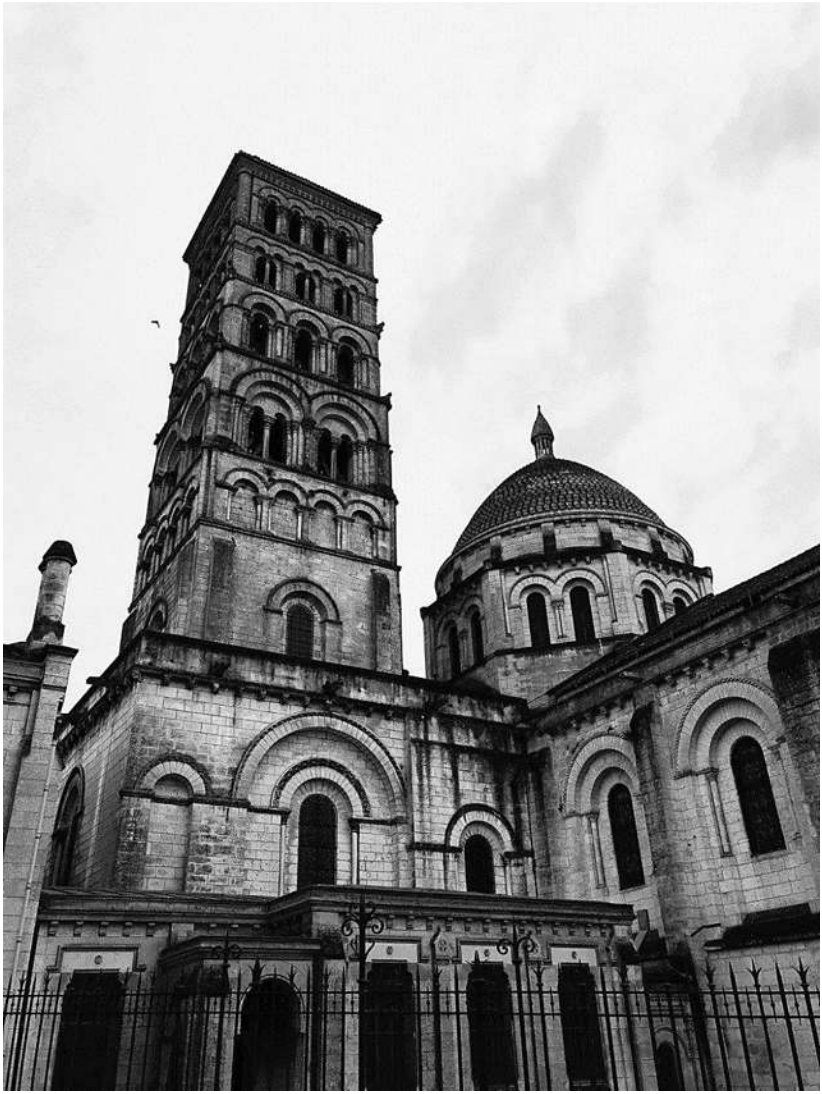
(Георгий Иванов)

Как видим, в этом странном настроении весьма своеобразного стиха говорится о Пепле и, соответственно, Операции Растворения. Кое-кто из знающих утверждает, что сие действо наиболее важное, особенно, в это время.

Бордо оставляет привкус одновременно восторга от сущностного великолепия Храмов, и мутной усталости от инфернального засилия грязи на его улицах. Своеобразным аккордом-печатью ситуации явилась встреча парочки содомитов прямо в чреве Тампля Архангела Михаила, они, оказывая друг другу комплекс жеманных знаков внимания, сенситивно изучали архитектуру прямо в чертоге Главного Демоноборца.

Как говорится, ирония войны...

Мобильное нательное устройство, поистине, гениальнейшее изобретение, позволяющее надежнейшим образом изымать душу из людей. Что и наблюдается всюду на улицах: там, внимания, ушедшие в девайсы; а те, кто как бы пока не смотрит туда, ощущается, что начеку совершить эту, уже самую привычную в своей жизни, операцию. Не исключено, что умирая, современник будет не переезжать Стикс на какой-то лодке, – его всосёт в себя чёрный экран мобильника. Рай и Ад для таких станет неразличимой вереницей вечных соцсетей...



Всё более нарастает тенденция замены человека автоматом: продавцов, билетёров и так далее. Техноалхимия тотально захватывает измерение; возможно, вливание мигрантов в таких масштабах, должно на уровне формулы крови подготовить материю для невиданных ранее, операций.

Старый мир окончательно дотлевает.

Переезд.

Совсем недолго, около 40 минут, и мы в Ангулеме.

Сразу ощущение, будто сняли какую-то ношу и одновременно, отмылись. Кожа дышит привольно и легко. Городок сразу нравится.

Идём мимо первого Готического Храма: собранные формы, сублимированный огонь втянут окрест и поднят в Шпиль. Тот – коронован небольшой короной и знает свою потаённую Звезду. Неф и трансепт, всё как нужно. Тампль Нашей Девы немного внизу, потому ощущение прыжка в него прямо с черепичных крыш соседних домов...

Поселяемся. Забрасываем вещи.

Всё ещё в весьма приподнятом состоянии устремляемся в Собор.

Катедраль здесь вроде как Романский, однако, оказывается, что его сильно реставрировал и вообще-то перестраивал, уже известный нам Поль Абади (Сакре-Кёр Парижа и Собор Перигё).

Заходим в Собор. Белое великолепие. Почти идеальная Романо-Византийская форма и... пусто.

Пустота.

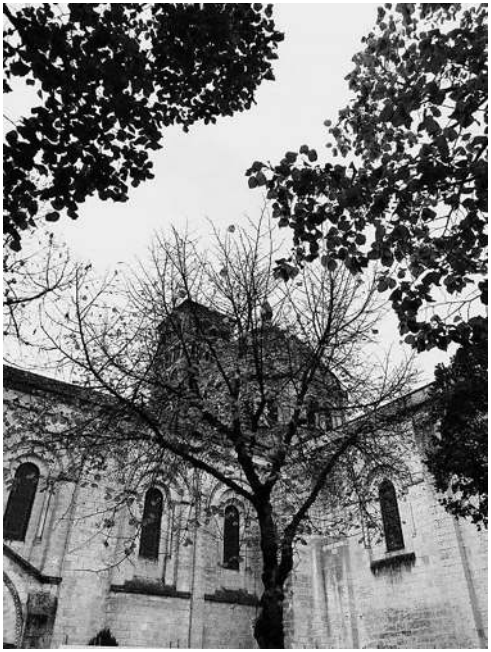
Нет ощущения Священного Присутствия. Вообще. И Три Прохода, практически, повисают в нигде...

Бродим Ангулемом.

Немного дождливая погода. То и дело выныривают Храмы. В них невозможно зайти. Закрыты.

Городок разбросан на холмах и может просиять неслабым наследием Романики и Готики.

Однако: местный Нотр-Дам – оказывается неоготикой, формы и Крипта – великолепны, витражи – отвратительны. Передачи в нём тоже нет.



Храм Святого Ausone закрыт. Он красив извне, однако, тоже неоготика Поля Абади. Передачи в нём не обнаружено.

Тампль Saint-Martial открыт и здесь, вроде, наконец находится отдохновение. Тем не менее, опять же не чувствуется явного Присутствия Иного. Навожу справки: это сооружение тоже, в основном и окончательно возвёл Поль Абади в девятнадцатом веке.

Похоже, весь Ангулем, все его Храмы, так или иначе, переделаны Полем Абади и, так ощущается, что этот факт повлиял на то, что не видится Передачи. Чисто с эстетической точки зрения, особо придраться не к чему: всё красиво и точно. Однако, видимо, что-то в теле намерения всё же не то.

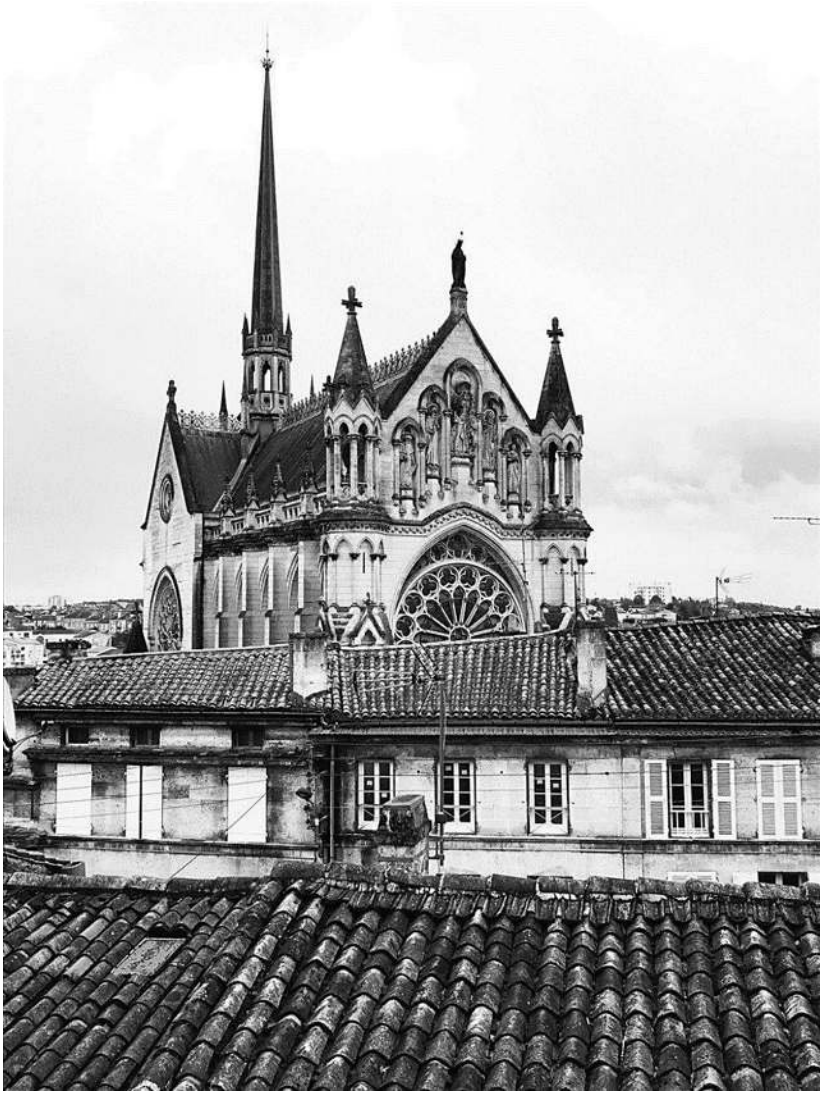
Пожалуй, стоит сосредоточиться на фигуре Поля Абади и на смысле его главного произведения – Сакре-Кёр Парижа. Сия базилика была построена «во искупление грехов Парижской Коммуны 1871 года», когда волна кровавого хаоса и множества (нескольких десятков тысяч) убийств заполнила город. Всего за неделю было уничтожено по оценке Мак-Магона 15000 человек, а по подсчётам генерала Аппера – 30000. Огромное Подношение человеческой крови и страдания...

Судя по всему, после данных событий парижане испытывали массовое чувство вины, которое было усугублено чередой неудач во внешней политике. И как некое искупление возвели, начиная с 1875 по 1914 годы, по национальной подписке (то есть, на пожертвования граждан в том числе), Сакре-Кёр. Характерно и то, что в год завершения строительства началась Первая Мировая Война, в которой Франция потеряла около одного миллиона человек...

Видимо, гекатомбы жертв Коммуны, добавились к такому же следу Революции, а после – усилились следами Мировых Войн: совокупно, всё это почти отрезало Сакрум Передачи.

Сия печальная тема конкретно усугубилась сожжением Нотр-Дам-де-Пари в апреле 2019 года: этот важнейший Храм, казалось, прошёл уже всё, и войны, и осквернения, и забвение ...

Нотр-Дам-де-Пари (особенно, имея в виду находящийся там Терновый Венец), играл своеобразную роль базового Женского,



в общем созвездии большинства Катедраль, ингредиента. Он животворил сие Измерение. Возможно, его Мужским аспектом как раз и был упомянутый Венец...

Сейчас эта эманация погашена, Небеса стянулись и закрылись, Париж практически сакрально погас.

Усугубляет проблему и то, что после разрушения Нотр-Дам, храмовым центром концентрации Парижа, похоже, стала базилика Сакре-Кёр. Она, конечно, вполне симпатичная, особенно снаружи, однако, сей храм пуст. В нём нету Священной Передачи родом из Средневековья. Он построен на вине и из вины, даже – из отчаяния.

Словом, плохие пришли времена, они и так были далеко не замечательные. Но после сожжения Нотр-Дам, всё пошло на ничь.

Может потому некоторые Храмы Рыцарского Созвездия вообще, Франции, в частности, потеряли ту степень Присутствия, которая была в них ещё совсем недавно.

Тем больше требуется от современного оператора аспекта внутренней воинской зрелости на всецелом пути к Рыцарскому Опусу.

Ангулем оказался очень милым городишком. Душа привольно пила мистерию его чистых улиц. Сердце Гнозиса не нашло.

7. ПОЧТИ ЭПИТАФИЯ ХРАМУ.

Что может быть прекраснее правильного Храма?
Что самое совершенное сотворил Человек?
Что остаётся на столетия живым, знаменуя сокровенную Передачу от Сердца к Сердцу?

Храм.
Только Храм.

Храм – это самая суть Сути Красоты, а значит, и Мистического Опыта, как Искусства Состояний.

Храм – это Эссенция силовых полей, потому: чертог Магии в самом высоком смысле этого слова.

Храм – это Ковчег всех Вещей, так созвучный Ноевому, он сохраняет правильные пропорции тайного и явного; метафизического, запредельного и обыденного.

Храм отражает человеку Человека: его небесную матрицу транзитную в деле всецелого стяжания Истины.

Простолюдины молятся на своих детей. Они уповают на себя дорогих.

Благородные понимают: в определённом смысле, Храм, существо, на первый взгляд (всего лишь) из дерева, камня или кирпича, намного более важное, чем люди. Конкретные люди с их вялым, невнятным бытиём.

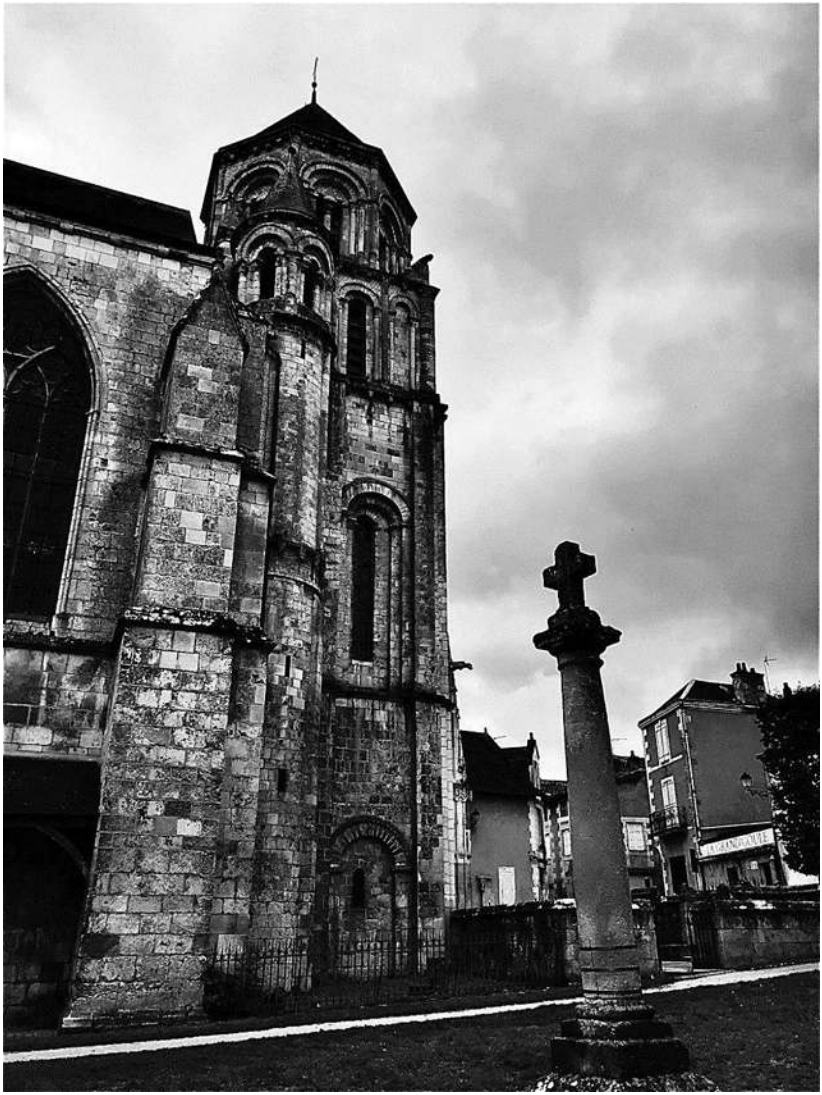
Ибо жизнь вне вектора и Смысла, недостойна Человека – именно Храм, ежедневно, еженощно и ежечасно возвращает такое памятование двуногой скотине.

В Храме и только в Нём пересекаются социальное, демоническое и Божественное.

Храм представляет собою объёмное Зеркало, созерцая это Священное сооружение, в его ритмах и в его дыхании, можно узреть пневматическое тело, эманируемое Истиной и то, которое, в результате инициации многократным вхождением, можно будет распознать в себе и собою.

Храм, правильный Храм, учит отказу от приватизации. Ведь так хочется продлить это свидание со Святыней, навсегда

GRAND' GOULE



остаться в её арках, колоннах и контрфорсах. В сиянии витражей...

Но Храм не унесёшь с собою, он, по определению, щедр и пускает в себя любого.

Приходится пить его душою, запоминать в отпечатках своего тела, лелеять в измерении активного воображения.

Храм сопрягает судьбы. Здесь даются Обеты. Здесь, Он и Она свиваются в возможность андрогинного Существа. Андрогинное Существо достойно жить только в Храмах, оно их и обретает в Сферах Иных.

Оно их и дарует долам этим.

Потому, самая прекрасная и возвышенная для Человека участь, – быть Храмовником.

Рыцарем Храма.

Тамплиером.

«NON NOBIS, DOMINE, NON NOBIS, SED NOMINI TUO DA GLORIAM» – вот истинный Девиз Храмовника. Он звучит из глубин времени. Устами Героев и Рыцарей.

«ARISTATA ETEVITAT» – отвечаем на Него мы.

Всем Сердцем.

«PURIS OMNIA PURA»: такова Печать Окончательности.

8. ГЕРМЕТИЧНОЕ ЧУДО ПУАТЬЕ. КАРЛ МАРТЕЛЛ.

Пуатье.

Этот град сразу светло опьяняет. Чисто причащает. И Звёздно объединяет...

Первый же Храм от ж/д вокзала мгновенно узнаётся точной Романской формулой излияния Трактата об Аспекте Пречистости в Божестве...

Средние Века, чудесное время, когда даже простолюдины вместе с травами собирали звёздный свет, когда Благородные Рыцари находили Грааль, а Монахи конкретно соприкасались со Святостью.

Нет, мы не идеализируем тот волшебный, полный витражного сияния, век.

Обратимся, хотя бы, к книге Мишеля Пастуро, авторитетного учёного, под названием «Чёрный. История цвета». Далее приведённая длинная цитата говорит сама за себя:

«XVII век в Европе смело можно назвать черным веком как в социальном и религиозном плане, так и в плане морали и символики. Пожалуй, никогда еще европейцы не были так несчастны. Когда речь заходит о грубости нравов, дикарских проявлениях нетерпимости, чудовищных злодеяниях и бедствиях, люди обычно говорят: «прямо как в Средние века». Но они ошибаются, и мы, историки, хорошо это знаем. Им следовало бы сказать: «прямо как в XVII веке». Ибо этот век, век Людовика XIV и Версаля, великих художников и писателей, был веком тьмы и смерти. Несмотря на блестящую придворную жизнь и пышные празднества, расцвет живописи и литературы, прогресс науки и знаний, кругом царят нетерпимость, деспотизм и ужасающая нищета. К бедствиям войны, религиозным конфликтам, непосильным налогам добавляются еще климатические аномалии, экономический и демографический кризис, чума и другие опустошительные эпидемии, постоянный страх и голод. Смерть подстерегает повсюду. Со времен раннего Средневековья продолжительность жизни никогда еще не была такой низкой, никогда еще мужчины, женщины и даже животные не были такого маленького ро-

Tout est

ста, а подати и преступность не вырастали до такого уровня. Изнанка «Великого века» была темной, очень темной. И черный во всех отношениях был его цветом».

(...)

«В эту эпоху представители духовенства контролируют не только общественную, но и частную жизнь людей и повсюду стараются найти проступок или грех. Люди должны исповедоваться, предаваться самобичеванию и в знак покаяния одеваться в черное. Такие наставления дают своей пастве не только иезуиты, но и янсенисты».

(...)

«Пугающая чернота присутствует и в иных областях жизни, например в народных поверьях: Дьявол и его приспешники, которые в предшествующие десятилетия словно бы ушли в тень, во второй половине XVI века снова напоминают о себе. В 1550–1560-е годы множатся судебные дела о колдовстве и усиливается борьба с любыми формами поведения, которые подходят под определение ереси либо сношений с нечистой силой. Здесь мы сталкиваемся еще с одним распространенным заблуждением: принято считать, что суды над колдунами и ведьмами – характерная особенность средневекового мира с его так называемым обскурантизмом. Неправда: процессы над ведьмами, зародившись на закате Средневековья, достигли наибольшего размаха в XVI–XVII веках. Реформация с ее пессимистической концепцией жизни Человека укрепит в народе веру в существование сверхъестественных сил и в возможность заключить с ними сделку ради того, чтобы сполна насладиться жизнью либо приобрести какой-то особый дар – ясновидение, дурной глаз, умение насылать порчу, готовить волшебные зелья, изводить скот, губить урожай, сжигать дома и причинять разнообразный вред своим врагам. Дело довершит печатная книга, которая, появившись в середине XVI века, начнет распространять в больших масштабах не только сборники рецептов, но и трактаты по демонологии. И те и другие становятся бестселлерами. Среди авторов таких сочинений попадаются и просвещенные умы. Например, Жан Боден (1529–1596), философ, юрисконсульт, автор опередивших свое время трудов по экономике, праву и политологии: в 1580 году выходит его книга под названием «О демономании колдунов», где он рассуждает о силах Зла, о сделках с демонами, подробнейшим образом описывает колдунов и ведьм, перечисляет пятнадцать видов совершаемых ими преступлений (в том числе принесение в

жертву детей, каннибализм и совокупление с Дьяволом) и уверяет, что лучшие средства для искоренения этих злодеяний – пытка и костер. Вслед за книгой Бодена, выдержавшей несколько изданий, в последние годы XVI – в начале XVII века появилось множество других, написанных его подражателями. По всей Европе в судах все чаще рассматриваются дела о колдовстве, причем обвиняемые – сплошь и рядом женщины, которых обвиняют в плотской связи с Сатаной или его присными. У колдовства выявляется женское лицо, одержимость дьяволом опять становится актуальной темой, шабаш вновь оказывается в центре внимания, и охота на ведьм приобретает такой размах, какого не знала никогда прежде, в особенности в Германии, во Франции и в Англии. Причем протестанты в этих обстоятельствах часто выказывают большую жестокость и нетерпимость, чем католики».

Как говорится, имеющий очи да узрит, думающему, да откроется.

Битва при Пуатье.

732 год от Рождества Христова.

Карл Мартелл (Молот), майордом франков в 717–741 годах, останавливает здесь, между Пуатье и Туром, страшнейшее цунами арабских сил Омейядского Халифата. Так Европа спасена от мусульманского порабощения.

Если бы не Карл Молот, мы бы не созерцали сотни прекрасных Готических и Романских Храмов, не было бы освобождения Иерусалима в 1099 году, не было бы Реконкисты и не было бы Крестовых Походов...

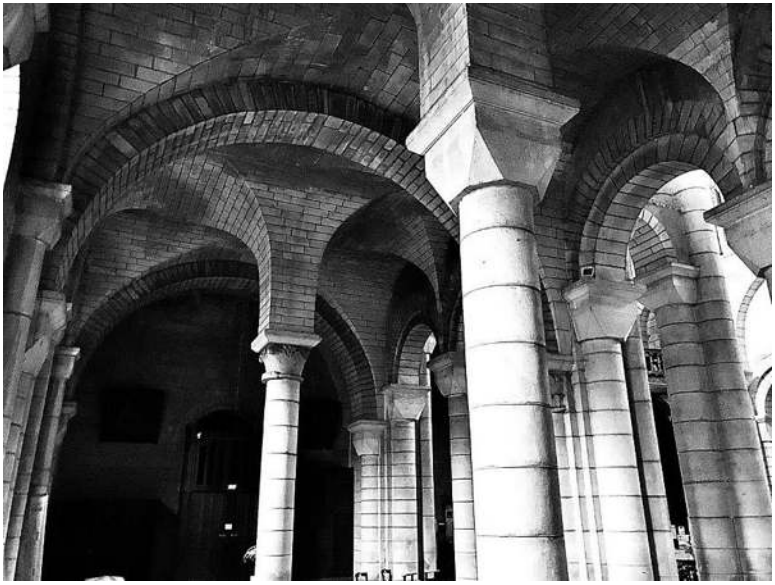
Возможно, Христианства как такового, вообще уже бы не было...

Карл Мартелл герметизирует, спасает, защищает то, что через пару сотен лет прорастёт раем Высокого Средневековья. В этом смысле, район Тур – Пуатье, в контексте сакральной географии, трудно переоценить. Особенно, Христианам.

Впрочем, если бы арабы уничтожили ойкумену христиан, они бы потеряли достойного и симметричного Врага и потому, по недолгому истечению времени, Ислам мог бы уйти тоже.

Навсегда.

Внук Карла Мартелла, Карл Великий, реально инициирует возвратную волну Реконкисты.



Крайне важно, также помнить: Рыцарство, как таковое, было инициировано именно посредством Опуса Карла Мартелла.

Карла Молота.

9. БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ. МЕЧИ В МЕЧИ. ГЛАЗА В ГЛАЗА.

Говоря про Тур – Пуатье невозможно пройти мимо важнейшей Битвы, о чём мы уже писали ранее.

Приведём обширную выдержку из книги Венкова А. В. «Великие полководцы и их битвы», используя самые сущностные фрагменты, попутно делая важные акцентирующие пометки.

Итак:

«Государственное объединение арабских племён (халифат) в VII–VIII вв. н. э. распространило своё влияние на весь Ближний Восток, Иран и Северную Африку. Арабы заняли Среднюю Азию, Закавказье, достигли Индии, Западного Китая, вели войны с Византией и Хазарским каганатом. В 711 г. они перешли Гибралтар, разбили вестготов, завоевали Испанию и севернее встретили противостоящую им силу в лице государства франков. Оно оказалось самым организованным и жизнестойким среди «варварских королевств» на территории бывшей Западной Римской империи».

Ко времени Битвы при Пуатье, скорее всего, Омейядский Халифат обладал самой мощной военной силой того времени. То есть, здесь, мы имеем дело с некой событийной и временной эссенцией, когда, в условиях праведной и Священной с обеих сторон, Войны, были инициированы наиболее сильные Огни, а значит, проявился исключительно сильно контекст возможности Триумфальной Смерти. В определённом смысле, Сражение при Пуатье, зачало Рыцарство, как явление мировой иероистории.

Продолжим внимательно изучать цитаты из упоминавшейся книги, прочитаем о снаряжении воинов противостоящих сторон. Так мы более конкретно сможем ощутить специфику «сцепления Огней». В данном случае, сие не будет научным занудством, ибо цель такого изучения вполне описана. Далее, в таких скобках /.../ позволим себе вставлять в цитируемый текст наши немногочисленные комментарии:

«Основную массу воинов составляла пехота. Кочевые племена бедуинов, ставшие основой арабской конницы, количественно уступали оседлому населению халифата в несколько раз и, соответственно, многочисленная арабская конница всё же уступала в количестве пехоте.

Конница арабов делилась на лёгкую и тяжёлую. Полное вооружение арабского всадника было весьма богатым и разнообразным. Воин имел оборонительный доспех ламелярного или ламинарного типа /здесь, в таком виде доспеха, существует некая ссылка на «чешую Дракона», что связано с воинской магией/ с короткими рукавами и длинным подолом, закрывающим колени. Могли также использоваться наручи, поножи и набедренники, которые, скорее всего, были византийского типа из продольных металлических полос. Использовались также кольчуги, надевавшиеся, видимо, под халат, что в условиях жаркого климата было далеко не лишним. Чешуйчатые панцири /см. примечание про «чешую Дракона»/ тоже находили применение, причём их могли надевать поверх кольчуги.

Шлемы были куполообразные /обратите внимание на форменную и пневматическую связь такого шлема и Купола/, склёпанные из четырёх и более сегментов. Иногда такие шлемы обтягивались сверху листовой бронзой или декорировались золотом вдоль швов /это играло роль Оберега, ибо шов – своеобразная грань, украина, золотая отделка привносит в эту проблемную зону Золото иного рода, Истины/. Шлемы обычно надевались на шапку, которая выполняла роль подшлемника. Поверх шлема могла накручиваться чалма, один конец которой свободно свисал сбоку. При песчаных бурях этим концом прикрывали лицо до глаз. Шлемы часто украшались изречениями из Корана /шлем, самая высокая часть снаряжения, в контексте Триумфальной Смерти важно было вывести сознание вверх, получалось, оно проходило как ты сквозь Коранический текст, что определяло вектор посмертия/. От солнца шлемы прикрывали куском ткани. Они могли иметь кольчужную бармицу, иногда закрывавшую всё лицо до глаз.

Из наступательного оружия применялся прямой двулезвийный меч с небольшим перекрестьем, концы которого могли плавно закругляться и находить на ножны. Про арабские мечи ходили легенды, что ими можно было рассечь лошадь. Меч был рубяще-

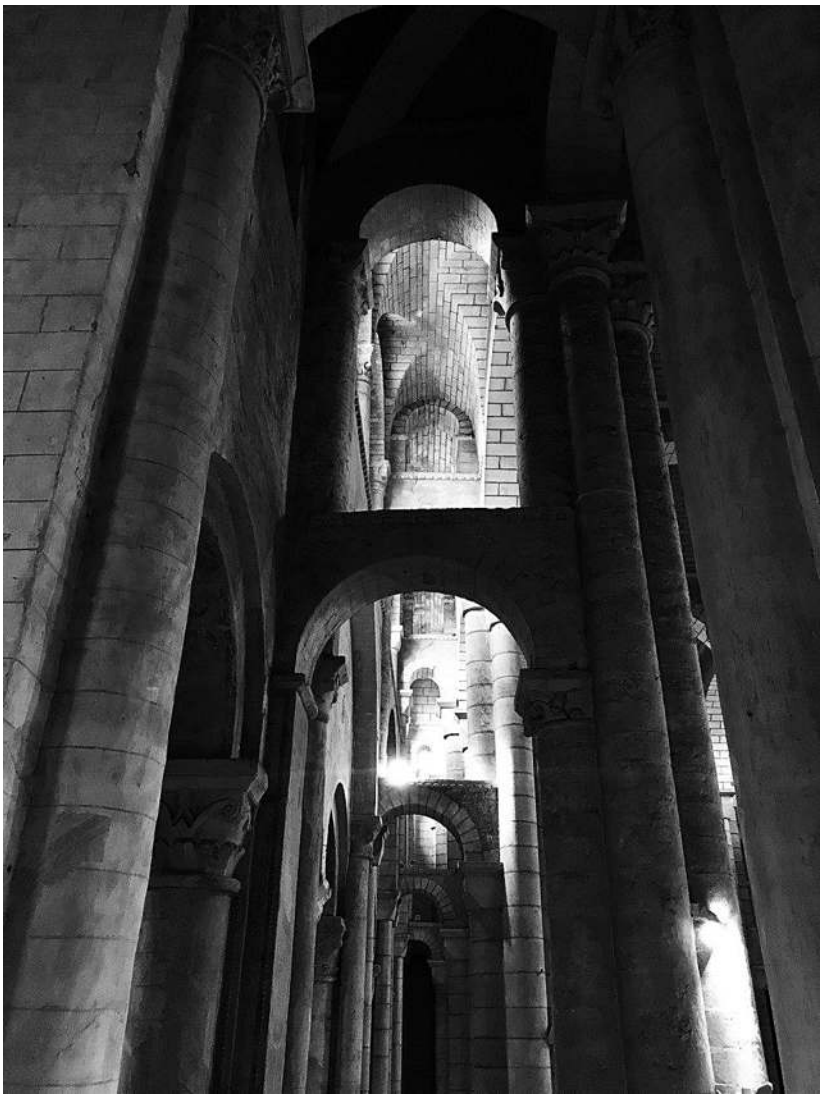
колющего действия. Интересно отметить, что в это время уже существует сабля «венгерского» типа, введение которой приписывают внуку Карла Мартелла Карлу Великому (такие сабли обычно использовали авары). Так что прямым мечам арабов некоторые франки могли противопоставить кривые сабли… У арабов могли быть похожие сабли, позаимствованные ими во время завоеваний. Очень популярными у арабских воинов были боевые палицы и топоры, последние иногда встречаются обоюдоострые.

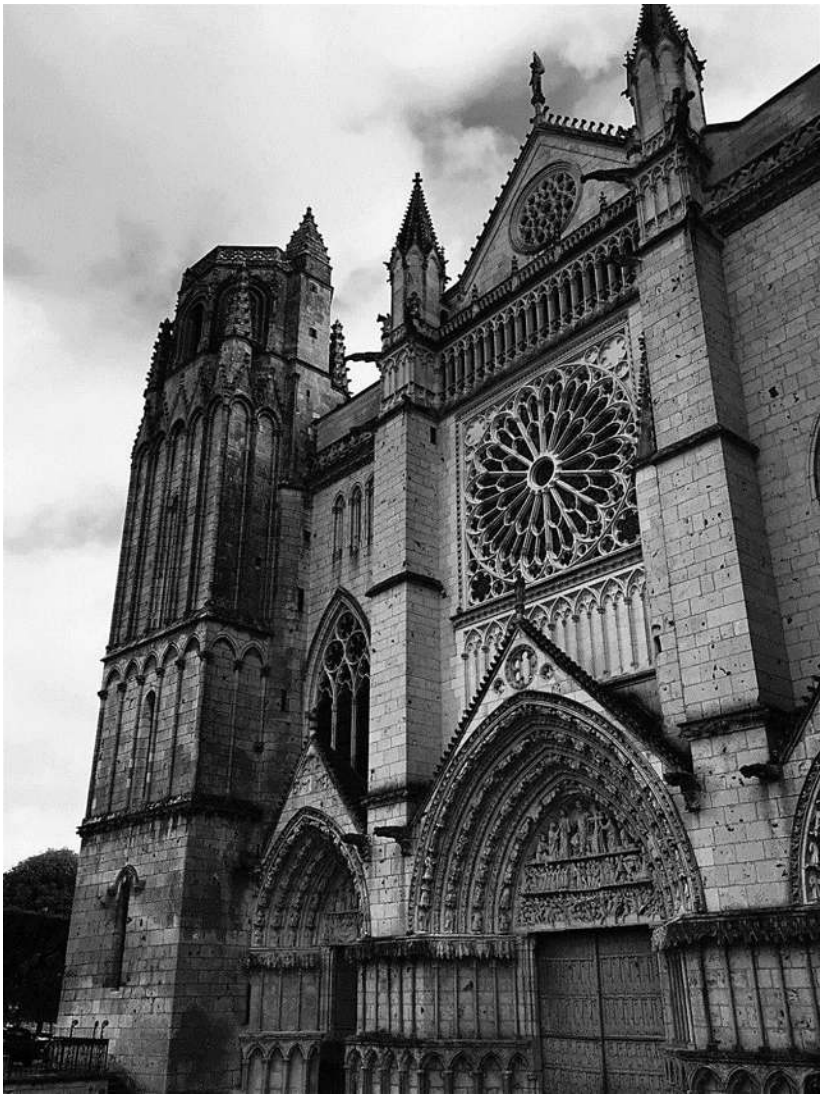
Длинные копья использовались всадниками и имели бамбуковое древко. Копьё по азиатской традиции держали двумя руками. При этом арабы использовали седло жёсткого типа с деревянным ленчиком и стремена. Лошадей подковывали тяжёлыми подковами. Посадка в седле боком при действии копьём исключала использование щита, который в это время забрасывали за спину. Щитом кавалеристы обычно действовали лишь в паре с мечом. Каждый воин имел два крепких лука и по 30 стрел в колчане. Луки у арабов были и простые в виде латинской «D», и сложносоставные клеёные, позаимствованные в ходе завоеваний. Стрелы могли иметь иногда металлическое оперение; непонятно, с чем связано такое неэкономное обращение с дорогим металлом.

Щиты арабы использовали деревянные, круглые, обтянутые кожей, с металлическим умбоном посредине. Возможно, уже тогда появились щиты очень своеобразной формы, которые в дальнейшем станут своеобразной визитной карточкой испанских мавров: как бы слившиеся два овала, иногда сужающиеся книзу. Щит имел два центра, к которым иногда прикреплялись кисточки.

Кроме вышеперечисленного в арсенале конного арабского воина источники упоминают 30 камней в двух перемётных сумах. Непонятно, каково было их применение. Возможно, просто для метания рукой в ближнем (лицом к лицу) бою /камень – наиболее хтоническое и стихийное оружие, потому, его боевое применение содержит в себе некие коннотации к наведению проклятия на поражаемого/.

В том же арсенале упоминается и один из древнейших видов оружия, это метательное оружие, называемое в Индии «чакра». Оно просуществовало до XIX в. Трудно сказать, когда оно возникло, так как ещё в древнейших индийских текстах, относящихся к III тысячелетию до н. э., упоминаются божественные огненные чакры, которые испепеляли всё на своём пути. Это оружие носило





сакральный характер, так как имело божественный прототип. Возможно, арабы переняли его у индийцев /важный момент о влиянии Индии на арабов/.

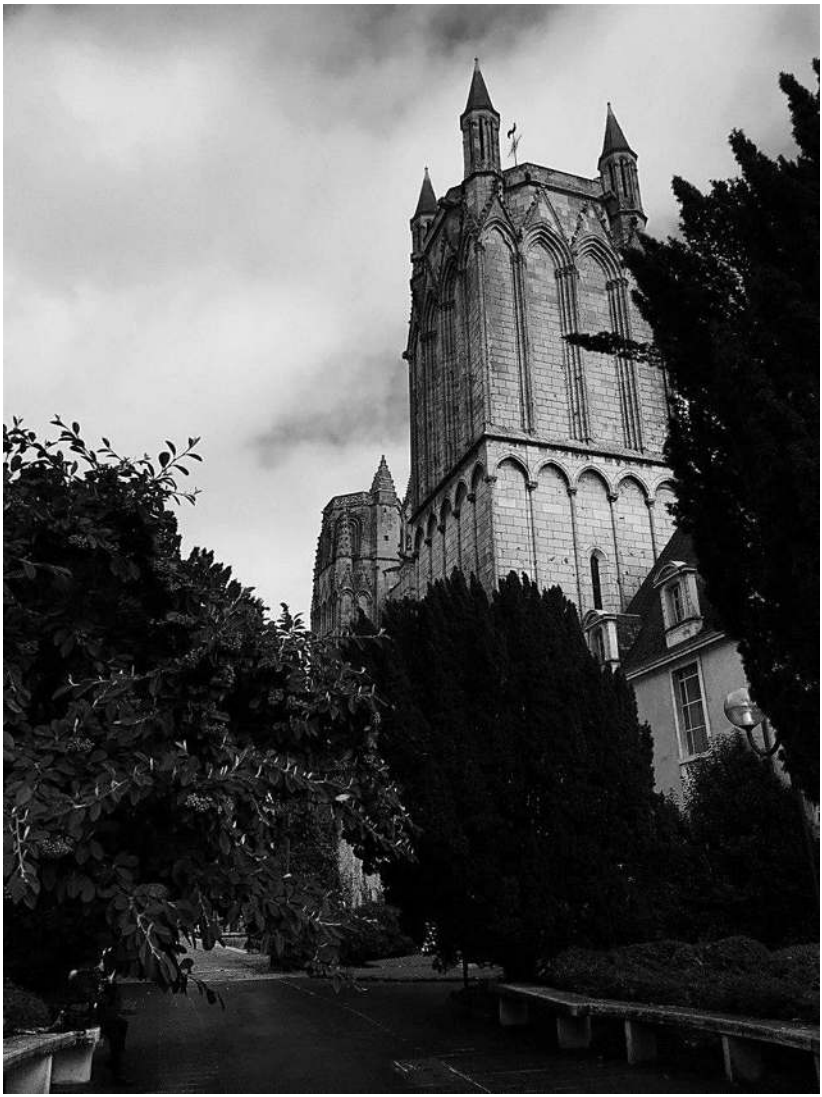
Чакра представляет собой диск. Наружный край диска острый, как бритва, края внутреннего отверстия тупые. При метании чакру усиленно вращали вокруг указательного пальца, затем со всего размаха бросали в цель. Чакра летела на 80 шагов и наносила сильные раны, а вблизи перебивала кости. Отточенные диски носили на войлочной шапке по нескольку штук. Боевые диски делали из стали лучшего качества (булат), нередко украшали золотой чеканкой и надписями из Корана /это важно, нечто противоположное воздействию камня на жертву/.

Лёгкая кавалерия арабов пользовалась в основном луками, обычно она завязывала бой. Защитного вооружения она, скорее всего, не имела. Кроме обычной кавалерии у арабов были всадники на верблюдах. Они использовали луки и специальные длинные копья.

Арабская кавалерия могла сражаться и в пешем строю. Существует мнение, что и арабы и франки при Пуатье сражались именно в пешем строю /тем не менее, главное Архэ, миф, Битвы при Пуатье, как раз повествует о том, как пешие франки разбили конных арабов, что на грани фантастики и подымает многократно метафизический градус Огня Битвы/. Оно базируется на отсутствии в немногочисленных источниках упоминания о том, что бой вёлся в конном порядке.

Арабская пехота имела комплект вооружения, сходный с кавалерийским, но так как в пехоте служили менее состоятельные люди, то отделка оружия была проще, здесь редко встречались дорогие мечи и защитное вооружение. Имелись у арабов и подразделения, которые, подобно берсеркам или галльским воинам, сражались без доспехов. Вдохновлённые идеями Корана, они гордились каждой раной /своеобразный Воинский Орден/.

Очень интересным представляется вопрос об использовании арабами огнемётного и огнестрельного оружия. Существует ряд графических изображений, которые убедительно доказывают применение арабами разнообразных зажигательных снарядов. Кроме того, Эмацинус сообщает, что в 690 г. при осаде Мекки у войск, которыми предводительствовал Гаги-эль, имелись огнестрельные орудия, а также зажигательные снаряды. Было у арабов и своеобразное оружие (огнеметно-огнестрельное). Ствол



был тонкий, железный, около 180 см длиной, покрыт вокруг деревом, скреплённым верёвками, ремнями и т. п. К казённой части ствола прикреплялась рукоятка в виде деревянной палки. Оружие это заряжалось небольшим зарядом пороха, на порох клали «пулю» из пакли, смешанной с порохом, воском и т. п., затем слой порошка из толчёного стекла, греческого воска, стальных опилок и селитры, опять слой пороха и т. д. Таким порядком ствол наполняли до дула. Заряд зажигался с дула, и из ствола выбрасывались с выстрелами горящий состав и зажигательные пули. Арабы применяли такое оружие до XIV в.

Строя свои боевые порядки, арабы использовали византийский и иранский опыт. В бою войско имело центр, крылья, авангард и арьергард.

Уже после описываемых событий, когда в халифате утвердилась династия Аббасидов, арабы окончательно сформировали своё военное устройство, введя десятичную систему организации, разделив пехоту и конницу на лёгкую и тяжёлую, различавшиеся наступательным и оборонительным вооружением, усовершенствовав боевые порядки (знаменитое «утро псового лая» и т. д.), широко привлекая боевую технику покорённых народов и наладив инженерную службу.

Но и до этих усовершенствований арабское войско отличалось высокой подвижностью (переброска пехоты в случае необходимости на верблюдах и лошадях), чётким взаимодействием родов войск. Арабские военачальники предпочитали манёвренную войну, но, когда дело доходило до сражения, предпочтение отдавалось оборонительным действиям с опорой на многочисленную пехоту при поддержке конных масс.

Пережитки родового строя /так называемый «родовой строй», почти всегда означает Великую Мать/, участие в сражении бок о бок членов одного рода предполагали высокую степень взаимовыручки. Моральной основой дисциплины в войске был ислам /потому для них Война была Священной, а значит, была возможность Триумфальной Смерти/, вера в грядущие блага за храбрую смерть в бою. Ислам запрещал употребление вина /очень важный аспект специфики Мусульманских Огней/, предписывал полное подчинение старшим начальникам. Значительная часть арабского войска отличалась религиозным фанатизмом, что до-

вольно своеобразно сочеталось с пережитками старых первобытных религий, когда воины-победители съедали печень или сердце поверженного врага.

Среди военного руководства арабов вырабатывалась своя «военная школа», в основе которой лежали опыт предшественников и религиозные догмы, служившие идейно-нравственным стержнем военного дела».

Теперь почитаем о франках, об особенностях их «военной алхимии» и наборе соответствующих «реторт и аламбиков».

Итак:

«Оружие, использовавшееся франкской пехотой, не было очень разнообразным. Наиболее ходовым был скрамасакс, который можно идентифицировать с semispathium византийцев – огромный тесак длиной 30–40 см. Со временем он удлинился, и появились две его разновидности: langsax длиной до 80 см, и чаще встречающийся kurzsax длиной 40–60 см. Относительно металла, из которого они изготавливались, можно отметить, что все восемь скрамасаксов, найденных в долине Луары, согласно металлографическому анализу, были изготовлены из высококачественного металла /Алхимия кузнечного дела, Путь Стали и так далее/. Существует версия, что langsax получил распространение ещё в войсках Аттилы.

Оружие играло исключительную роль в жизни франков и других германских племён, и, вероятно, была своеобразная этическая классификация оружия, в которой, например, лук занимал одно из последних мест /специфика Воинской Алхимии, которая вот-вот даст рождение Рыцарству/. Анализ захоронений позволяет предположить, что свободных граждан хоронили с мечом или скрамасаксом, полусвободных – с копьём, стрелами или топором, несвободных хоронили без оружия /это всё весьма важно и связано с управлением векторами посмертия/.

Длинный меч spatha был дороже скрамасакса и продолжал традиции римского кавалерийского меча. Как правило, он был принадлежностью только знати. Меч хранился в деревянных ножнах, обтянутых кожей, а изнутри подбитых промасленным мехом.

Копьё оставалось наиболее массовым оружием пехоты. Среди многочисленных находок франко-меровингского оружия, относящихся к V–VIII вв., наконечники копий, пожалуй, самого

низкого качества. Они выкованы из чистого железа с низким содержанием углерода. Это говорит о большой массовости данного вида оружия.

Очень самобытным, архаичным видом оружия был ango – дротик, оканчивавшийся своеобразным гарпуном или когтем. Для изготовления его требовалось небольшое количество железа. Способ применения анго напоминал применение римского пиллума – его метали в щит противника, чтобы помешать ему пользоваться тем, так как выдернуть «коготь» анго из деревянного щита практически невозможно.

Широко распространены были у франков боевые топоры, которые обычно называют francisca; традиционно их описывают как двулезвийные. Археологические находки демонстрируют асимметричный топор, заточенный только с одной стороны. Только позднее, да и то не повсеместно на смену ему пришёл действительно обоюдоострый топор.

Предположение, что франциска – это обоюдоострый топор, вызвано тем, что Сидоний Аполлинарий и Григорий Турский, исходя из поэтических соображений, именовали его «лабрисом» /мифопоэтика оружия всегда связана с Опусом/.

По легенде, франциску можно было метать во врага, а после броска подтаскивать к себе за специально привязанную к этому топору верёвку.

Луки использовались франками простые и сложносоставные клеёные. Особой популярностью лук не пользовался. Это видно по единичным находкам остатков лука в захоронениях. Видимо, лук воспринимался как оружие третьего сорта, поскольку исключал демонстрацию личной храбрости воина, был оружием дальнего боя и к тому же мог применяться из засады /видимо, из-за невозможности в таком контексте обрести Триумфальную Смерть и одну из форм Воинского Бессмертия, соответственно/.

Из защитного вооружения франкский пехотинец использовал деревянный щит с металлическим умбоном посредине, кожаную куртку с нашитыми на неё металлическими бляхами (brunia или bruina), которую могли носить и кавалеристы. Шлемы в пехоте, видимо, не имели широкого распространения.

В это время в королевстве франков проходила земельная реформа /это – мнение автора, обусловленное материалистической парадигмой науки, земельная реформа была только следствием Инспирации и лишь обеспечивала возможность обеспечения Рыцарства, как каналов излияния Царственного Логоса/, которая

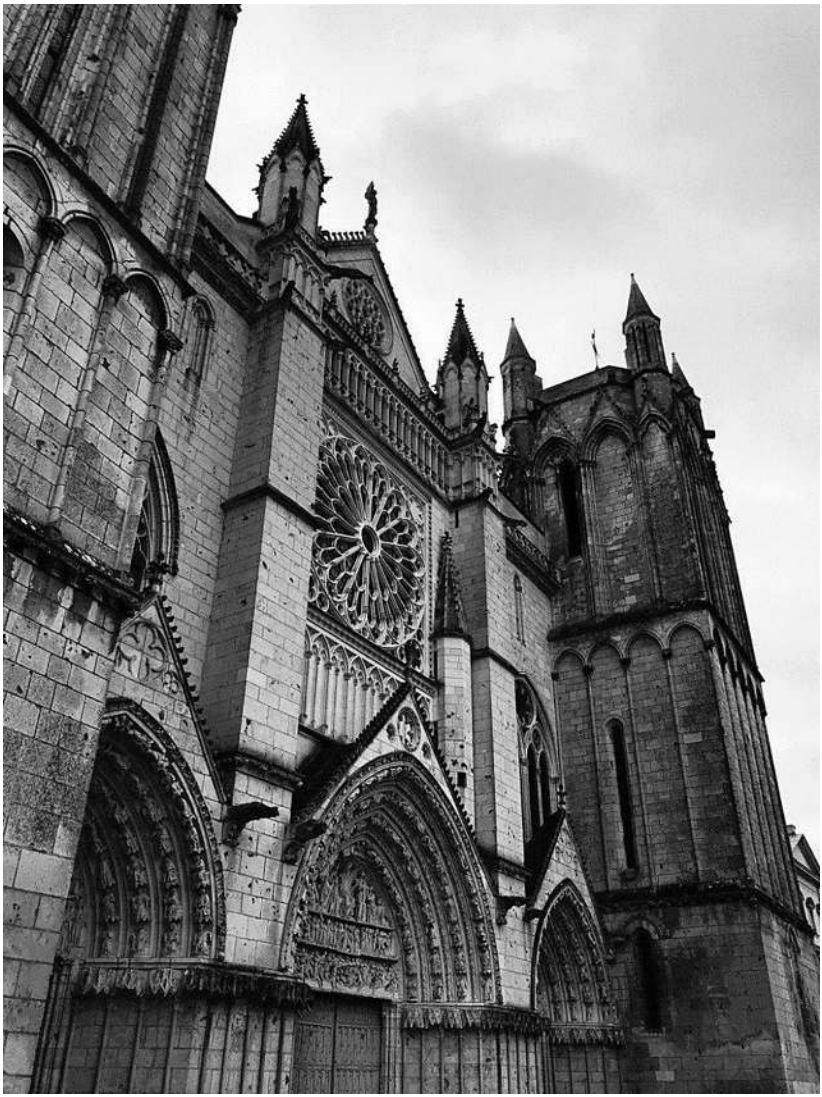
сильно повлияла на военное дело и значительно увеличила конное ополчение, превратившееся впоследствии в знаменитое рыцарство. Земля раздавалась в условное держание (бенефиции). Держатель земли обязан был явиться по зову короля на коне, в полном вооружении и привести с собой определённое количество снаряжённых воинов. К моменту описываемых событий в войске франков была достаточно многочисленная тяжеловооружённая конница, которая в течение VIII в. всё более и более обретала характер главного рода войск.

В отличие от своих соседей, аваров и лангобардов, франки в течение всего VIII в., судя по раскопкам и иконографическому материалу, не использовали стремян. Правда, часть историков продолжает придерживаться мнения, что у франков стремена всё же были. Относительно небольшое распространение имели шпоры.

Вопрос об использовании стремян очень важен для понимания проблемы зарождения внутри франкского королевства рыцарской кавалерии. Дело в том, что главным приёмом рыцарей было нанесение таранного удара копьём, при котором ноги упирались в стремена. Копьё при этом держали одной рукой, так как в другой был щит (и поводья). Франками применялся способ «лежащего копья»; при нём всадник сжимал копьё ладонью, повёрнутой вверх, одновременно удерживая копьё локтем под мышкой. То есть копьё держалось уже «по-рыцарски» (в отличие от позднеримских клибанариев, которые держали его двумя руками), но посадка на лошади была ещё далеко не «рыцарской».

Ряд историков полагает, что противник франков не имел обильного защитного вооружения, и потому франкам стремена просто не были нужны – они якобы нужны лишь при нанесении рубящего удара мечом, пробивающего доспехи. Другие историки склонны видеть во франкской кавалерии того периода всего лишь ездящую пехоту. Есть также мысли, что были какие-то приспособления, позволявшие компенсировать отсутствие стремян.

Ответы на эти вопросы можно было бы найти, исследуя останки лошадей той эпохи: были это рыцарские першероны с высотой в холке до 170 см или лошади, подобные животным античного периода, не обладавшим большим ростом. Но в захоронения франкских воинов, согласно христианской обрядности, лошадей уже не клали. В любом случае нужно отметить, что кавалерия ещё не утратила античной традиции спешиваться во время боя.



Вооружение всадника было более разнообразным, чем у пехотинца, оно состояло из шлема, доспеха (чешуйчатого или ламелярного), меча с ножнами (scogilum), пары ножных щитков (bagnbergae), щита и копья.

Шлемы были прежних типов, такие, как сфероконический, клёпанный из 4 или 6 сегментов. Но были и исключения, например «банденгеймский шлем», получивший своё название по эльзасской деревушке. Его стрельчатая форма, сам материал – бронза, усиленная железом, – указывают на иранское происхождение. Возможно, какие-то предметы вооружения импортировались из Ирана или Византии».

Прочитав всё это, мы обрели возможность вполне и душою пережить саму Битву при Пуатье, вне такого, невозможно прочувствовать всю алхимию города чудотворных Храмов.

10. БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ: РЫЦАРСТВО РОЖДЕНО.

Попробуем узреть образ франкского Воина, участвующего в битве при Пуатье. Обратимся опять к цитате из книги А. В. Венкова («Великие полководцы и их битвы»):

«В заключение рассказа о вооружении франков хотелось бы привести фрагмент из источника, отстающего от описываемых нами событий на 40 с небольшим лет, но ярко иллюстрирующего, что представляло из себя войско франков. Это рассказ святого Ноткера Сент-Галленского о наступлении Карла Великого на Павию: «Едва он умолк, как на западе появилась грозная чёрная туча, предвещая ужасный ураган. Померк дневной свет, и воцарилась жуткая темнота. Император приближался. Сверкание клинков ослепляло осаждённых. День был мрачнее чёрной ночи. И они узрели его наконец. Это был Карл, железный император. На голове – железный шлем, руки его – в железных наручах, грудь и широкие плечи покрыты железными латами, в левой руке высоко поднято железное копьё, в правой – рукоять непобедимого меча. Даже чресла его, обычно незащищённые, чтобы легче садиться в седло, были покрыты железными латами… Даже щит его был целиком из железа. И конь его тоже поблёскивал железным блеском. И свита старалась во всём походить на императора. Железом наполнились поля и равнины. Солнце сверкало, отразившись в сиянии железа. И народ Павии, став от ужаса холоднее самого железа, преклонил колена перед хладным клинком. Обитатели мрачных и грязных подвалов побледнели от ужаса, увидев сверкающие клинки. Слышались отовсюду стенания горожан:

– Тяжело ты, железо!

Горе нам, сколько железа!..»

Поистине это было начало «железного века»».

Изучая, далее, Битву при Пуатье, обязательно следует иметь в виду, что её благоприятный для христиан, исход, обеспечила, скорее всего, Реализация Мартина Турского, его Тело Святости и, связанное с этим, Измерение Умножения.

Мартин Турский своим Присутствием (и, конечно, другие здешние реализованные Святые) дал ту удачу войску Карла Молота, которая уберегла Европу.

SJEAN

Далее, процитируем некоторые части статьи Виктора Шишова «Битва при Пуатье: Карл Мартелл против Халифата», также позволяя себе некоторые комментарии по ходу:

«...После победы над Эдом Аквитанским Абр-ар-Рахман решил, что теперь в Галлии нет силы способной остановить его. Он принялся с большим остервенением грабить города и селения южной и центральной Галлии (особенно была разорена Аквитания), когда его взор устремился на базилику святого Мартина в Туре – богатейшую святыню Западной Европы того времени. Вероятно, прельстившись рассказами и слухами, доносимых пленниками, арабский эмир решил умножить награбленное добро и двинулся к Туру /маловероятно, что арабы мотивировались алчностью, скорее всего, главной мотивацией было разрушить упомянутую Твердыню, связанную со Святым Мартином и таким образом пробить брешь в сакральном защитном поле Европы; Базилика Святого Мартина в то время была самой главной Святыней Европы, позже эта роль уйдёт к Сантьяго-де-Компостела и к Мощам Святого Иакова; следует иметь в виду, что в 8 веке ещё не было Раскола на Православие и Католичество, потому, общий контекст был вообще-то, Православным, Карл Молот защищал западные чертоги Православного Мира (!).../. Его армия была отягощена большим обозом и явно поредела за несколько месяцев кампании. Однако, это не остановило Абр-ар-Рахмана /арабские источники очень высоко оценивают сего Предводителя, он описывается как смелый и справедливый, а сама Битва при Пуатье, мусульманами называется «Битва когорты Шахидов» – то есть в полной мере присутствует осознание Священного контекста/, так как он не видел больше никакой серьезной угрозы своему могуществу – очевидный просчет арабского командующего, не озаботившегося организацией серьезной разведки /думается, проиграл арабский эмир не из-за отсутствия разведки, но по причине Священного вспоможения франкам/.

(...)

БИТВА.

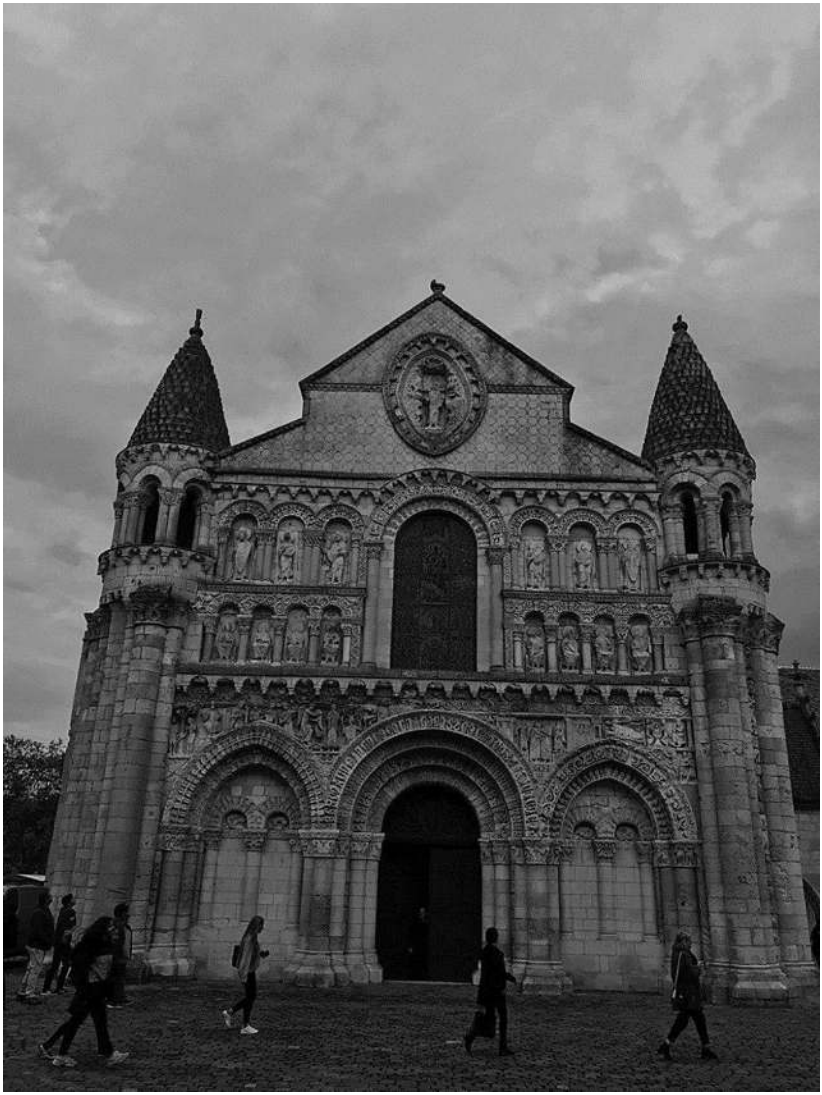
Субботним утром из большого лагеря, разбитого близ Пуатье, солдаты Абр-ар-Рахмана стали выстраиваться в боевой порядок напротив франкского войска. Арабы были нагружены богатой добычей, которую оставили в лагере, что не позволило арабскому войску оторваться от франков и навязать тем бой в выгодных для

себя условиях /потом аспект добычи их и погубит, возможно, это некая метафора на тему, кто из сражающихся был более предан Делу Истины, в данном случае, именно мусульмане приземлились в нижние Стихии.../. Однако, Абр-ар-Рахман твердо верил в свою звезду и силу Пророка, которая дарована ему в борьбе с неверными. Сражение началось около полудня, после второй дневной молитвы мусульман /всё это крайне важно: приготовления, связанные с сакральным Опусом/. Франки построились плотной фалангой – сомкнутым строем, прикрывшись щитами, они образовали как бы живую стену, причем эта фаланга оказалась достаточно глубокой, чтобы выдержать напор арабских всадников.

Судя по всему, Абр-ар-Рахман отправил свою конницу в атаку, надеясь прорвать вражеский строй или спровоцировать противника на контратаку. Раз за разом арабы пытались врубиться в ряды франкского войска, которое стояло подобно «ледяной глыбе» /это сравнение из средневекового источника и отсылает оно нас к теме Севера; так сие описывает Мосарабская Хроника 754 года: «Северяне стояли неподвижно, как стена, держась друг за друга, подобно леднику в северных горах»/ и раз за разом они были вынуждены отступать. Дисциплина и сплоченность франков оказались действительно железными /о Пути Стали... см. на эту тему х/ф Джона Миллиуса «Конан-Варвар», 1982г./. Не собирался отступать и Абр-ар-Рахман, ослепленный верой в свое счастье. Возможно, что такими волнообразными атаками он лишь готовил почву для решительной атаки всеми силами, когда измотанные боем франки должны были дрогнуть под ударами свежих сил.

ПЕРЕЛОМ В СРАЖЕНИИ.

В любом случае, все пошло совсем по другому сценарию. По арабскому войску разнеслась неожиданная новость, куда более опасная, чем франки, которые, казалось, лишь неподвижно стоят, выдерживая натиск конницы противника: сарацинский лагерь подвергается разграблению /на это уже обращалось внимание читателя, в данный момент мусульмане потеряли связь со своими Небесными Силами/. Этот слух так поразил сражающихся, что многие из них тут же покинули ряды войска и поспешили вернуться в лагерь, чтобы отбить награбленное добро /резкое падение высоты духовных частот/. Возникла суматоха, часть сражающихся решили, что началось отступление и так же поспешили за своими соратниками в лагерь /одно падение влечёт за собою следующее, жадность притянула страх/.



Виной всему стал, якобы, небольшой диверсионный отряд, посланный Карлом, чтобы ударить противнику в тыл. Трудно установить насколько реальным могло быть такое положение вещей, однако по преданию именно это стало причиной разгрома арабов. Абр-ар-Рахман всячески пытался привести войска в порядок и вернуть их в бой, однако в этот момент уже сами франки решились контратаковать противника – в горячей схватке Абр-ар-Рахман был убит /войско составляет Тело Предводителя, если оно теряет Качество, то страдает и Голова; с другой стороны, видимо, всё же и Военачальник мусульман был менее безупречен, чем Карл, иначе бы арабские воины не бросились спасать свою добычу/, а войско, утратившее командование, быстро рассеялось.

ПОСЛЕ БОЯ.

Франки, видя отступление неприятеля, приняли это за тактическую уловку и вернулись в расположение своего лагеря, где и заночевали. На следующий день Карл вновь выстроил свои войска в боевой порядок, ожидая продолжения сражения. Но арабов не было видно. Тогда он послал разведчиков, чтобы разведать обстановку, а когда узнал, что лагерь оставлен нетронутым, а на дорогах отсутствуют разъезды противника, Карл отказался от преследования и без того уже оторвавшегося противника. Франки захватили несметную добычу в лагере противника, с которой спокойно вернулись домой.

Арабы после поражения при Пуатье сумели пробиться к Нарбонне и даже вторглись в Бургундию, завоевав несколько местных городов. Главным следствием сражения при Пуатье для арабов стала гибель Абр-ар-Рахмана /ушла Эссенция, они потеряли своё Золото/ – талантливого, хотя и несколько увлекающегося полководца, который умел завоевать уважение своих людей, был суров, но справедлив к подданным и безжалостен к врагам. Отсутствие талантливого лидера в Испании позволило христианам взять небольшую передышку в борьбе с арабами».

И, в завершение этой статьи, ещё раз акцентируем: именно Битва при Туре – Пуатье стала точкой конкретного рождения Рыцарства.

Воинства, из всех известных в истории, наиболее полно и тотально устремлённого к Богу и Истине.

11. ПУАТЬЕ – ТУР. КОНТУР СВЯТОГО МАРТИНА.

Написать о Пуатье весьма непросто. Ибо, куда не пойдёшь, чего не коснёшься, везде соприкасаешься с дыханием Рыцарства, Святости и следов переломной Битвы.

Храм Святой Радегунды, Катедраль Камня, Тампль Святого Илария, Нотр-Дам-де-ля-Гранд...

Адекватно описать всё это не представляется возможности.

Улочки...

Они вполне гармоничны Святыням Пуатье и тонко излучают их смысл всесторонь, порою, превращая внутренний дворик в небольшое Царство Единорога, пригревая сию Бестию на шпиле, венчающем башенку (Hôtel Fumé)...

Собор Пуатье просторно и привольно открыт Воздушной Стихии. В нём нет концентрации, лишь – развёрстый белый полёт, озеро, питаемое небом через стремительные потоки колонн. Его фасадные Башни не острые, они немного ассиметричные, увенчанные пламенеющими элементами, мягко приглашают Пилигрима домой. Тут нет агрессивного импульса инициации, всё уже случилось и разлилось, всё упокоено печатью правильных Иерархий.

Храм посвящён Камню, Брату Андрея Первозванного, Апостолу Петру.

Самый восточный листовой витраж, родом из двенадцатого века, удивительный. Его нижний уровень, бликами красно-синих барв, живописует Распятие Петра: он подвешен главою вниз.

В среднем поле – Распятие Спасителя; кажется, будто Пётр и Христос как бы израстают из одной Скалы...

Верх – Христос-Пантократор, Он стоит, изливая каскады Славы.

Примечательно то, что к стопам Петра, приставлены две симметричные Лестницы, получается знак Восходящего Треугольника, Огня...

Храм Святой Радегунды находится сразу за Собором, у реки. Её Башня внезапно выныривает из-за очередного поворота улицы. Когда заходишь в этот Тампль, ты спускаешься по ступеням в неф, интерьер втягивает сразу и поражает некой звучащей

глубиной. Сразу погружаешься в некую инаковость и упругое Присутствие самой настоящей Святости невидимой дланью ложится на чело...

Храмы, посвящённые Святой Радегунде, рассеяны по всей Франции, здесь центральный, в Капелле Юга есть схема 89 Тамплей этой Святой, умноженных отсюда.

Под Алтарём находится Крипта с гробом Радегунды, она открыта своим зевом в неф и похожа на пещеру. В Хорах, сразу за стеной, есть одно тайное место: это отверстие в Крипту, оно восьмиугольной формы и закрыто решёткой. Если стать на эту решетку, окажешься прямо над гробом Святой, в потоке её Передачи. И она очень сильна.

Храм Нотр-Дам-ля-Гранд, тоже один из древнейших. Его чрево затаено в полумраке, радиация Реализации разлита повсюду. Здесь, в Алтаре, важная статуя Пресвятой Девы, Она держит Два Ключа. На их тему есть городская легенда о том, как Дева, Её явление в Свете, спасло город в 1202 году от осаждающих англичан. Также, сии Два Ключа, возможно, имеют связь с законами и могуществами Растворения и Сгущения (Проявления), по аналогии с Ключами Петра...

Пуатье сохранило довольно внушительные фортификации в центре города, а совсем рядом с Катедраль – здание Крестильни, Баптистерия, который возведён более тысячи лет назад...

Тур сильно отличается от Пуатье, его настроение – в корне иное. И начинается это с Катедраль. Когда ты вдруг узреваешь главный Храм Тура, заходя с боковой улочки, поражение выбрасывает высоко вверх.

Прыжок в Небо.

Собор Пуатье просторен, как парит птица, раскинул свои белые невидимые крылья; Катедраль Тура – это та же Белизна, тот же привольный Воздух, насыщенный тонким Огнём, пущенные стрелою прямо к звёздам.

В Турском Соборе сохранены старые витражи, они, к сожалению, несколько задавлены диссонансом современного убого раскрашенного стекла.

Базилика Мартина Турского, эта величайшая Святыня христиан и Исток Рыцарства, если говорить об архитектурном решении, сейчас не представляет из себя никакого интереса, однако, Священное Присутствие, особенно в Крипте, там, где находятся Мощи, исключительно сильно. И, конечно, стоит сюда совершить трепетное прихождение как идущим вслед Христу, так и всем Воинам на Пути.

В Туре немало фахверка и это, родня его с Германией, приносит особую радость.

Упомянув тему радости, мы не можем не вспомнить тему света и цвета...

Собор в Туре выступает, по отношению к Катедраль Пуатье, Вертикалью. Вместе – они, Крест.

Стремительный Фасад Собора в Туре наполнен очень ёмкой и многоплановой символикой Великого Опуса. Мы созерцаем в тонком вопрошании и в возможности тончайшего разумения, как бы несколько каскадов вверх.

Нижний объединяет Порталы, три восходящих Треугольника, с несколько отличной орнаментацией; над центральными Вратами Крест, похожий на Лотарингский. Трикута среднего протуберанца означается первым прорывом за пределы уровня и фиксацией некой Малой Розы, ещё внутри этой модуляции Пламени.

Следующий Уровень: Камень Центральной Розы. Интересно, что чуть выше Её, в этом же Квадрате, две «Цветочных» фиксации. На уровне с этой Розой – под Южной Башней находится Цветок, больше связанный с Центробежным Потоком (Энтазом), под Северной – наоборот, Экстатический (у него пустой центр). Хотя, их же, можно увидеть и наоборот...

Уровень Главной Розы венчается Семью Языками Огня. Малые Цветки Юга и Севера коронованы каждый, Четырьмя.

Чуть выше этого уровня Огненных языков завершаются, также Пламенными навершиями, Четыре объемных симметричных потока, по два с боков.

Ещё выше, над Розой и её Семиогненной Короной, между Башнями, находится Восходящая Трикута: внутри её, равносторонний треугольник Фиксированных трёх Цветков.

Башни Фасада почти симметричны и не острые, вроде бы предполагают спокойную Фиксацию, но мощная устремлённость

Собора вверх, задаёт общий ритм каскадного возрастания Сияний...

Говоря об Огнях, воплощённых в Форме и в Цвете, приведём весьма интересную цитату из книги Мишеля Пастуро «Чёрный. История цвета»:

«Одни продолжали верить, как Пифагор за шесть веков до нашей эры, что из человеческого глаза исходят потоки лучей, которые распознают сущность и «свойства» видимых предметов (а среди этих «свойств» фигурирует и цвет). Другие вслед за Платоном полагают, что цветовое зрение – это результат взаимодействия некоего зрительного «огня», исходящего от глаза (или находящегося внутри глаза), и световых потоков, испускаемых видимым предметом; частицы из потоков зрительного огня и частицы из световых потоков, испускаемых предметом, могут быть разной величины: в зависимости от того, как соотносятся по размеру первые и вторые, глаз видит тот или иной цвет. Несмотря на дополнения, внесенные в эту гибридную теорию Аристотелем (о влиянии окружающей среды и вещества, из коего состоит видимый предмет, о роли личности и характера видящего)... именно эта древняя теория будет господствовать в европейской науке на исходе Средневековья и вплоть до середины XVI века».

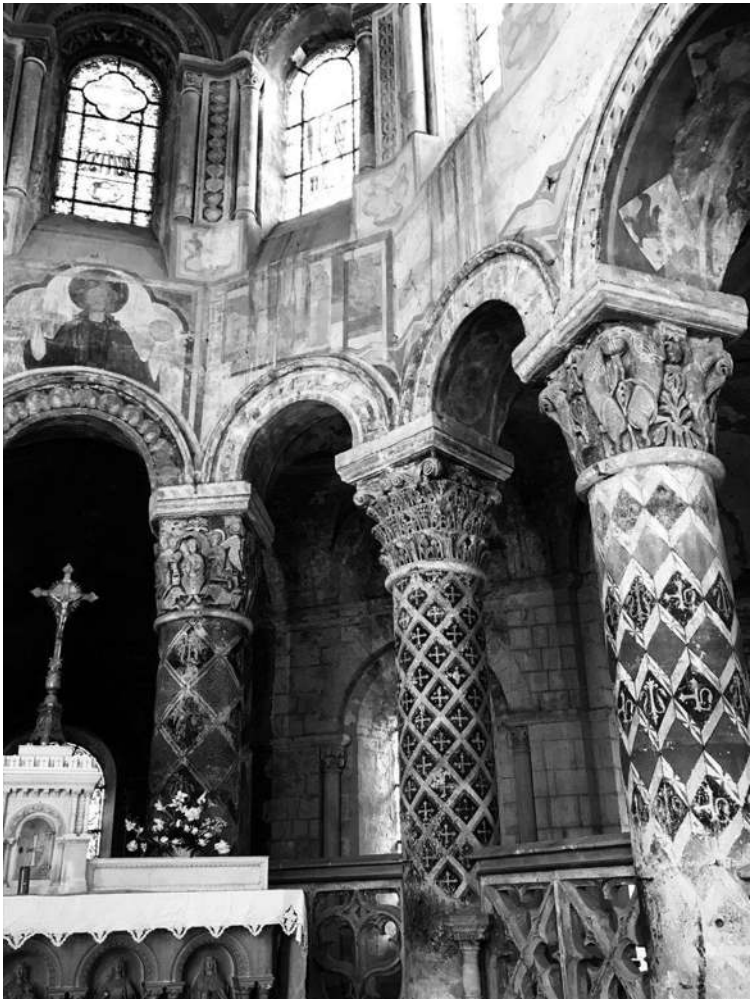
Обратим внимание на словосочетание «зрительный огонь», имея в виду, что глаза, это как бы протуберанцы Сердца...

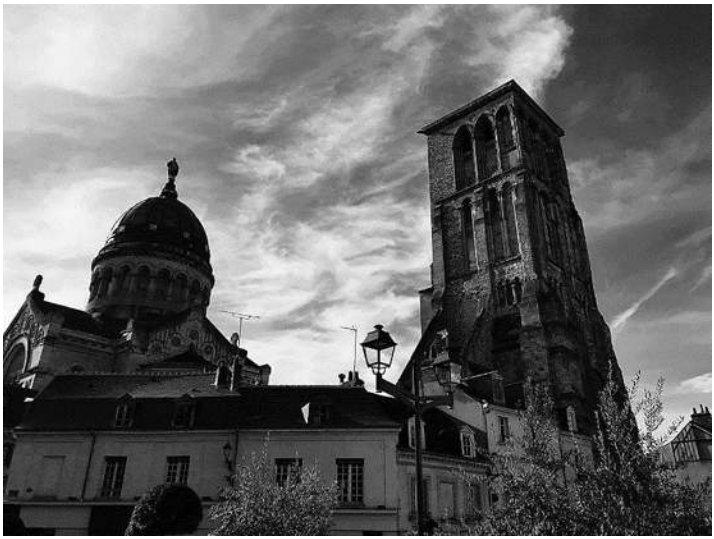
И ещё: условие такого Проявления – Прозрачность.

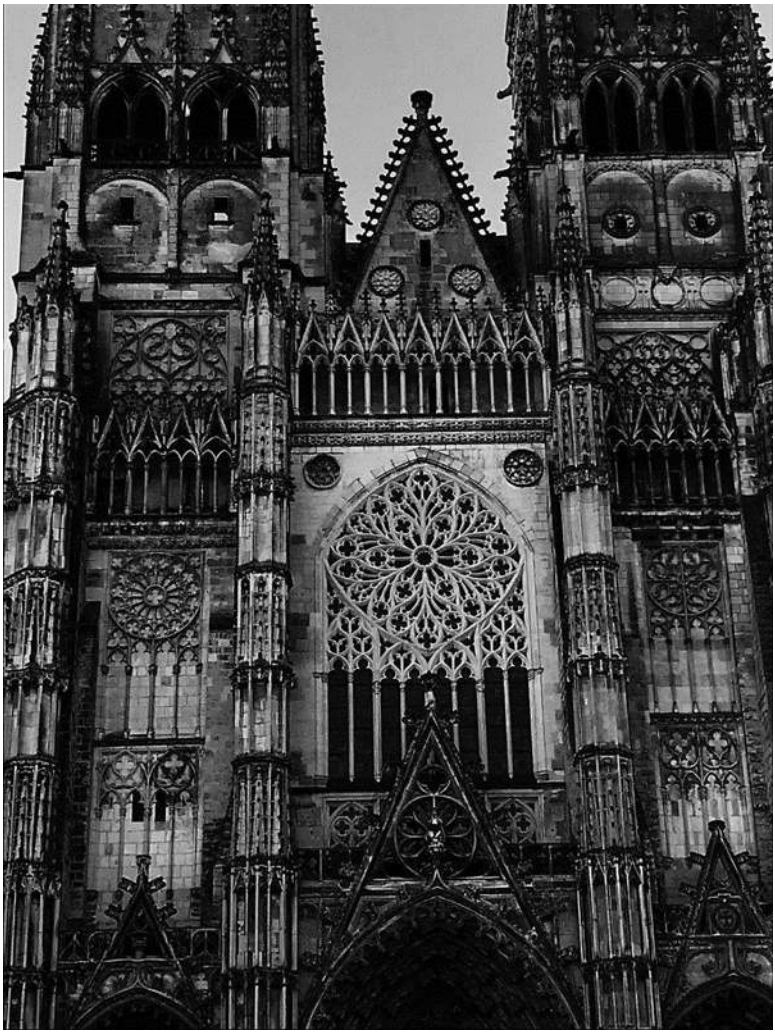
Евангелие от Луки (11:34):

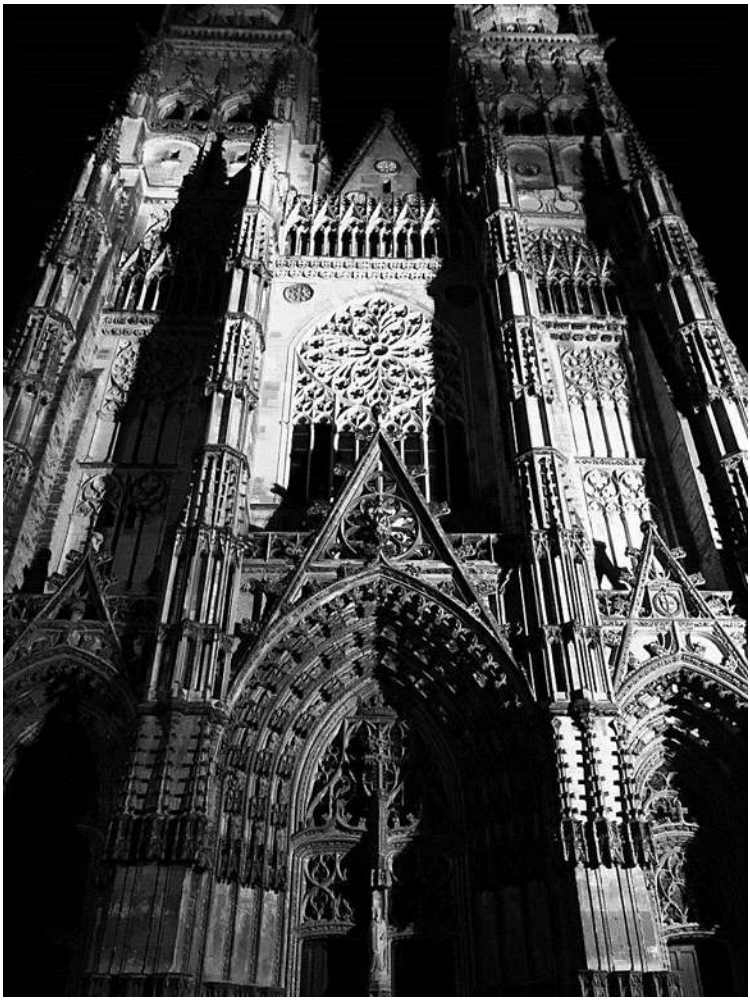
«Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло; а если оно будет худо, то и тело твоё будет темно».

У Святого Мартина был Наставник – Иларий Пиктавийский. И здесь мы возвращаемся в Пуатье, ибо тут – Храм сего Святого. Сие сооружение, на сегодняшний день, представляет уникальнейший Тампль, сотворённый в Опусе Романского Зодчества. Его структура настолько объёмна и сложна, столько здесь арок, арочек, колонн, разных уровней и так далее, что, попав сюда, начинаешь жить совершенно особую Жизнь. Прямо сразу.









Луара, и мощна, и ленива. Она – эманация Мелюзины. Кто бы сомневался. Ленивые изгибы водных бёдер, быстрые стремнины и шелест перекатов...

Тур: город-Башня.

Он как бы оплодотворяет Мелюзину Луары. Своим невиданным Собором. Рыцарским Порядком Святого Мартина...

Катедраль Тура.

Сент-Шапель, по словам Фулканелли, сохраняет тайны Opus Magnum в своих витражах. По его же сведениям, сии секреты хранились на медальонах Нотр-Дам-де-Пари.

Много интересного на эту тему можно созерцать на изображениях портала Лионского Собора...

Похоже, Катедраль Тура уникален тем, что Великий Опус записан на его Фасаде самой структурой линий, динамикой и экспрессией форм, каскадами восхождений...

Собор-Башня.

Город-Башня.

Тур.

Пуатье.

Путь.

Контур Святого Мартина.

Рыцарство, идущее в Небо.

12. ВЕЛИКИЙ ПРЕДЕЛ ФРАНЦИИ. ОРЛЕАН. ЖАННА Д'АРК.

Стереотипы и штампы накатанных схем современника в деле восприятия дихотомии мира и себя, неизбежно искажают понимание чего бы то ни было. В таком модусе нет места ни Паломничествам, ни Алхимии, ни Рыцарству, ни Вере во Христа...

Потому, любого рода перемещение воспринимается либо как работа, либо – в качестве развлечения, или, на худой конец, как этапирование зэка в места отсидки, или – перемещение солдат в зону смерти, на войну...

И, понятное дело, оператору нужно изменить эту ситуацию, как внутри себя, так и в отношении интерпретаций его действий окружающими. Ибо последние, в виду страстей и общего идиотизма, вполне опасны.

Тем, у кого ещё есть какие-то шансы, можно и объяснить.

Так вот: Пилигримаж, совершаемый искренне, то есть – в потоках соответствующих Огней, это никогда не развлечение, но Подвиг. И дело довольно опасное во всех отношениях. Святые Места и Тропы, потому и необычные, что в них, в их измерении, фиксирован Особый Огонь. Смысл имеет только то Таинство, когда Огонь оператора соприкасается с Огнём Святых Мест и Дорог.

Огонь не сжигает Огонь.

Чем сильнее эго и неведение оператора, тем больше риска усиления его же страданий (тех, или иных) в Пилигримаже или после оного. Потому и не стоит неподготовленным духовно, слишком рано, ступать на Тропу Паломника. Любой самообман, любая подмена и фальшь, здесь могут обойтись очень дорого.

В этом, собственно, главный риск Пилигримажа.

Естественно, все, кто неправедно злословит на Пилигрима, завидует ему и так далее, сами нарываются на ряд проблем, порою, весьма значительных...

Воскресенье.

Серая птица нудного дождя расправила свои крылья. Мелкие перья прохладных капелек нисходят на Орлеан. Одежда постепенно набирает влагу.

Мы в Орлеане.

Он совсем недалеко от Тура и весьма символично продолжает тему судьбоносных городов. Если около Тура – Пуатье в восьмом веке решалась судьба Христианства и Европы, то в 1429 году в Орлеане выбирается уже доля Франции.

Опус Святой Воительницы Жанны д'Арк.

Краткий.

Яркий.

Сущностный.

Святая Жанна не только спасла Францию, но и своей эманацией реализовала исключительно ярко и мощно Женственность вне Концлагеря Великой Матери, Кибелы.

Такие Опусы, такой Силы, крайне редко случались вообще, а в Европе, последние две тысячи лет никто о подобном и не слышал.

Вне ощущения Присутствия Жанны и её деяний, в Орлеан (да и во Францию), ехать бессмысленно.

Для инспирации такого чувства, для начала, приведём текст песни Жанны Арефьевой:

Я иду на запах огня, свет воды и тепло земли,
Сейчас нет чище меня, нет сильнее меня вдали,
Я иду не на пир, а на бой, кто любит меня – за мной!

Я умею найти в искривлённых пространствах путь,
Я умею быть сейчас, здесь и всегда,
Я летаю как птица над ветром, я ведаю суть,
И я говорю: кто любит меня – сюда!

Посмотри на меня –
Здесь плоть, здесь кровь, а здесь кость,
Но есть что-то больше того, что внутри,
Я набираю полёт, я иду по дороге звёзд,
Я люблю тебя, мой Господь,
А кто любит меня – вперёд!

Конечно, печатный текст не передаёт сердечного посыла самой песни, потому, отсылаем читателя к прослушиванию этого великолепного произведения.

Фигура, в определённом силовом статусе, несколько превосходящая по масштабу Святую Жанну и всецело противоположная по модусу, но в чём-то, симметричная по проводимости Божественного – Елена Троянская. Вот только, Елена Прекрасная стала причиной раздора и поводом Войны, результатом которой оказалась потеря непосредственного контакта с Божественным и потому, несколько позже, как раз и началась Философия, с досократиков...

Жанна д'Арк, напротив, будучи никем, выйдя из первоматерии простого народа, спасла своего Царя, спасла Францию, зримо ведомая Пресвятой Троицей и Иисусом.

Подвиг Святой Жанны, вся Её великая и трагическая жизнь, стали примером беззаветного Мартирства и полного попрания кибелических модусов в женском начале. Пожалуй, никто так прямо не передал в контексте Рыцарского Опуса суть Иной Женственности, Нашей Альбы, Пречистой Сестры.

Очень неплохой цикл статей о Святой Жанне написал некто, Андрей Мартьянов. В нём довольно тщательно прописаны события, исходя из официальной версии истории. Мы позволим себе кое-что процитировать из сего замечательного труда, попутно, изредка комментируя в таких /.../ скобках.

Итак:

«Можно с уверенностью сказать, что феномен Жанны д'Арк абсолютно уникален – никогда ни до, ни после её внезапного появления, подобного вспышке сверхновой на небосклоне мировой истории, сопоставимых событий не происходило. Да, мир видел беззаветных героев и творящих чудеса святых, но они не вызывали столько споров, сомнений и вопросов, как Жанна. Дискуссия о том, что же это было в действительности, ведётся практически шесть веков, то утихая, то снова разгораясь. Жанне посвящены десятки книг и исследований, от сухих и скучных биографических трактатов до конспирологических сочинений, но точного ответа на приведённый выше вопрос так и нет. Поставить финальную точку в «деле Жанны д'Арк» мешает нефакторизуемая переменная – признаваемый даже скептиками-материалистами элемент мистики /то есть, Сила мистического соучастия во всех тех событиях настолько сильна и очевидна, что это не могут отрицать даже позитивисты-историки: Опус Жанны как бы отменяет естественно-научную «реальность»/, частица сверхъестественного –

несомненно, присутствовавшая в событиях, развернувшихся весной 1429 года и завершившихся костром в Руане 30 мая 1431 года», – так начинает свою статью «Столетняя война: явление Девы» Андрей Мартьянов.

Далее, о положении во Франции перед волшебным проявлением Жанны, Мартьянов пишет так:

«... королевство в итоге вновь оказалось в положении, которое даже критическим назвать сложно – скорее, оно было безнадёжным. К череде проигранных битв наподобие Креси и Пуатье добавилось поражение при Азенкуре, в стране фактически началась гражданская война между бургиньонами и арманьяками, а когда в Англии династия Ланкастеров сменила Плантагенетов и утихла междоусобица, англичане, не желавшие отказываться от претензий на французскую корону, вновь вторглись на материк /ситуация Хаоса Пневм не только маркирует некое инфернальное вторжение (если говорить языком Мифоса), но и знаменует фазу возможного Проявления Лучей Инспирации, ибо имеет место как бы «закипание материи».../.

Здесь нет смысла описывать долгую и сложную историю войны бургиньонов и арманьяков, внутренних неурядиц и распрей во Франции, а потому ограничимся констатацией факта: по договору в Труа от 21 мая 1420 года наследником французского трона и преемником Карла VI Безумного назначался король Англии Генрих V Ланкастер, законный наследник дофин Карл де Валуа от трона отстранялся, в Париже при поддержке бургундцев обосновался французский наместник, а после неожиданной смерти Генриха V, регент – Джон Ланкастер, герцог Бедфорд.

Всё это означало, что Франция полностью потеряла независимость и перешла во владение английской короны. Разумеется, дофин Карл договора в Труа не признал, бежал из Парижа и основал свой двор в городе Бурж при поддержке южных областей Франции. Положение дофина несколько облегчалось тем, что после смерти Генриха Английского королём стал младенец Генрих VI, до совершеннолетия и коронации которого должны были пройти долгие годы. Ключевое слово здесь – «несколько», ибо «буржский королёк» практически не располагал реальной военной силой, а его призрачное королевство было готово рухнуть –

Sucrés Délices
maison de
Jeanne
d'Arc

хватило бы одного решительного удара, который англичане не преминули нанести.

Главнейшей стратегической точкой на карте фронтов Столетней войны к 1428 году стал город Орлеан /то есть, именно Орлеан был точкой бифуркации для Франции, именно здесь был главный узел неустойчивости Пневм.../, всё ещё находившийся под контролем верных дофину Карлу сил. Переоценить значение Орлеана крайне сложно – владевший городом контролировал дороги на юг и юго-запад. Если бы англичане перешли реку Луару и соединились с войском в принадлежавшей им Гиени, то открылась бы перспектива широкого наступления в южные провинции. Оборонять их правительство в Бурже за отсутствием серьёзных укреплений не могло. Словом, взятие Орлеана и, главное, каменного моста через реку означали для остатков Франции Валуа стратегическое поражение и окончательную потерю государственности.

Летом 1428 года регентский совет под председательством Бедфорда принял решение любой ценой захватить Орлеан и перейти Луару. В Кале высадилась армия под командованием графа Солсбери, которая в октябре подошла к городу, попутно захватив крепости на Луаре, а сам Бедфорд со ставкой переехал из Парижа в Шартр – поближе к месту действия. Началась осада, к которой французы успели подготовиться. 21 октября граф Солсбери скрытно переправил на противоположный берег небольшой отряд, захвативший форт Ла Турель, прикрывавший мост. Французский командующий, Жан бастард Орлеанский, впоследствии более известный как граф Дюнуа (титул он получил только в 1439 году), приказал разрушить несколько пролётов моста, и город остался без подвоза продовольствия. Впрочем, положение англичан было ничуть не лучше: снабжение оказалось из рук вон плохим, на дорогах было неспокойно, в окрестностях орудовали отряды сторонников дофина и партизаны из числа крестьян, которым английские грабежи давно стояли поперёк горла».

Потом автор описывает «битву селёдок» и завершает прелюдию так:

«...Дюнуа начал раздумывать о сдаче города /Орлеана/, хотя и отлично понимал, каковы будут последствия – англичане волной выкатятся на юг и запад, в Аквитанию и Лангедок, соединив-

шись со своими силами в Гиени, а «буржское королевство» прекратит существование. Дофин Карл, в это время находившийся в Шиноне, тоже потерял последнюю надежду – среди окружения принца всё чаще раздавались голоса о необходимости немедленного бегства в Шотландию или Кастилию, а это означало бы окончательную гибель Франции и исчезновение королевства из мировой истории /а значит, и полное прерывание многих уникальных Линий Передач, в том числе, связанных со Святым Людовиком, Готическими Соборами.../.

Вот на таком безнадёжном фоне и начали происходить невероятные странности, связанные с никому не известной девушкой из деревни Домреми».

Далее, приведя несколько обширных отрывков из статьи уже указанного автора, «Жанна д'Арк: чудеса только начинаются», мы завершим цитирование, ещё раз настоятельно посоветовав читателю прочесть весь цикл этих статей.

Итак:

«Путь Жанны из Домреми к дофину простым не был. «Голоса» она слышала с возраста 12–13 лет, но до времени никому о явлении архангела Михаила и святых Екатерины с Маргаритой /немаловажны сведения о конкретных Святых-защитниках Жанны/ не рассказывала. Примерно в 20 километрах к северу от Домреми находилась крепость Вокулёр, командовал которой капитан Робер де Бодрикур, родственник Гийома бастарда Пуатье и будущего графа Дюнуа. Жанну первый раз видели в Вокулёре практически ровно за год до громких событий под Орлеаном – история сохранила дату: 13 мая 1428 года, праздник Вознесения. Явилась Жанна в Вокулёр в сопровождении дяди Дюрана Лаксара – предположительно, брата матери, трудившегося на церковном поприще.

(...)

Бодрикур, человек военный и занятой, отнёсся к девочке из Домреми с крайним скепсисом, невзирая на весь религиозный менталитет человека Средневековья. Надо же, святые этой деревенщине являлись, представьте себе! Жанну вполне предсказуемо выставили вон без всякого сочувствия, ещё и обидно обсмеяв. Вернулась она через девять месяцев /время возврата тоже интересно/, в феврале 1429 года, в самом начале Великого

поста, и снова потребовала встречи с капитаном – с тем же, впрочем, успехом. На этот раз Жанна сдаваться не собиралась и поселилась вместе с дядей Дюраном в Вокулёре у каретника Руайе, а главное – она начала проповедовать, сообщая всем встречным, что послана Богом для спасения дофина и Франции. К дому каретника начали стекаться любопытствующие, чтобы взглянуть на странную девушку, к которой, по её уверениям, приходили архангел и святые жёны во плоти…

Как раз 12 февраля неподалёку от Орлеана состоялась описанная в предыдущей статье «Битва селёдок», и, по сообщениям современников, Жанна предсказала это сражение и его исход – несмотря на то, что от Вокулёра до места событий больше 300 километров. Бодрикур повёл себя прямолинейно: следовало немедленно выяснить, что представляет собой девица из Домреми и, главное, не одержима ли она бесом. Для обряда экзорцизма был приглашён приходской священник, но кюре одержимости не нашёл и заверил капитана, что Жанна обычная девушка…

Тут подвернулся и счастливый случай: Жанну пригласил к себе герцог Карл II Лотарингский, принц крови, имевший резиденцию совсем неподалёку от Вокулёра – в Сен-Николя-де-Пор к югу от города Нанси. Тяжело больной герцог услышал распространявшиеся с молниеносной быстротой слухи о некоей мистичке и решил, что Жанна целительница, но она сразу заявила, что к лекарскому ремеслу не имеет ни малейшего отношения, а его светлости следовало бы не обманывать впредь жену. Тут никакого ясновидения не потребовалось – было общеизвестно, что Карл Лотарингский предпочёл законной супруге любовницу. Герцог был так обескуражен безапелляционностью и прямотой Жанны, что не стал гневаться, а подарил ей несколько безделушек и отправил обратно в Вокулёр.

После приёма у Карла Лотарингского отношение Бодрикура к Жанне окончательно изменилось к лучшему. Он и так провёл краткое расследование в своём шателенстве, выяснив, что девушка из Домреми происходит из уважаемой зажиточной семьи, ни в чём дурном прежде замечена не была, одержимостью, как его уверил кюре, не страдает, а самое главное – имеет почти невероятное влияние на умонастроения людей. По округе всё громче начали ходить разговоры, будто исполняется старинное пророчество, по которому Францию погубит женщина, а спасёт непорочная дева – под женщиной подразумевали, конечно же, королеву Изабеллу Баварскую, подписавшую катастрофический

договор в Труа, ну а дева… Дева – вот она! /описана форма вхождения Инспирации в Измерение и начавшееся Умножение/.

Люди, давно ожидавшие чудесного спасения, стали безоговорочно верить, что Дева действительно послана высшими силами. Робер де Бодрикур наконец сдался – Жанна твердила (тому есть множество свидетельств), что обязана предстать перед дофином до середины Великого поста, иначе будет слишком поздно – что характерно, она ничуть не ошибалась, и отпущенное Франции время стремительно истекало.

Бодрикур принял решение отправить Жанну в Шинон, где тогда находился двор принца, с шестью сопровождающими. По своему желанию Жанна переоблачилась в мужскую одежду /важный момент, возможно, знак наличия у Жанны оперативной андрогинной Пневмы, что характерно для Святых и Адептов/ – в этот момент никто не обратил и малейшего внимания на этот факт, который впоследствии будет стоить Жанне жизни: в мужской одежде гораздо удобнее ехать верхом. Провожала Жанну и её крошечный отряд немалая толпа жителей Вокулёра, к воротам вышел и капитан де Бодрикур, видимо, всё еще испытывавший некоторые сомнения. История сохранила его слова: «Иди, иди, и будь что будет».

(...)

Напрямую от Вокулёра до Шинона немногим более 400 километров, но прямо летают только птицы. Стараясь передвигаться в основном ночью, чтобы избежать встречи с англо-бургундцами, отряд добрался до цели за 11 дней – точно известно, что Жанна побывала в Осере и Сен-Катрин-де-Фьербуа, южнее города Тур. В Шиноне отряд остановился на постоялом дворе. Спутников Девы продолжали терзать сомнения, примет ли Жанну дофин, но сама она была неколебимо уверена, что встреча состоится. Два дня она находилась в городе, вызывая массовое любопытство жителей от простолюдинов до дворянства, и, конечно же, проповедовала: Жанна своих целей не скрывала.

Дальнейшие события общеизвестны: Карл принял Деву вечером второго дня пребывания в Шиноне. Её пожелали испытать, выдав за принца другого человека, но Жанна безошибочно определила, кто здесь настоящий Валуа, и заявила Карлу: «Именем Господа я говорю тебе, что ты истинный наследник Франции и сын короля. И Он послал меня, чтобы привести тебя в Реймс».

(...)

Двор развил лихорадочную деятельность – легковерных простачков среди последних приверженцев Карла де Валуа не было. Дофин поверил ей после того, как Жанна якобы открыла ему «тайну, о которой не знал никто, кроме Бога», – по легенде, она повторила Карлу его личную молитву, которую он никогда не произносил при посторонних. Но этого было мало. В Домреми немедленно отправили «следственный комитет» из монахов-францисканцев – выяснить биографию Девы. Саму Жанну переправили в Пуатье, чтобы она ответила на хитроумные вопросы учёных-богословов, и она с этим блестяще справилась. Наконец, Жанну осмотрела опытная повитуха, которая свидетельствовала, что та не мужчина и девственница. Последнее утверждение для тех времён было весьма существенным: считалось, что посланница дьявола, ведьма, не может получить колдовскую силу без соития с нечистым /тут дело в подтверждении отсутствия оперативной активизации контура Кибелы, а не в вере/. Наконец, Дева совершенно очаровала молодого герцога Жана Алансонского, который стал её безоговорочным сторонником.

(...)

Желание Девы исполнилось – она отправилась под Орлеан, где произошло очередное чудо…».

Орлеан.

Жанна.

Собор.

Собор в Орлеане посвящён Святому Кресту. Наполнен он Присутствием Жанны.

Катедраль Орлеана, огромен. Он достаточно высокий и довольно фундаментальный. Ощущение свершившейся Мощи и Реализации. Фасад создают две массивные Башни, они практически симметричные и не острые, что только подчёркивает аспект Фиксации. Чем-то данный Тампль, своей Западной стороной, похож на Нотр-Дам-де-Пари.

Фасадный комплекс имеет некий срединный сердечник, это, равного размера, распустившиеся Цветы, Розы. Они не витражные, соделанные только архитектурной пластикой. Потому, сии творения, ещё и Звёзды...

Собственно с Запада, их – Три. По одной на Юге и Севере. Ещё две – на Востоке. Всего, получается, Семь... по отношению к ним, Храмовый Неф – как бы Восьмое.

Довольно откровенная форма рассказа о раскрытии сущностного Семени каждой Планетарной Сферы. И о – Пространстве-вне-Демиургии, чем и является Неф.

Отсутствие Алтарной преграды, в данном случае, распространяет алтарную мерность на всё, так знаменуя Стояние Пантократора.

Орлеан продолжает Собор и Святую Жанну. Здесь всё вокруг Чистой Воительницы...

Дождь, немного утихая, шёл до вечера. Это навевало внутрь обращённое настроение. Улицы омывались Водами...

Мелюзина, её базовая франкская материя, в случае Жанны д'Арк, в этой Передаче, целиком и ПОЛНОСТЬЮ разорвала с кибелическими мирами. Всецело просияла Светом и ушла в Истину.

Так есть.

Такое действительно возможно.

13. «БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ...». ЛЕ МАН. ПРЫЖОК В ПРОПАСТЬ.

Современный мир – это Лабиринт среди общего траурного праздника тотального лицемерия.

Ничто и нигде не гарантировано.

Важный иерарх может оказаться лжецом, а в глазах вонючего бомжа может мелькнуть отсвет Божественного...

Истина – в искренне очищаемом Сердце.
Там и Бог.

Пребывая во Франции и пытаясь осознать её сакрум, Святую Жанну и степень эманаций Кибелы через Мелюзину, нельзя не упомянуть Вольтера. Если мы попробуем прочитать что-то культурно официальное на его тему, то узрим нечто вроде «один из величайших философов-просветителей», «Великий француз» и прочее в том же духе...

Есть у Вольтера одно произведение, которое, даже, можно не читать, а просто ознакомиться с ним. После этого можно вообще ничего не читать вольтеровского, уже поняв, что он и враг, и урод.

И что именно благодаря таким тварям, был свершён ужас Великой Французской Революции, в конце концов, в 1968 году давший начало постмодерну.

Речь идёт о поэме «Орлеанская девственница», в которой этот подонок позволил себе высмеять Святую Жанну.

Жанна д'Арк спасла Францию, в возрасте семнадцати лет и её за это, живьём, девятнадцати лет от роду, сожгли на костре!!!

Какой нелюдь может иронизировать над таким?!

Ответ очевиден любому человеку.

Продолжая тему Жанны-Спасительницы, следует упомянуть её верных спутников: Ла Гира и Жиля де Ре. Последний был страшно оклеветан и в возрасте около тридцати пяти лет сожжён на костре, как и Жанна, которой, сей герой был безоговорочно верен и предан...

Канонизировали Жанну, как блаженную и Святую, только в 1920 году. Канонизировала та же организация, которая ей в своё время вынесла смертный приговор...

Это к вопросу всецелого упования на групповые поезда к Богу.

Вхождение в некие Чертоги, сейчас, в наши времена упадка, требует начального импульса соответствующего настроения. Иногда, его может задать особая песня.

Итак, Эдмунд Шклярский, «Сияние»:

Вы ведите, дороги
В край, где небо не строгое,
Там, где небо не строгое,
Может, ждут нас давно.

С суетою проститься
И с далекими птицами,
И с далекими птицами,
Будем петь заодно.

Может быть, что и ты не ты,
Может быть, что и я не я,
Вот и ходим, как пьяные
По дорогам пустым.

А не странно, не странно ли
Вдруг увидеть сияние,
Вдруг увидеть сияние
Неземной чистоты.

Да сияние...
Да сияние...

Так иди ж себе с Богом
Мимо улиц убогих,
Мимо улиц убогих,
Не жалей ни о чем.

А случись вечер темный,
Так скиталец бездомный,
Да скиталец бездомный

Вдруг подставит плечо.

Может быть, что и ты не ты,
Может быть, что и я не я,
Вот и ходим, как пьяные
По дорогам пустым.

А не странно, не странно ли
Вдруг увидеть сияние,
Вдруг увидеть сияние
Неземной чистоты.

Да сияние...
Да сияние...
Да сияние...

В том краю заповедном,
Где печали неведомы,
Где печали неведомы,
Может, ждут нас давно.

Будет солнце искриться,
И с далекими птицами,
Да с далекими птицами
Будем петь заодно.

Ле Ман – предпоследний город этого нашего Пилигримажа.
Встречает серая погода, а уже принимает – мелкий дождь.
Личные перипетии, иногда важны. Порою, без такого описания не сошьёшь передаваемое.
Бывает, существенно изложить только суть.

Ле Ман город непростой. Это как бы несколько Тайных шкатулок друг в друге. Необходимо и Знание, и – знание, и – стечение обстоятельств, дабы открылось.
Бывает, отверзается как бы слоями, вуалями Фата Морганы.

В этот день Ле Ман проявился, как тройка.
Цистерцианское Аббатство Эпо, Собор и местный Нотр-Дам...

Аббатство Эпо, основанное женой Ричарда Львиное Сердце, Беренгарией Наваррской, сейчас немного отреставрировано и там некий культурно-выставочный центр. Когда мы попали в Аббатство, экспонировались какие-то мерзкие фотографии, снятые гражданином с явными психосексуальными патологиями, а также, серия фото «про Россию», с бездорожьем, бедностью и пьянками...

Невзирая на такое странное наполнение Святыни и на то, что здесь очень давно не велось никаких богослужений, Аббатство, как не удивительно, сохранило тончайшую радиацию Чистоты, так свойственную Сынам и Дочерям Бернара Клервоского.

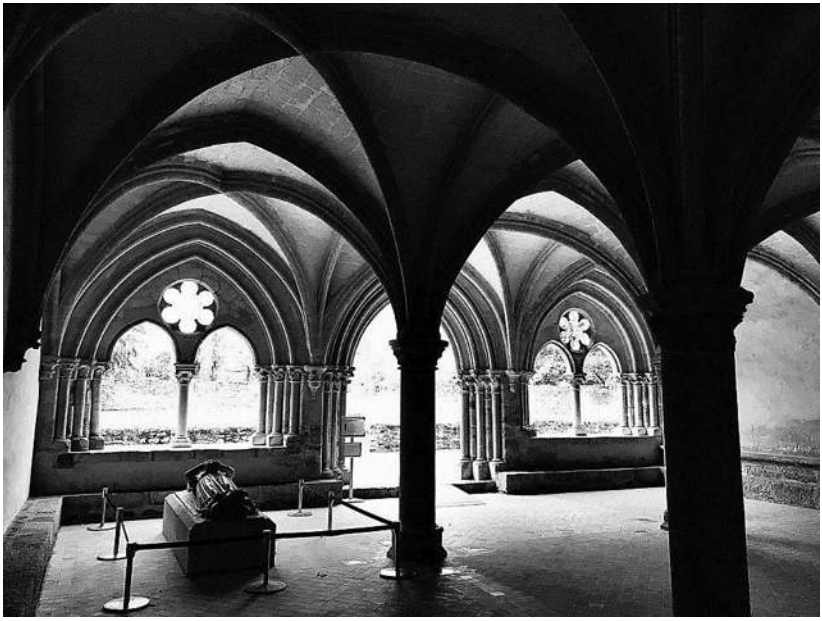
Цистерцианцы – исключительно интересное и качественное духовное явление, этот Орден, столетиями, держит Апофатический полюс Гнозиса. Существует, даже, специфическая Архитектура данного Гнозиса.

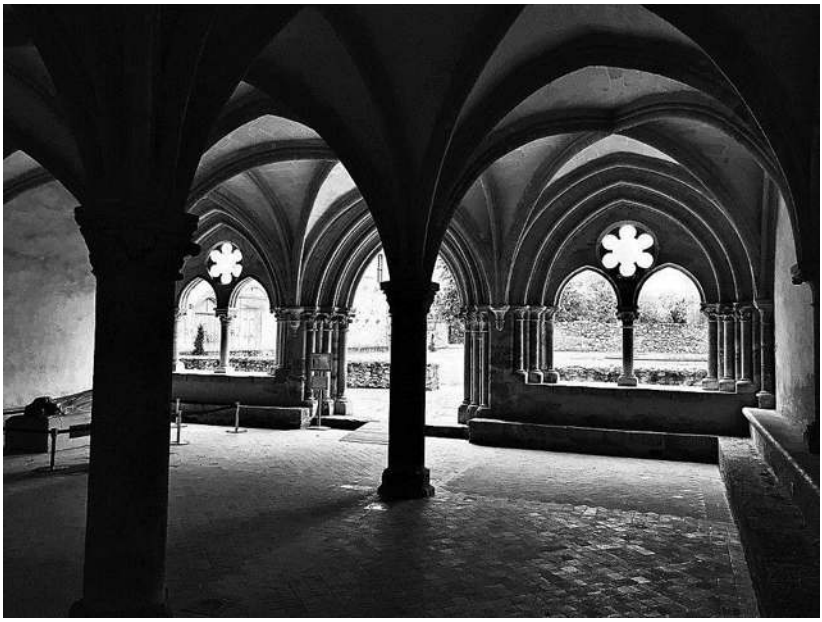
Ниже, приведём комплекс цитат, в целом, описывающих специфику Зодчества последователей Святого Бернара Клервоского, не забудем, он, ещё и крёстный Отец и главный патрон Ордена Тамплиеров:

«[1]С точки зрения строительства, здания были сделаны, где возможно, гладкими, бледными, каменными. Столбцы, колонны и окна упали на одном уровне, и если штукатурка была сделана вообще, она оставалась предельно простой. Святилище сохраняло простой стиль пропорции 1:2 как на уровне высоты, так и на уровне пола. Чтобы сохранить внешний вид церковных зданий, цистерцианские объекты были построены в чистом, рациональном стиле; и может считаться одним из самых красивых реликвий средневековья.

Большинство цистерцианских аббатств и церквей были построены в отдаленных долинах вдали от городов и населенных пунктов, и эта изоляция и необходимость самообеспечения породили инновации среди цистерцианцев. Многие цистерцианские заведения демонстрируют ранние примеры гидротехники и водяных колес. После камня два важнейших строительных материала – дерево и металл. Цистерцианцы были осторожны в управлении и сохранении своих лесов; они были также квалифицированными металлургами, и их мастерство с металлом напрямую связано с

[1] Текст приводится в редакции автора.





развитием цистерцианской архитектуры и распространением готической архитектуры в целом.

(...)

Цистерцианская эстетика стремилась от начала до абсолютной нищеты, не демонстрируя никакого богатства вообще. Это предполагает антитезис порядка Клюни, конструкции которого велики.

(...)

Во-первых, добровольная нищета: эти скульптуры и украшения были пустой тратой денег; они потратили впустую хлеб бедных. Во-вторых, такой мистик, как тот, кто постоянно искал любовь Бога, также отвергал образы во имя метода познания: фигуры воображаемого рассеянного внимания, отделяли его от единственной законной цели, находили Бога через Писание.

(...)

Для Бернардо эстетика и архитектура должны отражать аскетизм и абсолютную нищету, что привело к полному уничтожению, которое они ежедневно практиковали и которое составляло дух цистерцианца. Так закончилось определение цистерцианской эстетики, упрощение и нагота которой призваны передать идеалы порядка: тишина, созерцание, аскетизм и нищета».

(сайт hisour.com, статья «Цистерцианская архитектура»).

И, далее:

«... отдельные помещения располагаются так, чтобы соблюдалась их приватность при сохранении общего единства, но при этом одновременно реализуется принцип изолированности от внешнего мира.

(...)

Строгость правил цистерцианцев не могла не отразиться на планировке монастырей. Единообразие в расположении построек монастыря распространяется не только на зону затворническую, но и на весь монастырский комплекс в целом. И в этом случае мы можем говорить о выработанной цистерцианцами «идеальной планировке» монастыря, где все соответствовало нуждам и требованиям жизни и в то же время способствовало следованию пути духовного развития.

(...)

Новым в архитектуре цистерцианства была как раз абсолютная строгость, с которой бенедиктинская идея монастыря как образцового «города Бога» претворялась в архитектурную форму, освобожденную от всего лишнего и несущественного, выраженную простыми объемами и стремительной динамикой линий. Каждая конструкция таким образом становилась явленной в камне идеей, символом, непосредственным выражением сущности веры и устремленности к Богу. В этом заключалась жизненная сила цистерцианской архитектуры, послужившей, как считается, основой для расцвета архитектуры готики, феерически завершившей собой период развития архитектуры западного Средневековья.

(...)

... у цистерцианской архитектуры была своя отличительная особенность, которая позволяет считать ее особым стилем архитектуры Средневековья. Исследование первых построек цистерцианских монастырей демонстрирует тот факт, что речь шла в первую очередь о воплощении в камне грандиозной по своей сути идеи создания «города Бога» наиболее простыми и доступными средствами.

(...)

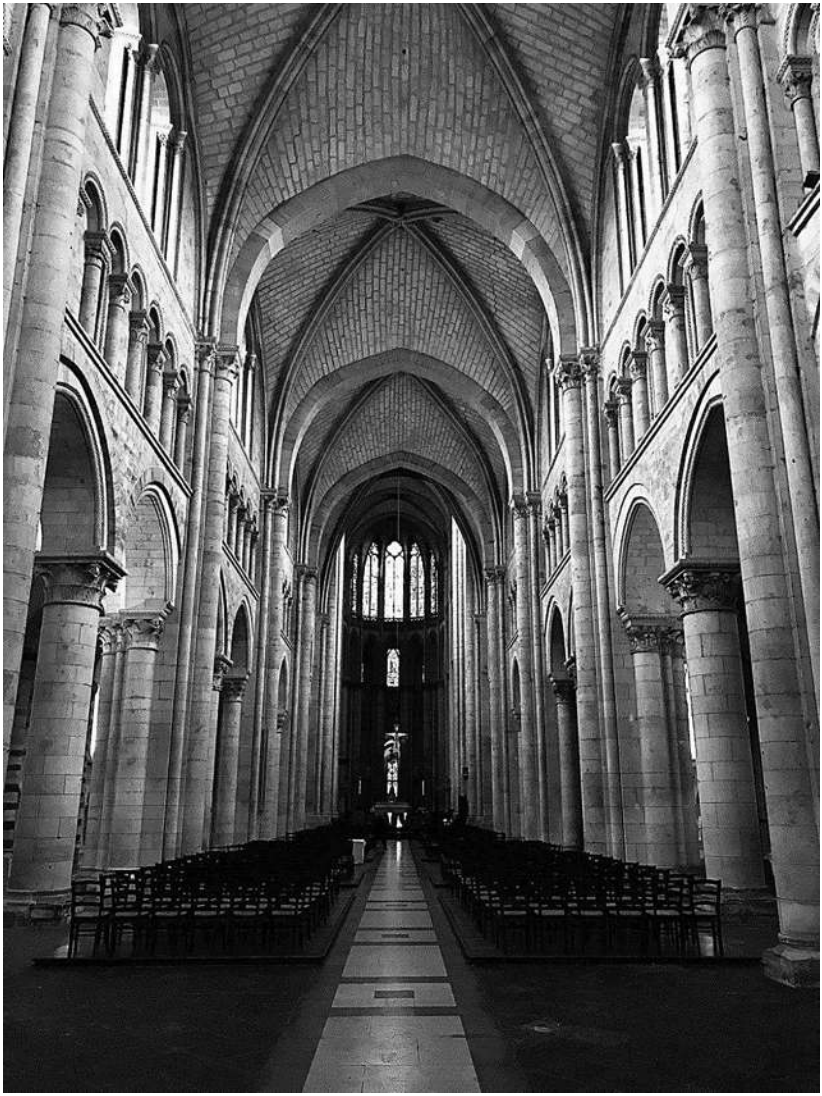
Главными в архитектуре монастырей, согласно Бернарду Клервоскому, являются свет, происходящий от Бога, и гармония, выраженная в безукоризненно правильной соразмерности элементов.

Генеральный Капитул ордена цистерцианцев в 1134 году наложил запрет на использование в монастырях витражей с изображениями, декоративной скульптуры, фресок, орнаментальных напольных покрытий, роскошной утвари и дорогостоящего убранства. Эти весьма строгие нормы ограничивали возможность самовыражения строителей, и все постройки цистерцианцев, созданные в XII–XIII веках, отличает суровая простота, которая и является самой яркой, самобытной и узнаваемой чертой искусства цистерцианцев.

(...)

Торжественная простота объемов, ясность контуров, отсутствие декора – основные признаки цистерцианской архитектуры. Архитектоника конструкций, естественный цвет камня, игра света и тени – составляющие элементы ее эстетики. Аскетизм и строгость – ее философия. Молитва и духовное созерцание – предлагаемый ею путь к свету».

(цитаты из: Анастасия Татарникова, «Цистерцианская Архитектура: запечатлённая в камне молитва»).



Этих сведений вполне достаточно, чтобы осознать суть Цистерцианского Наследия: Учения об Апофатике и совокупности базы для Операций Растворения...

Собор Ле Мана находится над рекой, на холме, в окружении ютящихся каменных домиков, в украшении мощёных улиц и парит над оставшимися Башнями древних стен...

Парит своим Трансептом и Вежей.

Подобраться к Катедраль лучше с севера, так, чтобы не видеть его издалека сразу и не сложить представление о его объёме наперёд. Потому, подходить лучше, смотря более-менее, под ноги. Все эти ухищрения – для обеспечения Инициации, связанной с Разрывом, чему и посвящён данный Собор...

Нефы Катедраль спокойны, выдержаны больше в романских тонах, особенно, боковые. Центральный Неф чуть более огненный.

Трансепт и Хоры (уникальная особенность данного Собора) не просто высокие, а очень высокие. При входе в их измерение, буквально выбрасывает вверх и распыляет пламенными каплями среди витражей.

Интересно то, что кардинальный разрыв происходит ещё второй раз: самая Восточная Капелла весьма небольших размеров и пневма, пришедшая цунами с Хоров и Трансепта, буквально прессуется в её объём и бурлит там...

Собор сохранил довольно много старых витражей, что ощущается особым присутствием.

Справа от основного входа, находится некий Камень, он важен и содержит в своём молчании определённый ключевой Гнозис...

Ещё один важный Тампль Ле Мана – Нотр-Дам-де-ля-Кутюр. В нём находится Крипта, которой, как минимум, тысяча сто лет. В сердце сего помещения сосредоточена сила особой Передачи.

Дождь, то и дело принимается снова. Мелкая мряка перетекает в более весомые капли, потом – просто сырость и снова нудноватый дождь.

Ле Ман оказывается городом Мистерии Улицы. Множество каменных домиков, мощёных улиц, приютились на холме вокруг Катедраль. Некоторые стены покосились от времени, кое-где про-

сматриваются интересные элементы оформления в виде средневековых и ренессансных Символов... перебегает дорогу тучный кот.

Сердце Ле Мана – это громада Собора и, в общем, уличная вязь средневекового стиля. Эта совокупность создаёт неповторимое целокупное состояние протекания Духа в Катедраль и дальнейшее распределение Истины, уже душевным уютом, на ряд индивидуальных объёмов мечтательного пребывания и выживания, – дома, а также – висит общим облачком человеческой любви. Так, Господь нисходит до твари и, даже, не ограничивает полноты Своих эманаций в перебежке подзаборного кота. Всюду тайно присутствует Золотая капля Смысла...

Можно просто и беззаботно отдаться течению улиц Ле Мана, ощущать неровность их каменной мостовой (иногда, будто по плоским камешкам переходишь речушку), насыщать взор и душу узорами каменных кладок – это всегда успокаивает. Тихо радоваться многочисленным клумбам, выращенным с такой точной заботой...

На другой стороне реки есть древний Храм. Он, к сожалению, был закрыт. Вокруг сего Тампля разбросан сад: стремительные старые древа, трава, тянущаяся к звёздам, цветы и... одинокая скамейка.

Точнее, скамеек немало, но каждая – одинокая. В каждой можно уплывать на челне мечтаний, неторопливо переворачивая страницы Книги Бытия. Неторопливо перелистывая волны алхимического Трактата.

И пусть многое, почти всё, в нём непонятно, всё равно, что-то происходит. Пространство, его тонкое звучание как-то изменяется, Улица соединяется со Храмом на сих страницах.

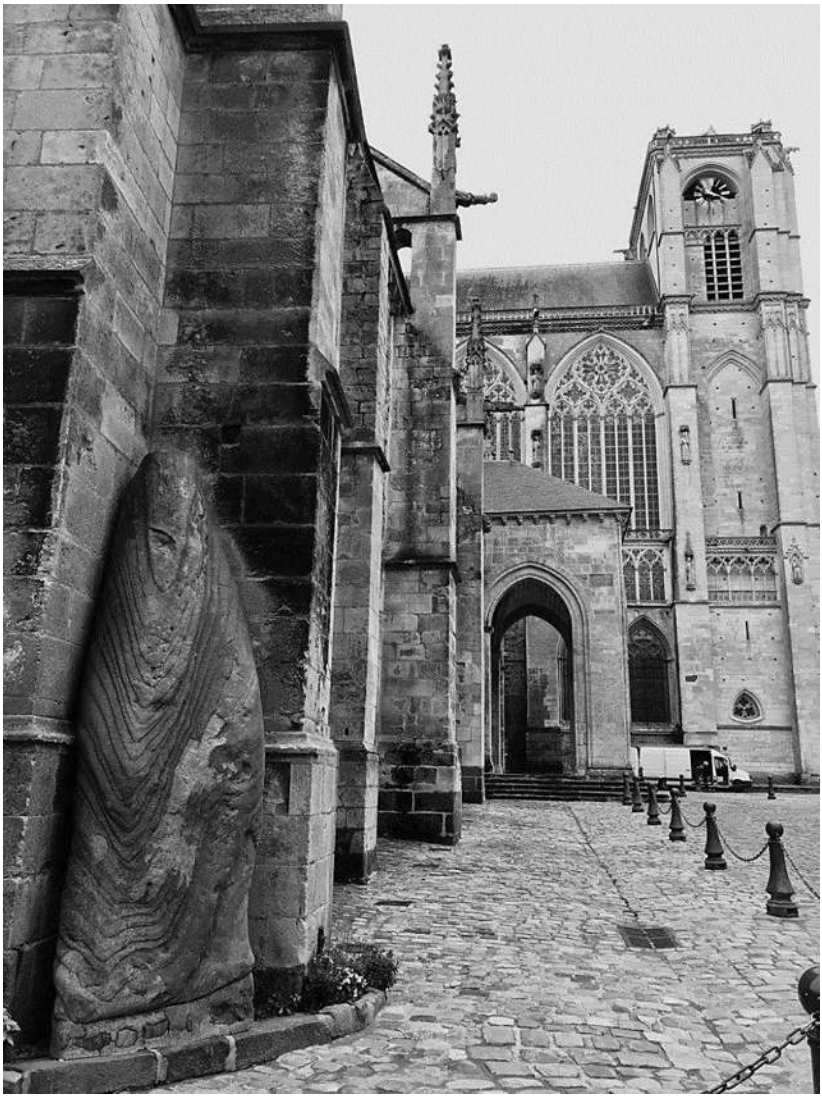
Вино.

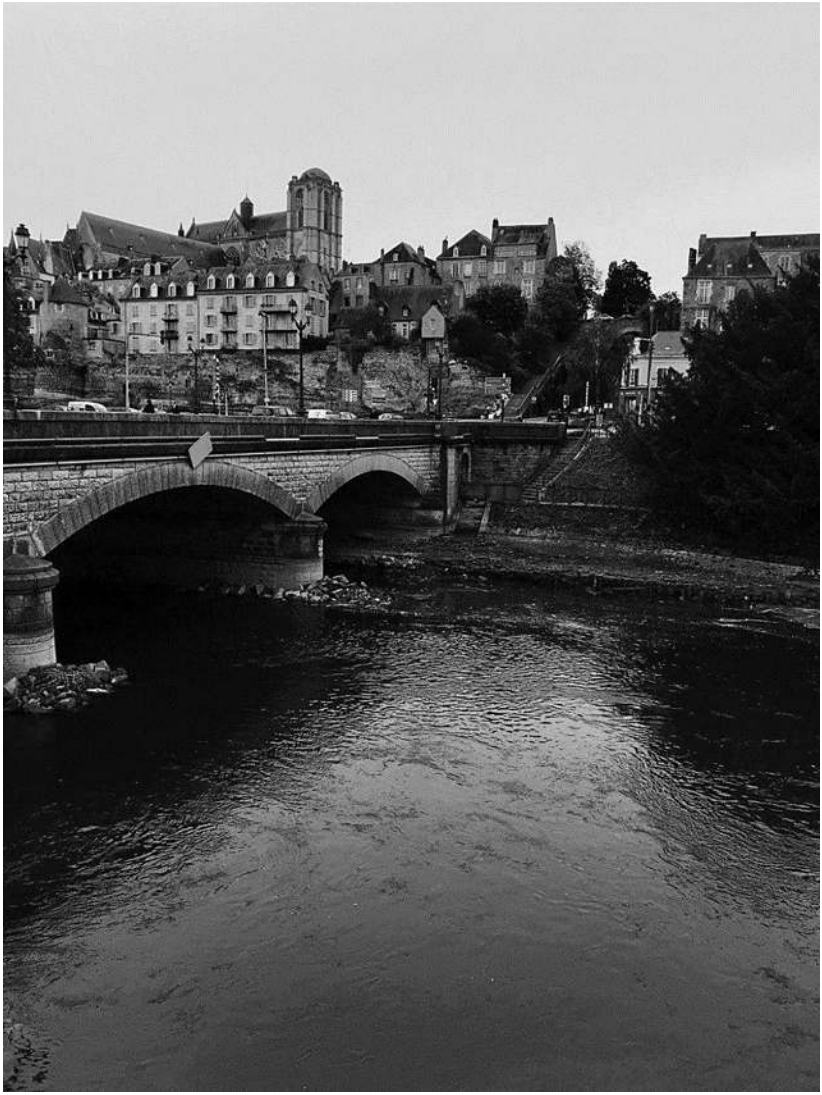
В нём, в сердце чаш, оседает звёздная пыль, ещё недавно зримая прахом отчаяния. Вино пьют не для постыдной трусливой эмиграции в делирий собственного маразма и невнятного бормотания о превратностях судьбы.

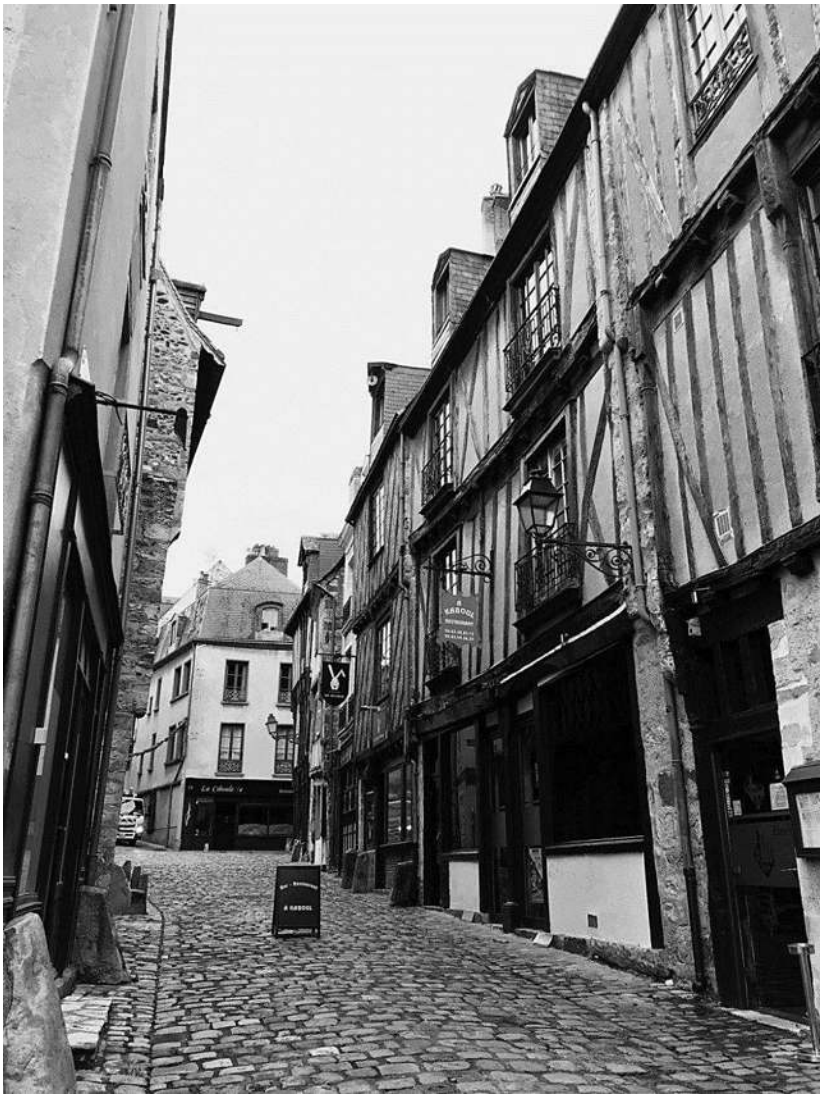
Вино употребляется только ритуально, ним подплавляется ужатая взрослость, оно дарует радость и сочетает душу с разумом.

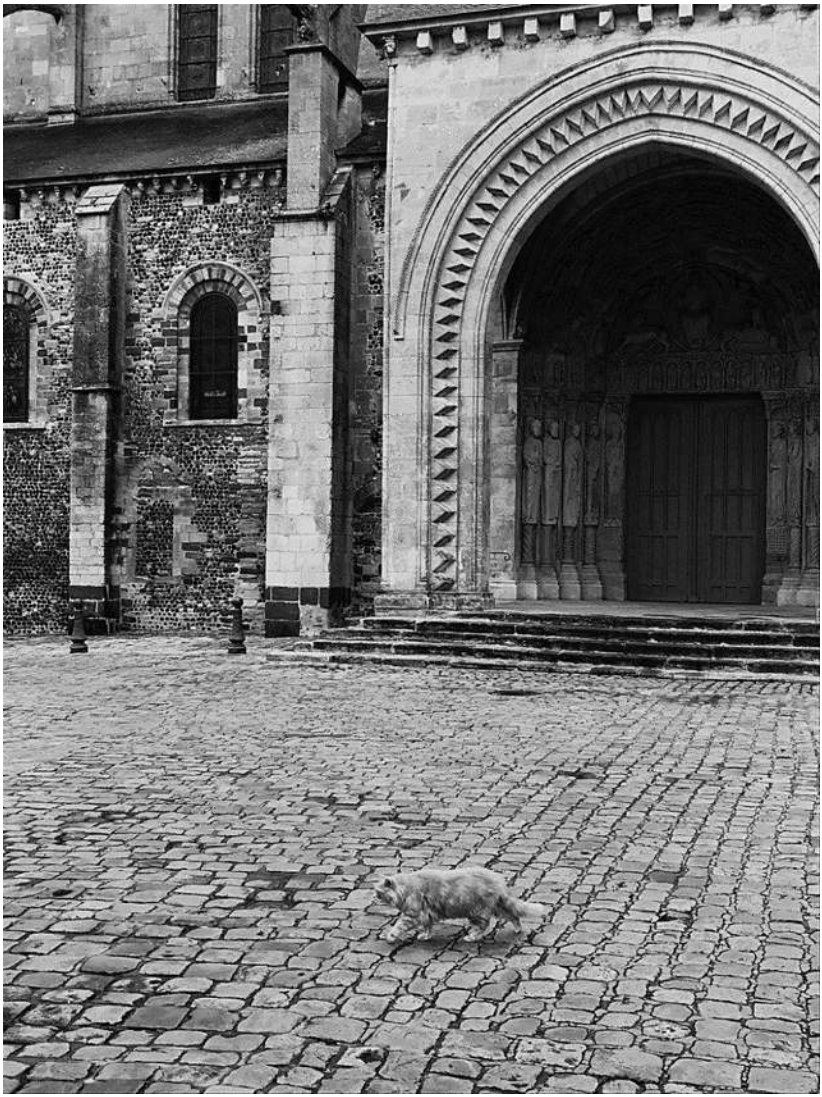
Вино пьют как нектар полно прожитого дня.

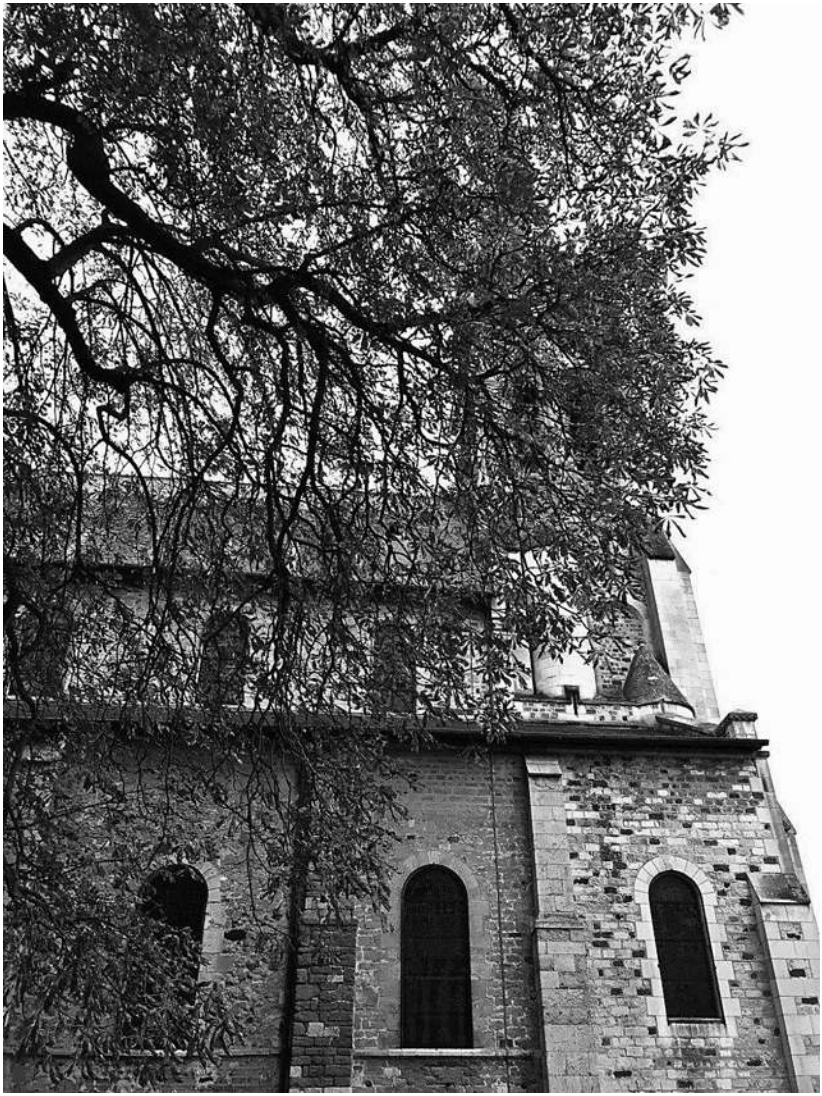
Дня, в котором ничего нельзя убавить или прибавить.

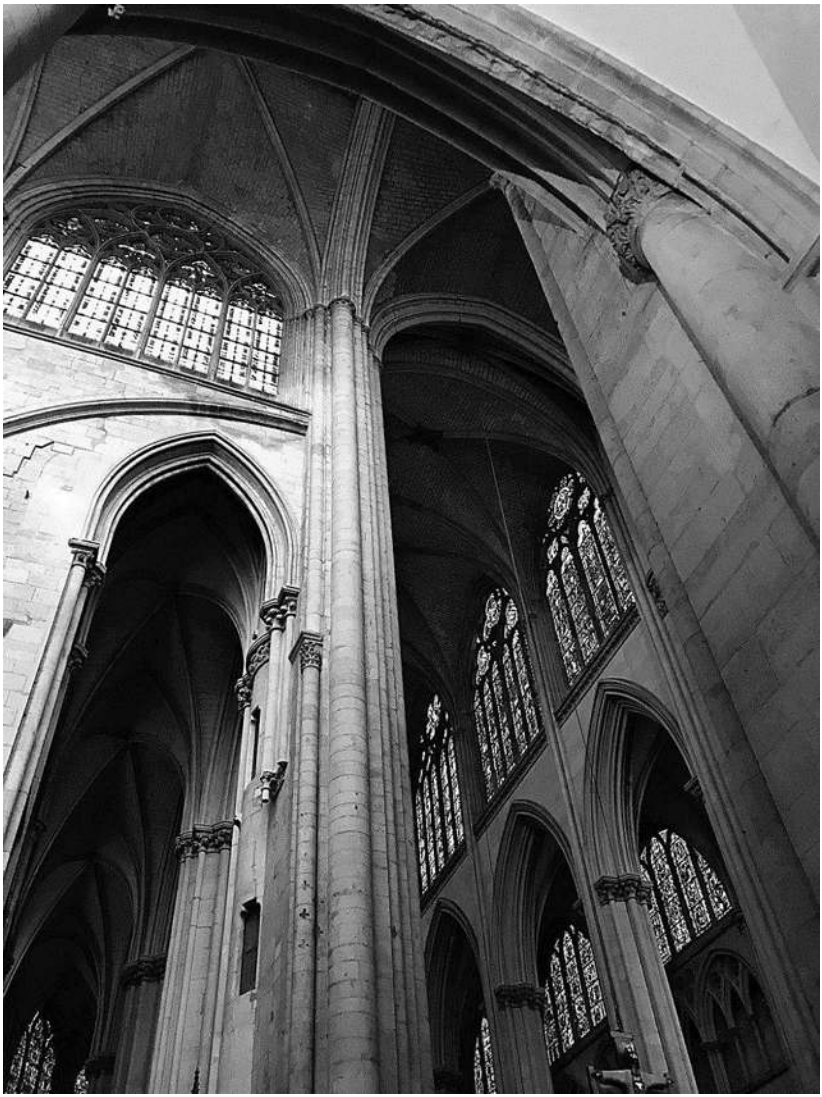


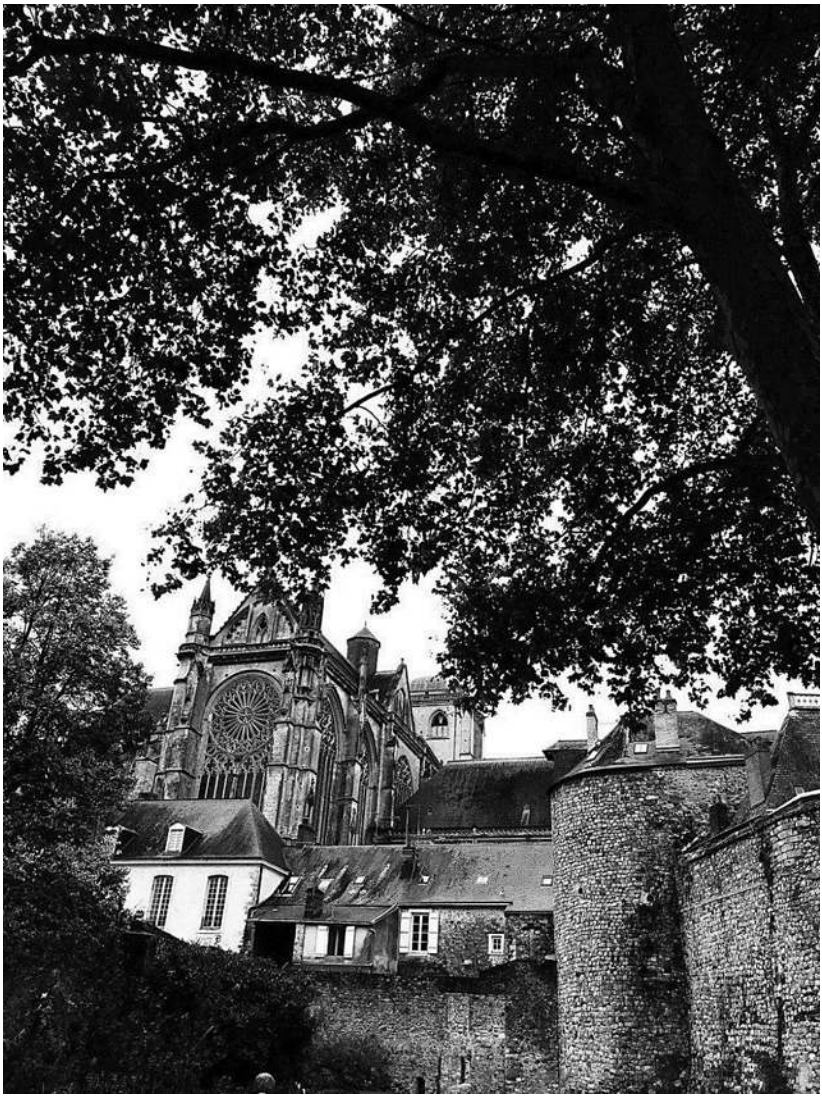












Таков Ле Ман.

Собор, с двумя каскадами Прыжка в Бездну. Аббатство Чистых. Конкретный уют, даже – его великий предел в малом: каменные домики и вьющиеся холмом, улочки.

Этот наш Пилигримаж подходит к концу.

Скоро – Париж.

Ему, как и Святому Дионисию, совсем недавно усекли главу. Возвращаться в Париж, в котором уже нет ТОГО Нотр-Дам...

Возвращаться в такой Париж, полумёртвый Париж, и пусто, и растерянно, и печально.

Ничего не поделаешь: такова жизнь – на Войне как на войне.

Таковы заданные условия.

14. ОТСЕЧЁННАЯ ГЛАВА ПАРИЖА. НОВЫЙ КРЕСТ.

Париж.

Вот мы и снова в этом городе. В этом городе Нашей Дамы.

Париж...

Холодно.

Зябнущие прохожие деловито идут по своим делам. Наш поезд приезжает на вокзал Монпарнас и мы перемещаемся до отеля пешком. Пару километров.

Понемногу привыкаем к Парижу.

Вспоминаю свои предыдущие визиты...

Ноющая боль, немая пустота, похожая на заправленный рукав ампутированной конечности... вот только, Парижу обрубили не руку и не ногу, – ему отняли, усекли, голову.

Странно: такой огромный город, столько других Храмов, и, Нотр-Дам вроде как не разрушен в щебень...

Но ощущается конкретно: нарушено нечто крайне важное.

Важное для всего Парижа.

Для всей Франции.

Для всего человечества.

Для всей Вселенной...

Приходим в отель. Он называется «Эсмеральда» и окно нашей комнатушки выходит прямо на Храм Нашей Девы.

Он так и стоит без главы.

Полумёртвое тело...

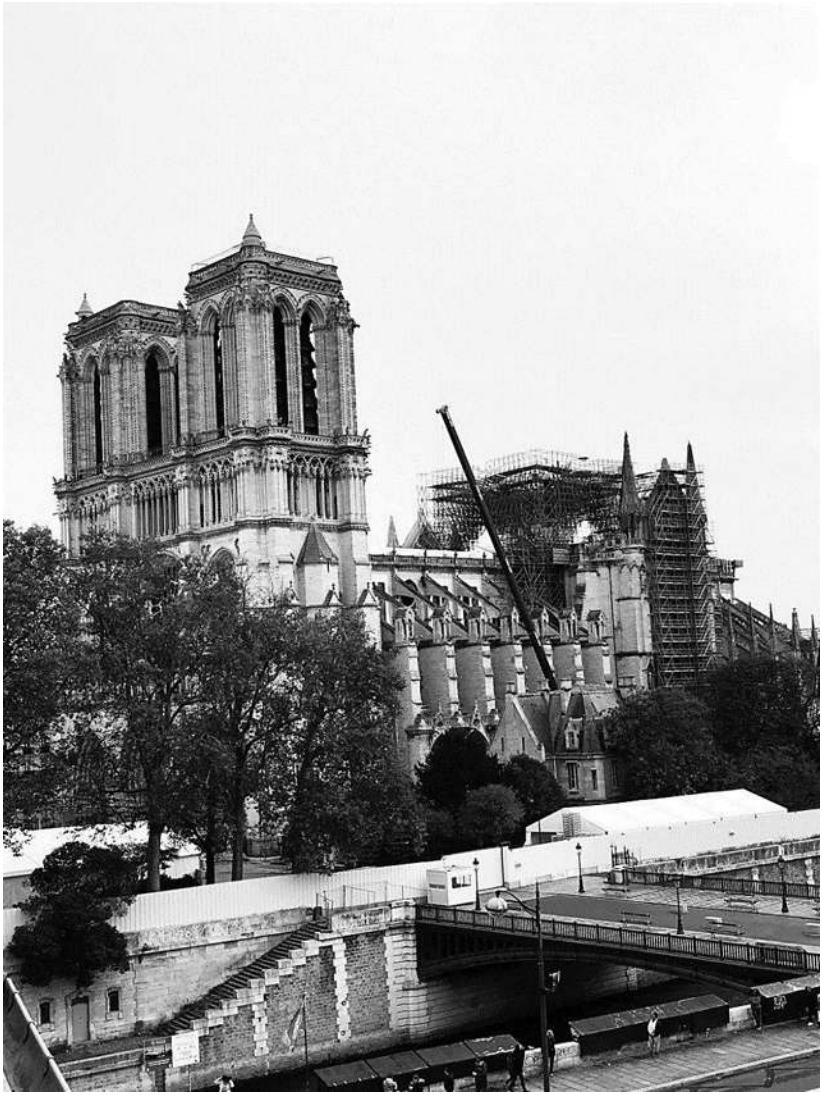
Железяки, кран, шум ремонтных работ. Нет уже того Облака сокровенной Тайны, в которую был запелёнут Нотр-Дам, вуаль которой, подхватываемая множеством Соборов Европы, разносилась окрест.

Один из важнейших Храмов мира полностью выключен из сакральной Циркуляции, впору Фулканелли обнародовать свою Третью Книгу...

Похоже, так.

Возникает весьма интересный вопрос: ранее, до Катастрофы 15-16 апреля 2019 года, было совершенно ясно – Нотр-Дам, главный Храм Парижа и Франции.

Какой сейчас?



Куда перешёл центр?

По некой социально-культурной логике, скорее всего – в Сакре-Кёр на Монмартре. Упомянутый храм, исходя из наших исследований, пневматически, метафизически и гностически пуст. Это просто довольно красивое огромное сооружение, которое, тем не менее, не несёт в себе Знания и не может передавать Луч Передачи.

Можно, также, попробовать на место Нотр-Дам «поставить» Сент-Шапель. Однако, там служится один раз в год и по оперативному факту это уже не Храм, хотя Гнозис живёт в чертогах сиих...

И, очень важно, что центральный, кардинальный Храм был на Сите, острове-сердце Парижа...

Очень сущностный Храм Парижа – Сен-Дени. Сейчас он расположен в неблагополучном районе, где нашли своё обиталище множество мигрантов... и где разлита соответствующая атмосфера. Тем не менее, невзирая на это и на ужасы революционного осквернения, Сен-Дени жив и мощно несёт Гнозис Изначалия.

Сент-Шапель, Сен-Дени... главные Храмы «Парижа после»... этот список будет неполным, ежели в него не добавить самый древний Тампль Града на Сене, Сен-Жермен-де-Пре и настоящее сокровище Монмартра: Сен-Пьер-де-Монмартр.

Последний Храм напрямую связан с Бернардом Клервоским и, значит, с Тамплиерами; в 1147 году упомянутый Святой принимал участие в Таинстве освящения данного Тампля.

Нотр-Дам...

Так или иначе, когда ты в Париже, рано или поздно приводит к нему. К его недобитому телу.

Зияющая рана на месте, где ранее был Шпиль, ощущается очень странной. Наиболее, почему-то, это похоже на то чувство, которое вызывал взорвавшийся реактор Чернобыльской АЭС, пока не закрыли его саркофагом. Что-то иномирное и зловещее зияет в теперешних останках Нотр-Дам, «Яйцо Мира, открытое в Нижние Миры» (вспомним Рене Генона).

Сгорел не только Шпиль Виолле-ле-Дюка, уничтожена целая роща средневековых дубов, находящаяся в крыше Собора со времён Святого Людовика.

Процитируем Википедию:

«Большая часть загоревшейся деревянной конструкции представляла собой каркас, сооружённый в XII–XIII веках из 1300 дубов. Сверху находились свинцовые листы, расплавившиеся в огне. В течение часа пламя объяло свинцово-деревянную крышу собора и центральный деревянный шпиль, что привело к его обрушению на свод потолка каменной кладки собора.

(...)

В результате пожара разрушился шпиль, сооружённый в XIX веке. Его каркас состоял из 500 тонн древесины, покрытых 250 тоннами свинцовых пластин. При высокой температуре свинец расплавился и частично испарился, став источником токсичного дыма.

Уничтожены две трети крыши, сооружённые из дерева в XII–XIII веках. Пострадала часть внутренних помещений».

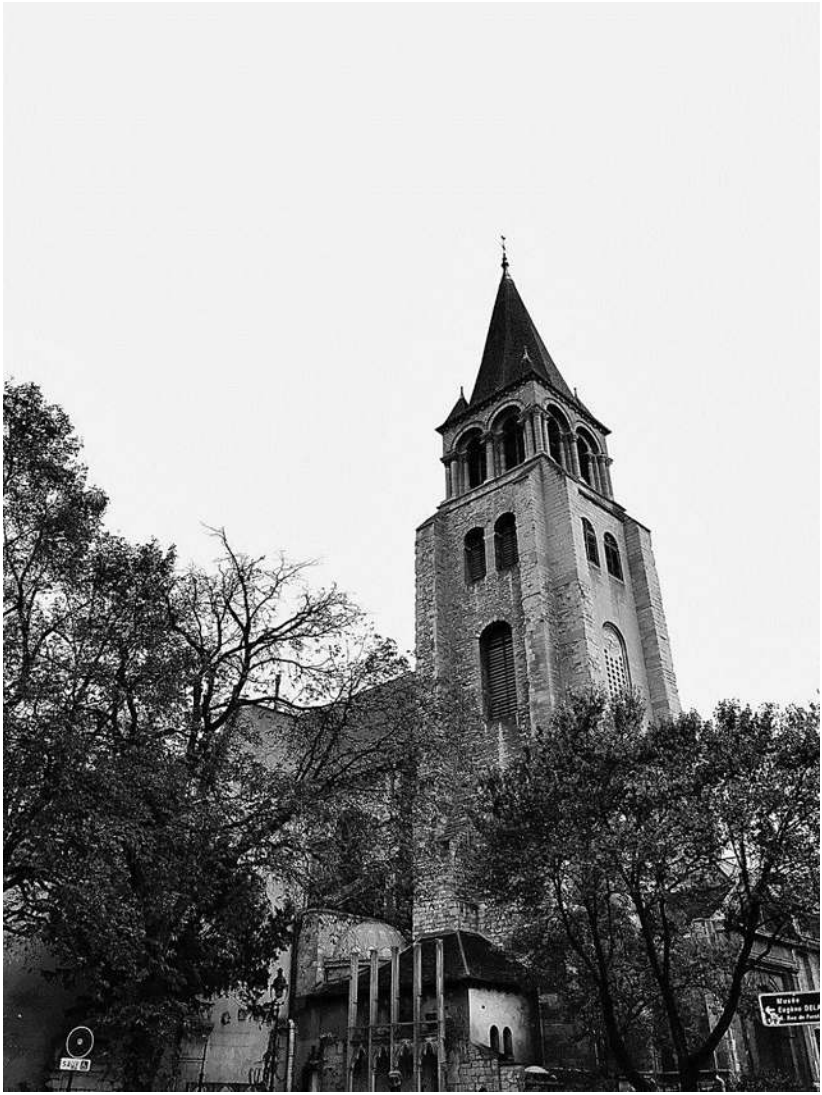
Сочетание свинца и дуба, кстати говоря, весьма символично... но самое главное, разрушен Ковчег.

Париж стал зловеще странным...

Второй каскад Храмов, которые приняли на себя удар, это Сен-Жюльен-ле-Повр (один из старейших в Париже, находится совсем рядом с Нотр-Дам); Тампль Святого Северина, связанный со Святыми Мартином и Урсулой из Кёльна, а также – с Франсуа Рабле и Фомой Аквинским; Храм Сен-Жермен-л'Оссеруа, колокола которого дали импульс Варфоломеевской ночи; Сен-Жерве, пострадавшая в 1918 году от выстрела немецкой пушки, бившей на расстояние до 130 километров; один из последних Готических Храмов Сент-Эсташ...

В отличие от широко распространённого мнения, предложенного попсовой макулатурой, церковь Сен-Сюльпис интереса не представляет, поскольку изваяна в рамках профанной архитектуры.

Эти пять Тамплей – ещё один комплекс сакральных пульсовых точек, которые, если есть такая возможность, после прихождения к первой Четвёрке, стоит посетить Пилигриму.



Каждая Молитва или Воззвание в упомянутых Храмах являются весомым вкладом в дело восстановления Щита, который ранее держал Нотр-Дам. Хотя, его полноценная реставрация уже невозможна.

Париж.

Когда-то он был Альфой и Омегой наших Пилигримажей.

Впрочем, сегодня ситуация восстановилась, однако, в совсем другом узоре.

Сент-Шапель сейчас важна, как никогда ранее. Потому опишем один из вариантов «собирания» её Гнозиса.

В витражах важны не сюжеты, точнее, они конечно, важны; но есть ещё далеко не очевидное назначение таких творений и вытекающий из него способ взаимодействия.

Речь идёт о неком ощущении света и Света и особом его усвоении.

Но необходимо соблюсти ряд тонких условий.

Первое: всё из Истины, в Истине и к Истине. Сие задаёт совершенно особый акцент и решительно влияет на векторность.

Второе: достаточное предварительное Очищение, это самые разные Операции, связанные с Апофатикой Растворения.

Ты приходишь как бы прозрачный, бестелесный и нет модуса приватизации полученного, то есть, намерения урвать.

Третье: желательно перед Сент-Шапель прийти к Терновому Венцу и запомнить ощущение, идущее от Него.

Четвёртое: когда войдёте в Капеллу, мысленно, активным воображением, поместите Терновый Венец на Его Трон. Побудьте так. Ощутите другой Вкус Сент-Шапель в связи с этим.

Пятое: свет этот, свет и цвет от витражей и благодаря им – это как бы Сперма. Внутри неё находится нечто более тонкое – Семя. На Него и нужно настроиться оператору, как бы НАСКВОЗЬ слушать.

Матка, это стремление оператора к Истине и точность искреннего Воззвания.

Роль, собственно Таинства Сакрального Соития, играет дыхание. Потому, какое-то время необходимо прочувствовать глубоко этот процесс, распознать довольно конкретно Апофатику Выдоха и Катафатику Вдоха...

Наверное, следует учесть: должно состояться довольно качественное Чёрное – разрыв с профанной социо-культурой, Операции Отпускания, Разочарования и Прожигания себя различными постоянными Огнями.

Белое, будет выражено как особая, очень бережная, чуткость; без этого неизбежна неосознанная приватизация Таинства и, как следствие, последующий крах.

Красное – это сама интенсивность, восхищение, вдохновение и творческое расширение...

Прочувствовав герметизм Капеллы, можно вдохнуть результирующие сияния витражей особым образом. Это делается не технически, но как Вопрошение о Передаче.

Вдох производится через глаза и точку между ними в затылочную часть головы (свет туда), выдох – в зону на четыре пальца ниже пупа в глубине тела. Там формируется сияющий Шар, его корпус – Сперма (представляемый свет), его душа – Семя (ощущаемый Гнозис)... Для Сент-Шапель можно предложить метод Двенадцати: по четыре больших витража с Севера и Юга, три группы на Востоке и Роза Апокалипсиса на Западе, на каждую – по три Дыхания.

Шестое: пестование послевкусия. Какое-то время ходите, сидите, лежите и так далее, с ощущением-представлением сего сияющего совокупным настроением витражей Капеллы, Шара в животе. Ощущение важнее чем ясность визуализации.

Время от времени, сие распространяется на весь объём тела, или, даже, на сферу вокруг тела; порою – опять сокрывается внизу живота, как Царь в Пещере...

Седьмое: не ожидаете никаких результатов. Не схватываете достигнутое. Расслабляетесь в том, что обрели...

И всё вместе, в основном (потому что, есть ещё и сопутствующие моменты), данная описанная Операция – есть Воззвание о Передаче Озарения.

«Свято место пусто не бывает»: герметика Нотр-Дам-де-Пари сообщала всему человеческому Измерению определённую волну сакральной эманации. После его попрания и сожжения, это излучение ушло, его объём заняла инфернальная воронка симметричного масштаба. Путь Рыцаря и Воина получил новые ультимативно суровые вводные...

Пилигримаж Осенней Франции, от Лиона до Парижа, завершён. Много всего произошло. Целая жизнь.

Состоялся первый контакт с конкретным носителем герметического Гнозиса и соответствующее соприкосновение через Свет. «Сплендор Солис», Святой Мартин, Архэ Башни и «Мутус Либер» стали расплавом данной встречи...

Дождь.

Нас провожает, как и встречал, дождь. Тихий, мелкий, иглистый дождь. Небо сшивается с Землёй этим равномерно-постоянным шевелением. Тучи, эти кроны небесных Древ, целиком застили звёзды.

Их не видно.

И, если сами облака, – кроны, то их корни – вязи созвездий. А в деревах, растущих в обрамлении трав и камней, вверх, звёздными точками горят самоцветы, сокрытые в немое молчание тусклой породы...

Мистерия продолжается.

Как наверху, так и внизу.

Ещё не всё предрешено.

ЧАСТЬ 2.

1
. LS ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ТАБЛИЦАХ. В КЁЛЬН.

Опять и снова клубок нитей судьбы и судеб разворачивается конкретикой Пилигримажа.

Нам предстоит перелёт в Кёльн и далее, на автомобиле, через ряд ключевых точек, в Париж.

Свершаем мы сие Паломничество вдвоём, с моим давним Учеником. Он, во время событий 2013–2014 годов пропал из виду и, даже, привычный разум что-то шептал о возможной трагедии, но всё обошлось: описанный деятель возник из ниоткуда, вынырнув из грязного льда такой неизвестности весной 2019 года.

Пару месяцев мы кое-что практиковали вместе, он набил тату в виде Шартрского Лабиринта и выразил просьбу совместного скитания за Чашей.

Сказано – сделано.

Ноябрь.

Голые ветви аскетичных дерев. Чистое Убранство отсутствия лишнего – динамика Растворения.

Потому как, Ноябрь, алертный сын Вечного Сентября...

Как раз оканчиваю очередное перепрочтение первой книги Фулканелли. Никогда не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь. Некий герметический Друг, назовём его LS, присылает свои комментарии к данному тексту. Они настолько хороши, что просто невозможно не привести обширные цитаты из этих опусов.

Итак, LS почтительно и несколько отрешённо, с должной дистанции глубокого Уважения и в соответствующем трепете, начинает:

«Большой самонадеянностью было бы думать, что современный обычный человек может с наскоку разобраться в Алхимии также, как и в любой из тех наук, которые выведены в школьные

предметы. Тем не менее не скрою, чувствуется, что есть внутри какая-то неутомимая дерзость попытаться, полагаясь исключительно на интуицию, найти пристанище для своей души в поиске Истины, воплощенной в алхимической символике. Бёме говорит, что «хотя плоть и кровь не может постигнуть Божественного существа, но только дух, когда он просвещен и возжжен Богом». С большой осторожностью делаю попытку объяснить себе всё то, что связано со всем.

Неслучайно повествование Фулканелли «Тайна Соборов» начинается с описания детского восприятия готического Собора. Мы приходим в этот мир детьми, считается – неразумными. Но какая колоссальная разница есть в восприятии Собора ребенком и взрослым. Взрослый разменял непосредственность и прямоту восприятия ребенка на так называемую разумность. Так что же взрослый человек утрачивает в восприятии в сравнении с ребенком? Почему это «что-то» так ценно? Этому «что-то» не дано название, но Фулканелли говорит о том, что виною всему «привычка», которая стирает первый восторг. Вместе с тем, между строк проскальзывает, что это «что-то» является «необъяснимым». А ведь то, что мы не можем объяснить, принято считать не от мира сего?! Выходит, у ребенка есть возможность прямого восприятия этого «необъяснимого», которую впоследствии перекрывает «привычка». У взрослого остается память того детского состояния открытости по отношению к «необъяснимому». Есть прямое ощущение, что умение вспомнить то детское состояние распахнутости – это первый ключ к пониманию сути всего готического средневекового наследия, который дал Фулканелли.

Фулканелли восторгается «что может быть пленительнее символики древних алхимиков, искусно переданной в скромной средневековой скульптуре». При вглядывании в эти строки удивляюсь и восторгаюсь тому, что это за диковинный цветок, который скрывается под словами – «скромная средневековая скульптура».

Несколько первых страниц, а как многолико Фулканелли рисует Собор, призывая «отбросить за ненадобностью обыденный смысл слов, если он не приводит к открытию, возвышению, наставлению или приближению к Создателю».

Собор – книга. В книге – фразы, мысли. Для меня фраза – нечто статичное, мысль – динамична и имеет продолжение в каждое мгновение при обращении к ней. Выходит, Собор – книга – живое нечто, имеющее плоть – камень, облаченный в форму, которая без «украшательства, намеков и литературной двусмысленности» транслирует мысль.

Собор – «гостеприимное пристанище для всех обездоленных и больных».

Собор – «убежище для людей преследуемых».

Собор – «гробница для усопших знаменитостей».

Собор – «свод самых различных средневековых знаний».

Собор – «произведение на арго», «арго – особый язык для всех тех, ко хочет обменяться мыслями, но так, чтобы окружающие не поняли», язык меньшинства, живущего вне закона, условностей, обычаев, вне установленных форм и образцов – «буянов», т. е. почти «ясновидящих», сынов или детей Солнца.

Собор – «избавление от тирании буквы».

Готическое искусство – «искусство Света и Духа».

Пытаясь объять одним взором всё качество, что несет в себе Собор, кружится голова от объема, который сродни вселенной, вмещающей всё. Написав слово «качество», невольно пришлось задуматься – а правильно ли использовать это слово «качество»?! Возможно, да, открыв наугад Бёме натыкаюсь на определение: «Качество есть подвижность, течение или побуждение всякой вещи, каков, например, зной, который жжет, поедает и приводит в движение все, что в него попадает и что не одного с ним свойства. И он же в свой черед освещает и согревает все, что холодно, влажно и темно, и делает мягкое твердым. Но он содержит в себе еще два вида, а именно свет и яростность…».

Понять суть готического искусства – значит найти ключ к пониманию сути особого порядка, который царит внутри этой огромной вселенной под названием Собор и которую Собор транслирует своим присутствием во вне.

Снова обращусь к словам Бёме: «Когда человек взирает на глубину над землею, он не видит ничего, кроме звезд и водяных облаков; тогда думает он, что должно существовать иное место. Где являло бы себя Божество с небесным и ангельским правлением». Возможно, именно поэтому в нашем измерении здесь на

земле руками человеческими и транцендентными силами проявлены небесные звезды в виде Соборов».

Неплохо написано...

Даже, можно сказать, замечательно, потому как – прямо и вдохновенно. Интересно, кто же такой LS?

Известно совсем немного: он как-то связан с Кёнигсбергом, янтарём и одной старой игрой.

Возможно, сами заглавные литеры его инициала намекают на особенности Опуса LS:

- «L» представляет Прямой Угол, дихотомическое столкновение Вертикали и Небозёма, говорит о необходимости найти Диагональ разрешения этой Квадратуры, про «сумму квадратов катетов и квадрат гипотенузы», ведь степень квадрата, это умножение само на себя;
- «S», это и Змей, и Волна живой Молнии, соединяющая Две Башни, и – Блаженство сакрального коитуса, и ровная половина Восьмёрки, как квадратно умноженной петли Круга...

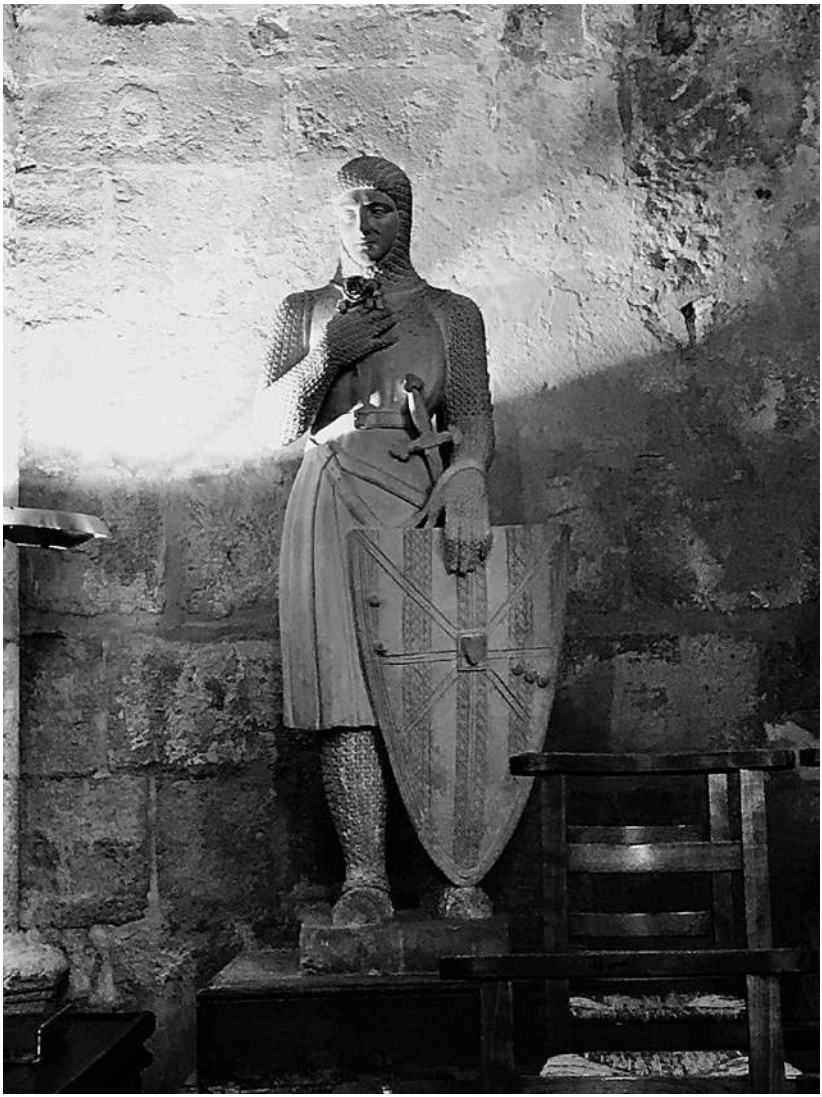
Прямо укажем: немногое нам известно о LS, но и – немало. Кроме того, его оперативная буквенная скрижаль пересекается с нашим ORSA, как раз в букве «S».

Да и «L» может быть интерпретирована как часть, из которой проращивают Крест, о чём, в следующем отрывке, так прямо пишет LS:

«ВТОРАЯ ТАБЛИЦА:

Снова придется предположить, что не случайно Фулканелли после описания объема сущностных качеств Собора, подобных алмазным граням драгоценного камня, переходит к раскрытию символического смысла формы, которая воплощает этот объем. Этим, как мне кажется, явно демонстрируется связь поля смыслов с конкретной материальной формой, доступной для непосредственного восприятия – взором, ощущениями и т. д.

Крест – тигель, корень. В этой форме «первоматерия, подобно Христу, претерпевает мучения и умирает, чтобы потом воскреснуть очищенной, одухотворенной, очищенной». «Крест несет следы трех гвоздей». Следы – символ трех очищений посредством железа и огня.



Крест в форме «египетского иератического знака анх – креста в виде буквы «Т», увенчанного петлей, – обозначающего универсальную жизнь, сокрытую в вещах».

Крест, как «герметический эквивалент знака анх – эмблема Венеры, или Киприды, обычная медь, каковую… нарекают бронзой или латунью». «Очисти латунь и сожги свои книги».

Почему-то осознание части текста, относящейся к символу Креста, а вернее ее объяснение/перевод на мой внутренний язык, оказалось непростым. Это было связано с необходимостью осознать, что такое «символ» по форме и символ в языковом выражении. На помощь пришли несколько книг, оказавшихся под рукой. Джаммария пишет «посредством символа, который схватывает смысл вещей и событий, алхимик познает мысль (психизм) Природы, включая общество и себя самого». В предисловии к книге Бёме Фокин И. пишет, что «Язык натуры, согласно Бёме, есть корень или мать всякого языка», и «если ты хочешь понимать этот язык, то примечай в мысли, как всякое слово сбирается от сердца к устам и что уста и язык делают с ним прежде, чем Дух вытолкнет его: если ты поймешь это, то постигнешь все уже по названию, почему каждая вещь называется именно так. Однако для естественного языка ты должен иметь понятие о трех началах, ибо слово образуют трое: душа, дух и тело»». Рискну предположить, что каждый символ может быть прочитан и усвоен также с позиции единства трех начал. Но здесь видимо нужно еще многое уточнить для себя.

Описанная Фулканелли символика формы Собора по смысловому содержанию явно соотносится с алхимическим преобразованием Первоматерии. «План здания христианской церкви раскрывает свойства первоматерии и способ ее обработки посредством креста, что приводит у алхимиков к получению первого камня – краеугольного камня Философов Великого Делания». Символ первоначальной материи Великого Делания в Соборе представлен, вероятно, неслучайно в виде «морды дьявола с огромной пастью, в которой верующие гасили свои свечи, в результате вся скульптурная группа была запачкана воском и сажей». «Первоначальная материя Великого делания представляется в виде Люцифера (несущего свет – звезды утренней)… символ… краеугольного или углового камня, подпирающего весь

остов здания, но и камень преткновения, камень соблазна, о который претыкаются себе на погибель».

Таким образом, Собор своей формой призывает к осуществлению алхимической обработки первоматерии, которая символически присутствует в Соборе. Природа человека двойственна, он несет в себе ад и небо. Каждый человек, говорит Бёме, есть свой собственный «Бог», а также собственный «дьявол». «Ибо всякий человек свободен и есть как бы свой собственный Бог, превратится ли он в сей жизни в гнев или в свет: какое платье наденет человек, таким оно и сделает его на вид»».

И опять нас приятно обволакивает стиль LS: коротко, по сути, без претензии на всезнание и, даже, если далее не будет обнаружено продолжение «Тевтонских писем» LS, кажется, уже прочитанного вполне достаточно. Видимо, такова специфика того Искусства, которое прямо упоминает LS, и магическое зерцало наполняется узорными образами, мы же не рискнём так и только намекнём. В первой же капле, в самом начале, уже сокрыто всё...

Потому, милостью Творца, можем избежать эпитетов «Завистники», «Ревнующие», так часто встречающихся в одном из средневековых Трактатов.

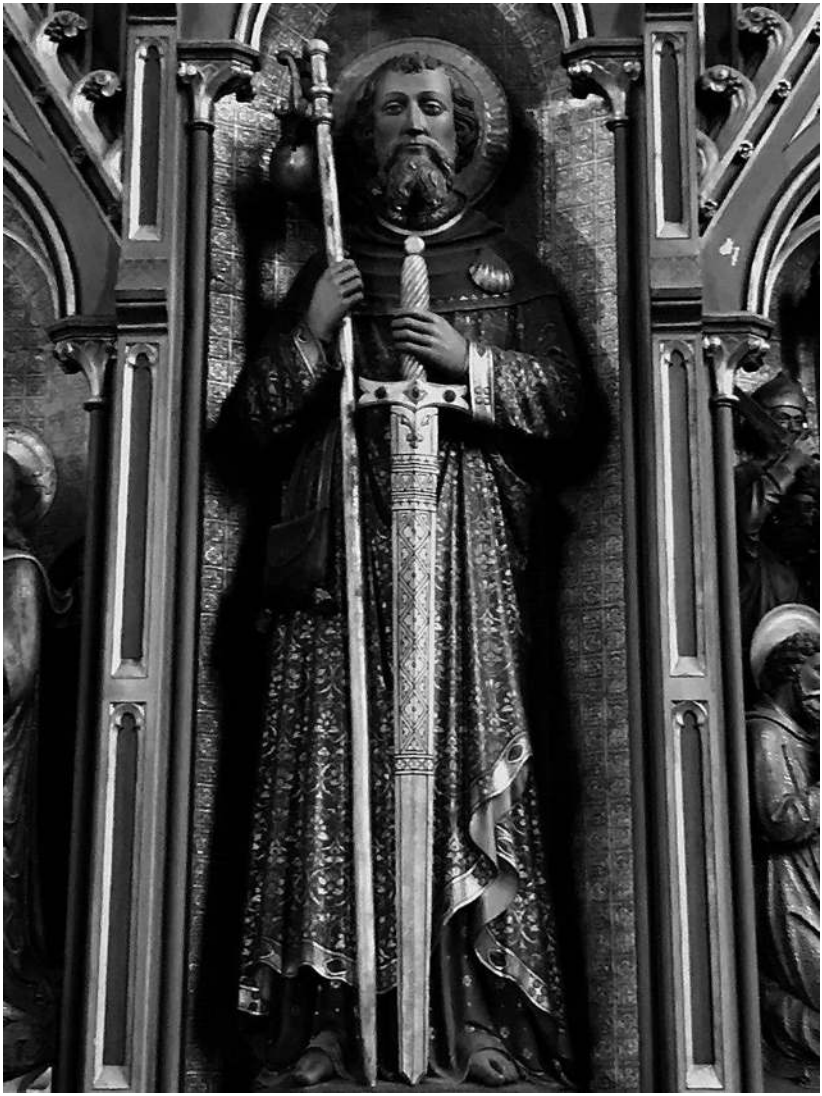
Равномерный гул самолёта создаёт измерение единой вибрации, так воплощая икону Бога Мостов и Дорог. Вспоминается река в Лимбурге, её берега связывает древний Мост, прямо посередине можно обнаружить статую: Бог-Отец в образе Старца держит на руках, подобно, Младенцу, Распятого Христа...

Проясняется понимание: Мост – это Святой Дух, третий Член Пресвятой Троицы.

В дополнение к уже написанному, из недр интернета, предстаёт Трактат Мельхиора Цибиненского «Алхимическая Месса», переведённый Ольгой Клещевич и так контрастно-отрывисто, будто трогая струны арфы, прокомментированный ею же.

Вчитаемся в начало перевода:

«Introitus. О, Господь, источник добра, вдохновитель священного искусства, тот, от кого проистекают все блага преданному тебе, помилуй.



Christe. Христос, Святой единый, благословенный камень искусства знания, кто для спасения мира вдохновил свет науки, для искоренения неверных, помилуй.

Kyrie. О, Господь, божественный огонь, помоги нашим сердцам, чтобы мы стали способны к восхвалению тебя, к раскрытию таинства искусства, помилуй».

(цитата с сайта «Духонавтика» О. Клещевич, статья «Перевод и Комментарии к Алхимической Мессе Мельхиора Цибиненского»).

Трактат и комментарий хороши для вечерне-углублённого изучения, а ещё лучше – для освобождённого и беззаботного ночного Бдения, отсылаем читателя к ним, а сами, сейчас, попробуем не столько что-то точно понять и, тем более, присвоить, но пропитаемся настроением Начала, вдохнём свежесть Нового Витка и так приготовимся ступить в Священное и хрупкое Серебро начало Опуса Пилигримажа.

Ведь нам предстоит бережно и точно нести Хрустальную Чашу, в прошении Красного-Белого Вина Истины, не разбить её и не загрязнить.

И, даже если мы всё понимаем неправильно в Опусах Искусства, само изучение их дарует ни с чем не сравнимое Блаженство. И это, уже Победа. И это, безусловно, Любовь. Так, Серебряная Луна тихо всматривается в энигмы своих отражений в райском бездействии ночного горного Озера. Так, принимает следующую каплю Океан Западных вибраций и Звезда Компостелы светит тем, кто не предал Мартина из города Тура.

Меч покидает ножны, шелест стали разряжает прозрачное висение ноябрьской ночи.

Зачаровано всё.

Сокрыто в Тайну божьего Откровения: роса появляется не только на утренних травах – зерцала доспехов, также, дом её.

Конные Воины собирались в дорогу, оружие ладно присутствовало там, где надлежит в походе. Времена смешивались, порождая открытую онейрику оперативного пейзажа и Братья Тампля уже ожидали нас.

Самолёт приземлился.
Кёльн.
Дождь.

2 ФЛАМБЕРГИ КЁЛЬНА.

Утро началось с воспоминания советского, весьма странного, наследия. Один из бывших Учеников в своём письме прислал текст советской песенки для детей. Вот он:

«Пират, забудь про возраст и покой
Когда сигнал «к атаке!» донесётся.
Поскрипывают мачты над волной,
На пенных гребнях вспыхивает солнце.
Земная неизвестна нам тоска
Под флагом со скрещёнными костями
И никогда мы не умрём, пока
Сияют нам светила над снастями».

Что и говорить, это мало похоже на воспитание ребёнка в духе социалистического энтузиазма и покорности. Скорее, неплохой задел для первого алхимического бунта. И такого, немало в наследии СССР...

Идёт дождь. Мелкий секущий дождь. Иногда он превращается в более весомый ливень, впрочем, ненадолго.

Кёльн накрыт невесомым пледом сине-голубого прощания. Светлой печали прощания...

Первый Храм к которому мы приходим – Девы Марии на Капитуле. Он пустынен. В Тампле – мы вдвоём и ключник, сидящий за столом. По нашей просьбе он любезно открывает Крипту, там Священное Присутствие оказывается наиболее сильным. Неторопливо и точно совершаю Ритуал Трёх Проходов, мой Ученик просто знакомится с музыкой Храма, как может, интуитивно, ему ещё не открыта эта Форма.

Распятие на Руне, древняя статуя Девы, средневековые Врата – все эти артефакты являются драгоценностями сего сакрального сооружения.

Дева буквально дышит, вбирая Пилигрима в свой Лик...

Потом мы направляемся в Дом, Собор. В его Чёрное Пламя.

Всё происходит и мой спутник приобретает книгу, где детально описана по всем составным напольная мозаика Хоров. Хотя она сотворена довольно поздно, тем не менее, в ней содержится нектар алхимического Гнозиса. Инспирация в действии...

У входа в Крипту расположен маленький Лабиринт и тут приведём ещё один отрывок из «Тевтонских писем» LS:

«ТРЕТЬЯ ТАБЛИЦА:

Одним из самых загадочных и вместе с тем красноречивым элементом Собора является Лабиринт, который символизирует полный цикл Великого делания. Фулканелли выделяет две трудности лабиринта – поиск пути к центру и поиск пути из лабиринта, для обоих операций требуется нить Ариадны.

Путь к центру в самом простом смысле наверное может быть понят, как путь к самому себе, путь наружу – суметь найти свое место в этом мире, не избегая его. Лабиринт – это наша повседневная жизнь.

Завораживает хитросплетенная цепочка, приведенная Фулканелли для смысловой трактовки символа «нить Ариадны», следующая из словообразования слова. Арахне – паук. Душа сравнивается с пауком, ткущим наше тело. С другой стороны, Аран – «магнит», «притягивать», «железо». Кроме того, ариан – «светило, восходящее над морем», «звезда», «солнце».

Лабиринт – Абсолют – Философский Камень.

Двигаясь по лабиринту жизни человек учится приводить в гармонию голос разума и голос сердца.

«Апсиды у всех церквей обращены на ЮВ, фасады – на СЗ, трансепты – с СВ на ЮЗ». Вход в храм с запада и на восток, к свету.

Розы (Rota) – их три, одна не освещается солнцем (северное окно).

Центральная роза – колесо – алхимический иероглиф времени, необходимого для варки философской материи, т. е. время варки.

В описании огня, участвующего в Делании, Фулканелли выделяет несколько различных видов огня.

1. Огонь для поддержания варки философской материи называет огнем колеса.

2. Тайный огонь или философский огонь – черная роза

- для расплавления Камня Философов,

- вращает колесо.

3. Огонь обычной теплоты – для зажигания тайного или философского огня.

Огни Фулканелли не совпадают с огнями Платона и Василия Валентина по статье Клещевич, все выделяют разное количество и виды огней. Платон говорит о пламени, свете и жаре. Василий Валентин выделяет шесть видов огней – первый небесный огонь, второй элементарный огонь, третий корпоральный огонь, четвертый огонь Страшного суда (инфернальный огонь), шестой огонь, из которого делается Камень. Из чего я делаю вывод, что все эти классификации субъективны и продиктованы формулой – время-место-человек. Но между тем, я возьму смелость и предположу, что огонь обычной теплоты, о которой говорит Фулканелли, очень похож на огонь Золотой розы. Тайный огонь сродни огню Черной розы, а огонь колеса порождается в результате уравновешивания огней трех роз – Изумрудной, Сапфировой и Золотой.

Три розы Собора возможно соотносятся с тремя огнями, которые выделяет Фулканелли. Темная Северная роза, роза Алхимиков – транслирует тайный или философский огонь. Огонь колеса – Центральная роза.

Для тайного огня отмечается, что при Делании необходимо поддерживать «один нагрев». При этом приводится интересное замечание «иди не отклоняясь, по одному пути… к земле не опускаясь, не устремляясь ввысь… а тот, кто середине свой доверяет бег, путь обретет надежный и не погибнет ввек». Эти слова однозначно указывают на срединность пути и своеобразную взвешенность состояния – не тут не там. Любопытно, что из обыкновенных традиционных знаний известно, что внутри конуса пламени имеются:

- темная зона, где горение не происходит из-за недостатка окислителя (300–400°С);

- светящаяся зона, где происходит термическое разложение горючего и частичное его сгорание (600–800°С);

- едва светящаяся зона, которая характеризуется окончательным сгоранием продуктов разложения горючего и максимальной температурой (самая горячая зона 1000–1200°C).

Приведенная схема конуса пламени хорошо соотносится с внутренней работой и срединностью огня. Темная зона соответствует недостаточности разложения, что говорит о дисбалансе. Едва светящаяся зона соответствует избыточности, приводящей к разрушению материи. Светящаяся зона даже своим наименованием говорит о себе, процесс разложения осуществляется постепенно и обеспечивает максимальную светимость, а свет – это тот самый путеводный магнит нити Ариадны».

LS, конечно, прекрасен в своей точности и в категоричной контрастности своего вопрошания...

Следующая точка Фиксации – Храм Святого Андрэ. Здесь главным Опусом становится Вопрошание и Моление Альбертуса Магнуса об успехе сего Пилигримажа и о Передаче Гнозиса, то есть – самая первая Операция.

Потом – Тампль Легиона.

Вопрошание к корню Рыцарства...

Храм Двенадцати Апостолов хотя и профанирован современной отделкой, содержит великолепную статую Архангела Михаила с Фламбергом, Мечом, символизирующем Тайный Огонь в его воздействии на Первоматерию, что также означается Саламандрой.

В качестве развёрнутого энциклопедического объяснения Фламберга, приведём статью с сайта SAYGA12.RU «Фламберг – пламенеющий клинок», ибо, всё равно, коротко, лучше не напишешь:

«Меч символизирует силу, власть, достоинство, лидерство, высшую справедливость, свет, мужество, бдительность. На метафизическом уровне он олицетворяет всепроникающий разум, силу интеллекта, проницательность.

Обоюдоострый меч – важный образ божественной мудрости и правды. В буддизме меч воспринимается как оружие мудрости,

отсекающее невежество. Вишну часто изображали с огненным мечом познания в руках.

Во многих мифологиях меч имеет амбивалентное значение, в котором, в основном, противопоставляется жизнь и смерть. Меч разделяет и отделяет – душу от тела, небо от земли. В некоторых традициях меч служит мостом в другой мир (например, мост Чинват в Древнем Иране).

И в то же время состоящий из лезвия и рукояти, меч является символом соединения, союза, особенно если принимает форму креста. Пожалованием меча сопровождалось принятие в рыцарское братство; положив руку на меч, произносили клятвы, обусловливавшие жизнь или, в случае их нарушения, смерть. Культ меча особенно заметен в японской традиции и у рыцарей Средневековья.

Меч известен как символ жизненной силы и атрибут бога войны. Меч может отождествляться с молнией богов-громовержцев (священный меч Сусаноо, сверкающий меч Яхве, меч-молния Индры, пламенеющий меч Вишну).

Меч облечен магической властью отражать силы тьмы. Часто огромный, изготовленный из небесного огня, он служит оружием богов Солнца и культурных героев, которые с его помощью сражаются с чудовищами (Мардук, разрубающий Тиамат; архангел Михаил, мечом повергающий Люцифера). Меч часто защищает девственницу от хтонического чудовища (Персей и Андромеда, святой Георгий).

При изготовлении этого грозного оружия использовались тайные знания и навыки, благодаря чему мечи наделялись сверхъестественными свойствами. Отсюда и многочисленные легенды о волшебных мечах, таких, как Экскалибур – меч короля Артура.

Меч западного типа, с его прямым лезвием, благодаря своей форме служит мужским, солнечным символом. Восточный меч, будучи изогнутым, представляет собой женское, лунное начало.

В истории существует несколько видов мечей, различных по своему виду и происхождению, но известных практически всем, кто в той или иной степени интересуется историей. Это катана, палаш, шашка, шпага, ятаган и конечно пламенеющий клинок.

Пламенеющий клинок – история появления

Ещё во времена первых крестовых походов рыцари-крестоносцы познакомились с имевшими искривленный клинок образцами оружия Северной Африки и Святой земли – ятаганами. Чуть позже, во время походов Чингиз-хана, в Европу попала и лёгкая монгольская сабля. При этом было отмечено, что искривленные клинки обладают большей поражающей способностью, нежели прямой меч того же веса. Однако широкого распространения в Европе оружие с изогнутым клинком не получило. Мощность удара меча была выше, чем у сабли, а стальной доспех был для лёгких сабель практически непреодолим. А попытки выковать саблю, сравнимую по мощности удара с тяжёлым мечом, успеха не имели – резко снижалась прочность клинка.

Тем не менее, к XIV–XV векам развитие металлургии и параметры рыцарской брони сделали рубящий меч почти бесполезным. К концу XV века появилась мысль вместо единого изогнутого клинка сделать клинок волнового типа, с несколькими изгибами. Однако как полноценное боевое оружие, «пламенеющий меч» или фламберг появился лишь в середине XVI века, в Германии (предположительно – в Южной).

Принцип действия

Основным преимуществом конструкции фламберга в сравнении с обычным мечом являлось существенное уменьшение поражающей поверхности при контакте с мишенью. Таким образом, благодаря тяжести меча и изгибам клинка, значительно усиливался удельный разрушительный эффект на единицу площади – выгнутая кромка имела лучшие рубящие свойства за счет концентрации ударного воздействия клинка. То есть, во фламберге сочетались эффективность кривого меча с привычной для европейцев прямой формой клинка.

Вряд ли многие имеют представление об этом оружии, которое больше похоже на сказочное, созданное фантазией оружейных мастеров, оружие. Клинки этих ножей похожи на языки пламени причудливой формы. Эти ножи называют флабержами или

фламбергами, от слова «flame» – пламя. Пик популярности пламенеющих клинков пришелся на шестнадцатые – семнадцатые столетия. Особенно распространены они были в западной Европе.

В дохристианской эпохе воины отдавали предпочтения именно подобным коротким мечам. Например, немецкие наемники-ландскнехты имели фламберги в качестве подспорья к своим огромным двуручным мечам – эспадонам. Но дело конечно не в изощренной фантазии мастеров оружейников. Подобная искривленная форма клинка имела более высокие рубящие функции, чем у обычных прямых клинков. Они гораздо глубже проникали в рану, за счет остроты в поперечном сечении лезвия клинка и его малом треугольном разрезе. И чем сильнее кривизна клинка, тем сильнее по силе наносился удар. Фламберги по рубящим свойствам мало уступали даже кривым саблям. Фламберг также давал ряд преимуществ в оборонительном положении, поскольку при отражении атаки клинок соперника задерживался на волнах, не опускаясь до перекрестья меча.

В шестнадцатом столетии популярность пламенеющих клинков несколько упала, так как разрубить крепкие доспехи ими практически не реально. Но благодаря изменению острия клинка, которое стало напоминать штыкообразную форму, фламберги вновь стали востребованы. Семнадцатые и восемнадцатые века стали для пламенеющих клинков поворотными. Теперь они были востребованы более для наемных убийц, чем для открытых схваток. Колющий удар фламбергом был довольно опасен, так как рана нанесенная кривым клинком, превышала ширину клинка в несколько раз.

Из-за этого фламберги получили репутацию – негуманного оружия. Но, тем не менее, популярность пламенеющих клинков от этого отнюдь не упала. Наоборот его стремились приобрести в первую очередь, как конные и пешие воины, так и разбойники всех мастей. Массовым оружие не стало только лишь потому, что создавать фламберг гораздо сложнее, чем обычный прямой клинок. Мастера для придания волнистой формы использовали горячую ковку более высококачественной стали, чем, например, которая использовалась для изготовления прямых мечей, сабель или шпаг.

Такая сталь была дороже и имела большую трудоемкость при создании ножа или кривого короткого меча. Высококачественная сталь требовалось для того чтобы прочность кривого клинка оставалась высокой. Настоящий качественный пламенеющий клинок изготовлялся в течение длительного времени, которое исчислялось не неделями и месяцами, а годами.

Но со временем именитые мастера оружейники ушли в прошлое. Массовое изготовление стандартных сабель, шпаг, палашей более не требовало такого качества, которое достигалось годами, именно из-за своей массовой востребованности. С развитием огнестрельного оружия знаменитые пламенеющие клинки стали полным анахронизмом. Вместе с ними в прошлое ушло и мастерство изготовления настоящих качественных клинков».

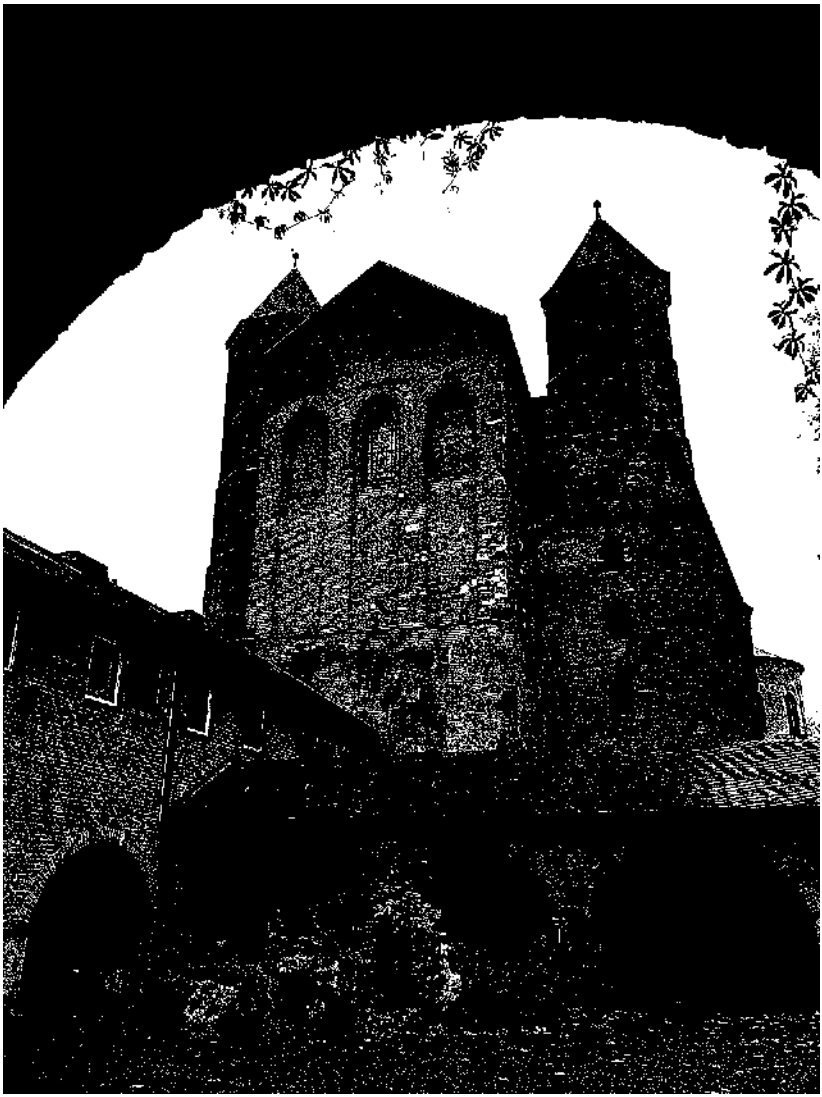
И ещё ряд материалов, уточняющие предыдущие:

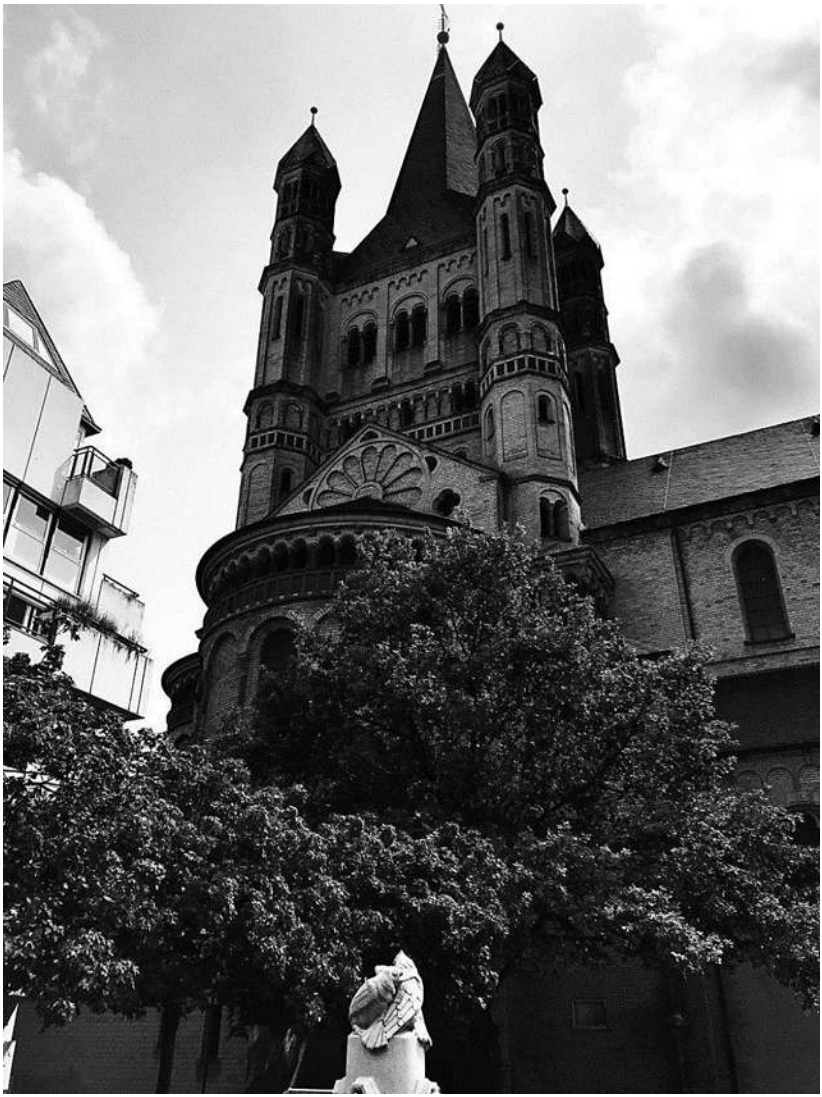
«...В Южной Германии стал популярный фламберг с волнами. Поражение удара стало меньше, это улучшило рубящие качества меча, поражение охватывало не большую область, но результат был успешным. Колющий удар стал опаснее и сильнее, фламбер словно пилил кости и внутренности противника, при этом не имея на своем пути никаких преград, так же с легкостью волнистый меч справлялся со щитами, фламберг создавал впечатление пилы, которая пилила все на своем пути.

(...)

Из-за особой заточки, фламберг наносил такие раны, которые не заживали или приводили к гангрене, он практический убивал противника на смерть. Хозяин такого меча, должен был опасаться плена, фламберг был жестоким и беспощадным оружием, и владельца сразу же, безоговорочно казнили, доставляя ему мучения, за мучения которые мог доставить меч. Не было важно, использовал ли ты его в бою или нет. Католическая церковь, провозгласила это оружие проклятым, и владельцы такого оружия могли не приходить в Католическую церковь. Но все равно были найдены изображения фламберга на католических гравюрах».

(материалы сайта «История Античности и Средневековья»).





Остаётся только добавить: Фламберг напрямую связан с Пламенеющей Готикой, самим принципом организации и выведением Эссенции в форму...

И «S» – главный паттерн Фламберга, точнее, союз «S» и «V», то есть – «V.S.»...

Храм Святого Северина предстал омываемым струями дождя, Лабиринт перед входом блестел созвездиями небольших лужиц: так вода интерпретировала неровности мостовой.

Праздничный светящийся Тампль, древняя мозаика и Распятие на Руне 1350 года... оно парит пред Алтарём.

Дождь идёт весь день. По его нитям, с тверди Небесной, нисходят воспоминания.

Разные...

Благодаря передвижению на машине, мы не слишком мокрые и много успеваем, приходя ещё в Храмы Святого Геро и Куниберта. Они прекрасны своим праздничным творческим Огнём, а Тампль Святого Гереона ещё и связан с Рыцарским Корнем.

Не раз и не два заходит речь о Рыцарстве.

Вот некое обобщающее резюме:

- приблизительно, время зачатия – правление Карла Молота, рождения – Карла Великого;
- Первый серьёзный удар в Рыцарство – 1307–1314 годы, арест Тамплиеров и уничтожение Ордена;
- конец Рыцарства, приблизительно, Битва при Павии, 1525 год;
- расцвет Рыцарства, где-то со взятия Иерусалима (1099 год) до конца правления Людовика Святого (70-е годы тринадцатого века);
- Архэ: Конный Благородный Воин;
- Иерархия: Оммаж, сюзерен-вассал, проведение до самого низа (Феод) Линии Смыла от Бога, через Царя до простого народа;
- Степени Посвящения: Паж, Оруженосец, Рыцарь;
- Геральдика и право на Герб как на Символ личного Опуса, который может стать Магнум;

- Формулы: Свободный странствующий Рыцарь, Рыцарь в цепи Оммажа, Орденский Рыцарь...
- Крестовые Походы: Палестина, Иберия, земли Северных Язычников;
- истоки: Римская Воинская сакральность (Всадники), Митраизм, Христианство, Герметизм и Алхимия, воинский дух Норманнов; оказали влияние во время Крестовых Походов: Ислам и Суфизм, Иудаизм-Каббала, через монголов, возможно, Буддизм и Даосизм (?)...
- Архитектура: Романская и Готическая, а также, подобная им (например, Армянская);
- Раймонд Луллий написал некую результирующую книгу о Сути Рыцарства...

Ближе к середине дня мы попадаем в Храм Пантелеймона-Целителя. Он очень древний, кроме смотрителя, в Тампле – ни души.

Алтарная часть как бы объята пламенеющими камнями Готики, напротив, на Западе, Звезда, выделенная в виде некоего постамента и алтарный Семисвечник...

Опять и снова дождь. Устойчивый дождь. Непрерывный дождь.

Упругие струи...

Земля и Небо сегодня в связи. И единение это – влажное.

Дрожание струн.

Дождь дублирует Храмовую суть.

Вечер приводит нас, уже вторично, к Дому. В Храме очень мало людей, практически, пусто.

Становится, вдруг, ясно: две Башни Фасада – это симметричные Фламберги, так точно передающие суть действия на цель: Небо получает незаживающую рану...

Через эти раны течёт Гнозисом, Кровь:

«(31) Свят еси, бог и отец всего, сущий, прежде начала;

свят еси бог, чьё воление исполняется собственными силами;

свят еси бог, который желает быть познанным и познаётся своими.

свят еси, словом приведший сущее в сочетание между собой;

свят еси, которого не скрыла природа;
свят еси, чьим изображением произросла всякая природа.
свят еси, кто мощнее всякого могущества;
свят еси, превосходящий всякое превосходство;
свят еси, коего недостойны любые похвалы.

Прими словесную жертву, от души и сердца обращённую к тебе, непроговариваемый, неизреченный и описуемый лишь тишиной! /1/.

/1/: Данная формула практически совпадает с неоплатоническими определениями Единого и описанием диалектической способности как «словесной жертвы» (то есть принесения в жертву слов, дискурсивной способности) для достижения того, что в словах (логически) выразить невозможно. Поэтому описывается оно апофатически, а в своей мистической форме – молчанием».

(стр. 47, «Высокий герметизм», перевод и примечания – Л. Ю. Лукомский, «Азбука», 2001).

Остаётся только добавить, что в строчках этой цитаты конкретно запутался Аромат Чёрной Розы.

Где именно?

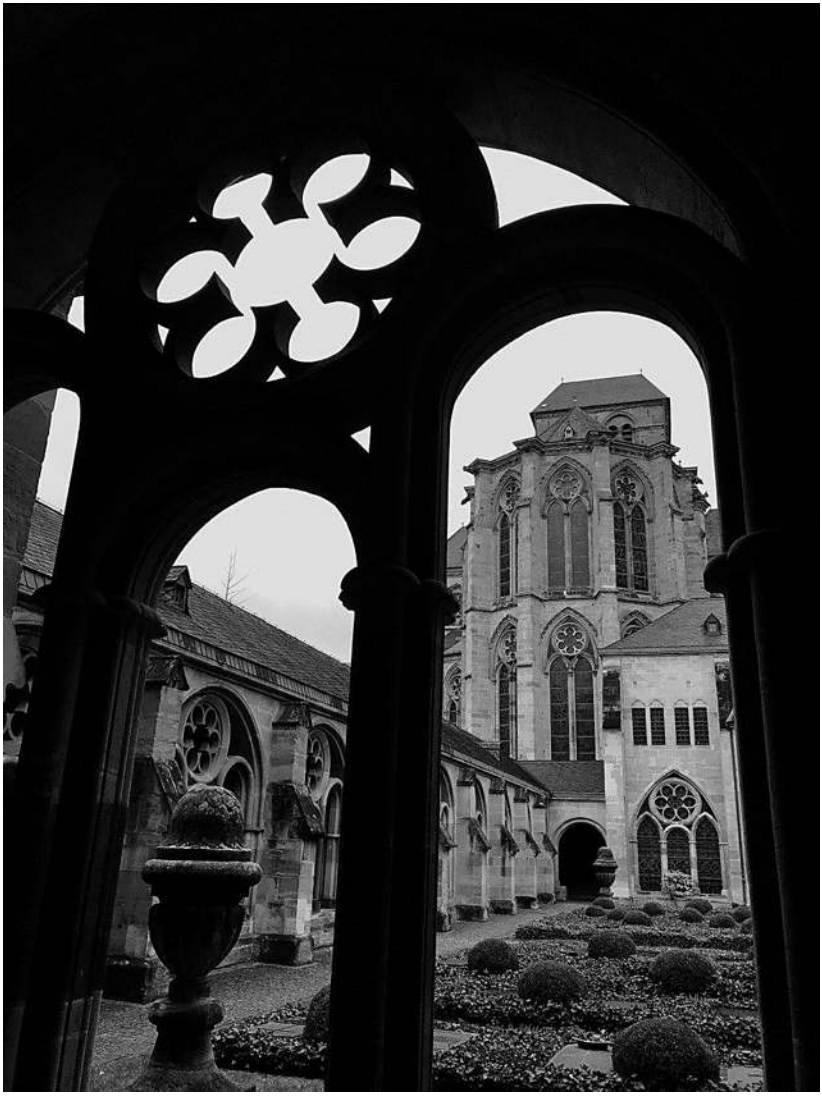
- Твоя задача, читатель, найди.

Дождь так и не прекратился. Он шёл непрерывно с момента приземления нашего самолёта.

Было довольно холодно.

Секущие струи воды никак не превращались в лёгкое парение девственных снежинок.

Кёльн уходил в ночь, омываемый и остужаемый. Фламберги Башен, их вершины, укутала немота густого тумана.



3 ТРИР: РОЗА И КРЕСТ. МЕЦ: ТЕРРИТОРИЯ ЕДИНОРОГА.

«Из Кёльнского Храма идти на войну, в Нотр-Дам-де-Пари возвращаться», – когда-то такие строки проявились во время одной из поездок в Кёльн.

В апреле 2019 года Храм Нашей Девы сожгли. Не полностью, но выгорело само Сердце. Он высечен из Священной Циркуляции.

Возвращаться уже некуда.

Осталось только воевать.

Без надрыва и пафоса.

Спокойно.

Удерживая ум за пределами мира и войны...

Мир не является истинным состоянием, впрочем, как и война.

Поднявшись довольно рано, едем в Трир. Постепенно обочины дороги просветляются лежащим снегом. Местность холмистая. Многочисленные ели припорошены слегка небесной белизной. Настроение мягко поднимается и очищается. Нота праздника, рождественская нота, всё полнее звучит в наших настроениях.

Трир – самый старый город Германии, по крайней мере, таково официальное мнение.

Его сердце составляют три сооружения: Порта Нигра, Базилика Константина и Двойной Собор. Всё это – в объятиях праздничного фахверка.

Около десяти утра, проехав почти двести километров, мы на месте.

Трир встречает лёгким намёком на мороз.

Базилика Константина (её возраст 1700 лет) закрыта на ремонт и мы направляемся к Соборному Комплексу Трира.

Это – совершенно удивительные Храмы и Пространства.

Базовая Формула организована Триадой иерогамии: Собор соответствует Мечу и Кресту, в нём сохраняется Туника Христа; Тампль Девы – это Роза, в ней уравновешены Лепестки и Крест. Клуатр, как раз представляет место Священной встречи и сохра-

няет Нектар Божественного Покоя (Эликсир: Al-Iksir (араб.), означает Истечение Божественного духа, отсюда – французское «Elixir»).

В Клуатре же обнаруживается Печать Розенкрейцеров: Кристиан, Розы и Циркуль, ножками вверх, посередине – Петух...

Трир, город весьма своеобразный, в нём вполне можно жить. Порта Нигра, Чёрные Ворота времён Римской Империи, одноимённым Камнем ломают мостовую аж до магмы и разбрызгивают лаву окрест. Соборная Иерогамия в этот расплав вонзает Крест и на нём расцветают Розы.

Пять.

Мец. Доезжаем сюда около обеда. Быстро поселившись на окраине города, перемещаемся на авто к Катедраль.

Мец...

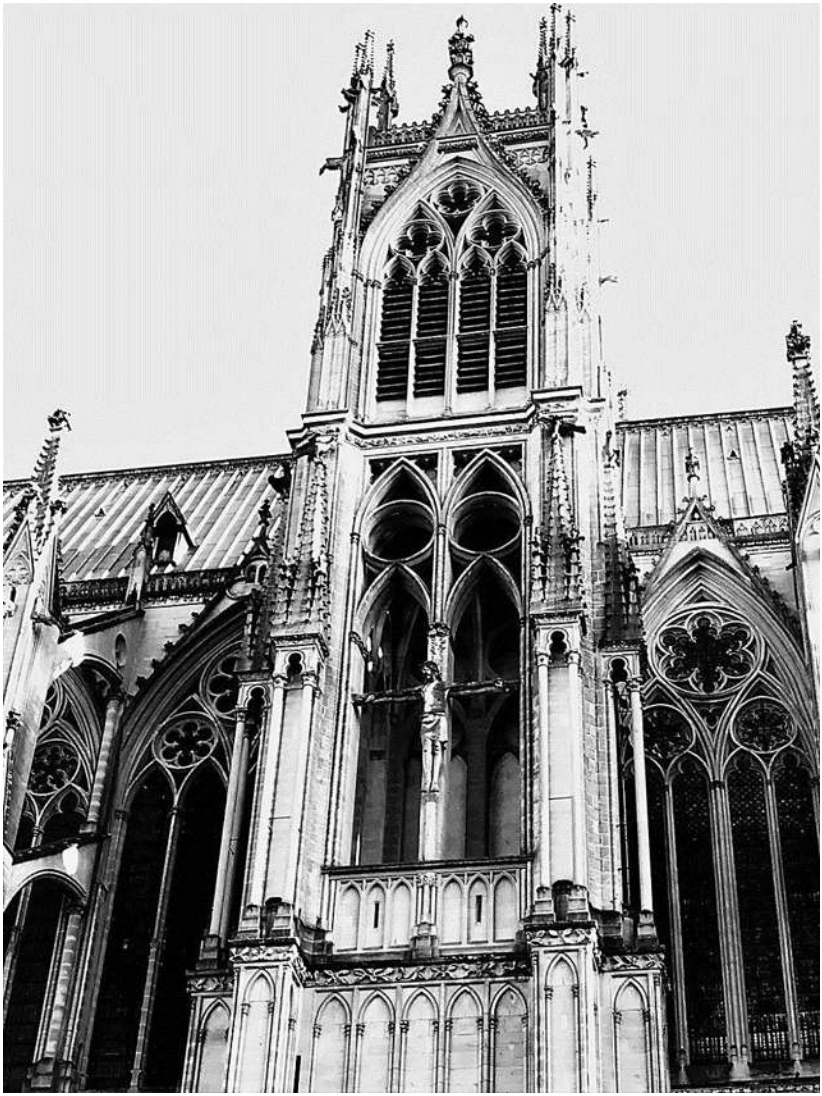
Один из любимейших городов, место Тевтонской твердыни... река, множество Романо-Готических Тамплей, Капелла Тамплиеров, покрученные улочки и настроение глубинной уместности.

Катедраль Меца находится за переделами славословий и ему уже посвящено немало строк в книгах Вечного Сентября. Предмет сегодняшнего пристального внимания – серия фигурок на входе, возможно, символизирующая Великий Опус.

Серий всего две, обе ведут к дверям. Если стоять лицом к ним, то левая последовательность начинается с фигуры Древа с Плодами. Правая – с засохшего Дерева с обнажёнными Корнями. На левом, Корней не видно... Далее, через тринадцать символических Фигур, обе серии, приходят к пятнадцатой – Коронованному Цветку, скорее всего – Лилии (её, иногда, можно осознать, как 1/2 Розы...).

Джон Купер так пишет о Лилии в своей «Энциклопедии символов» и хотя информация сия весьма поверхностна, в ней прочитывается ситуация Белизны:

«Символизирует чистоту, покой, воскресение и царственность. Посвящена всем Богиням Девственницам, Матери, Единому. Кроме того, лилия олицетворяла плодовитость Богини Земли, а впоследствии богов Неба. На Западе лилия имеет ту же символику, что и лотос на Востоке. Несколько лилий на одном стебле означает девственность, возрождение и бессмертие.



В алхимии белая лилия символизирует женский принцип. В христианстве лилия – это чистота и невинность; символ Девы Марии. Прямой стебель лилии олицетворяет ее Божественный ум; ее поникшие листья – скромность; аромат – Божественность; белый цвет – чистоту. Лилия является символом Благовещенья и святых дев, подчеркивая их непорочность. Цветок Востока. Данте назвал ее лилией веры. Лилия, окруженная шипами, означает Непорочное Зачатие, чистоту среди грехов нашего мира. Является эмблемой святых Антония Падуанского, Франциска Ассизского, Казимира, Екатерины Сиенской, Клары, Доминика, Евфинии, Френсиса Ксавьера, Иосифа. В искусстве лилия, изображенная на одной стороне, а меч на другой, означают, соответственно, невинность и вину. У египтян лилия – символ плодородия, однако в этом качестве более часто встречается лотос. В греко-римской мифологии лилия означает чистоту. Лилия выросла из молока Геры и является эмблемой Геры (Юноны) и Дианы как знак девственности. У евреев лилия означает доверие Господу и является эмблемой колена Иуды. В исламской символике лилия может заменяться гиацинтом. В минойской культуре лилия – главный атрибут богини Британмартис. В шумеро-семитской традиции лилия означает плодородие и плодовитость».

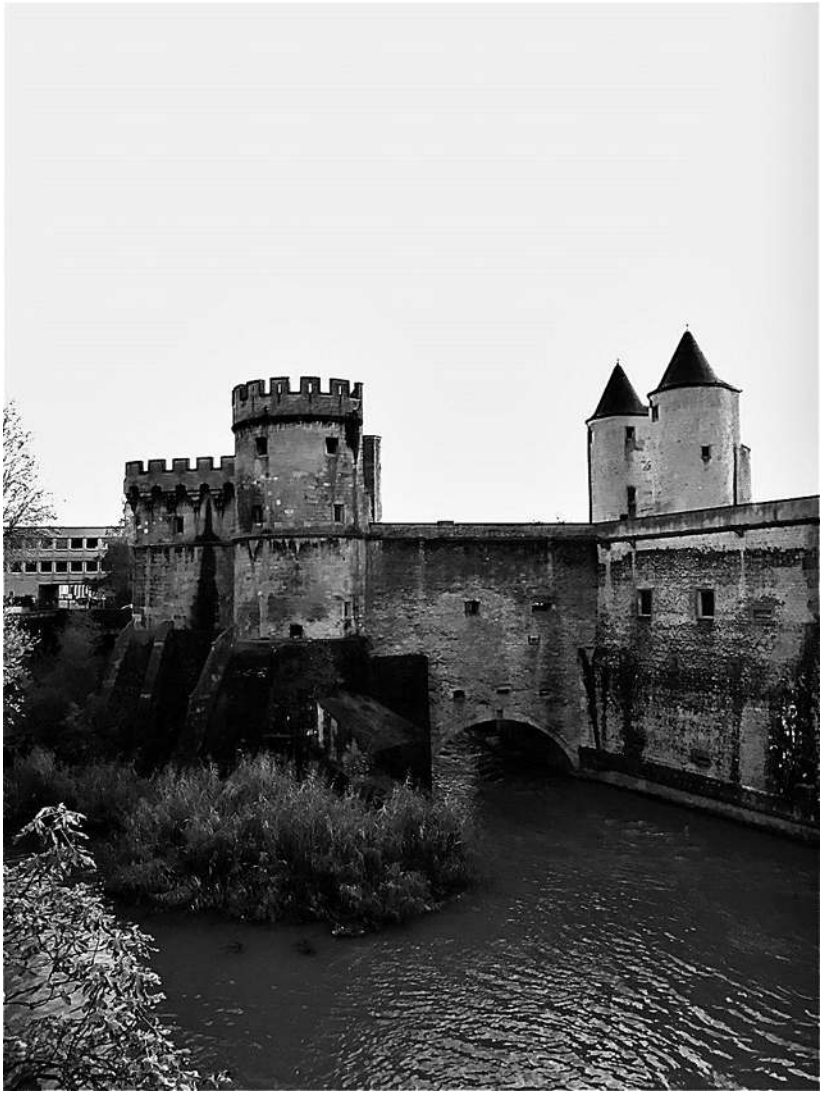
Возможно, вход в главный Храм Меца и пребывание в нём могли проявиться Царскими Одеяниями...

Впрочем, Вы сами имеете возможность попробовать прочитать эти серии: фото предоставлены.

На Северной (близкой к Северу, так как данный Тампль не расположен точно по кардинальному Кресту) стороне, снаружи, Фигура Распятия в атаноре Башни, под этим, в обрамлении входа, весьма интересные медальоны с персонажами Бестиария в том числе...

Мы приходим ещё в два глубоких Тампля Меца. Они оказывают вполне неизгладимое впечатление именно своим результирующим состоянием... так передавая Гнозис. Тевтонская Крепость Немецких Ворот ставит завершающую Печать.

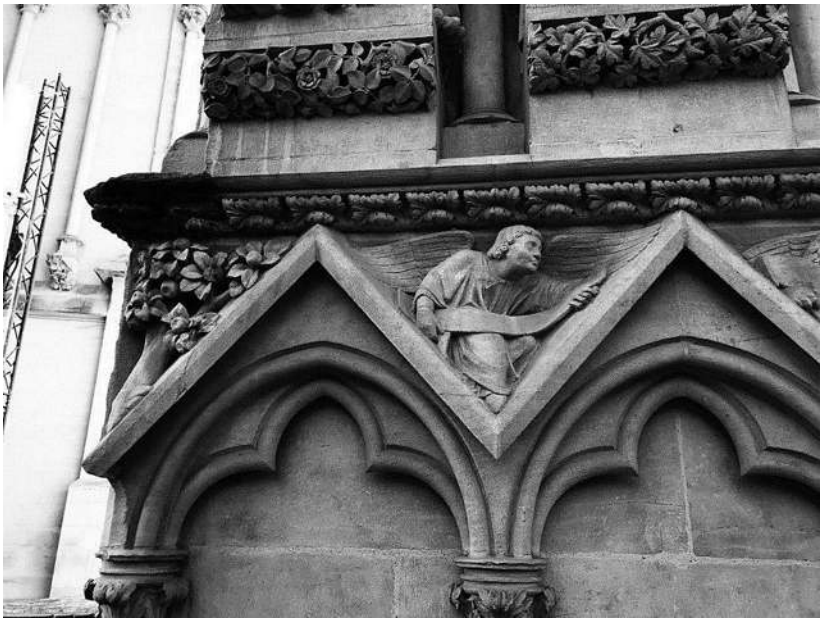
Мец уходит в нектар своего золотого сна.

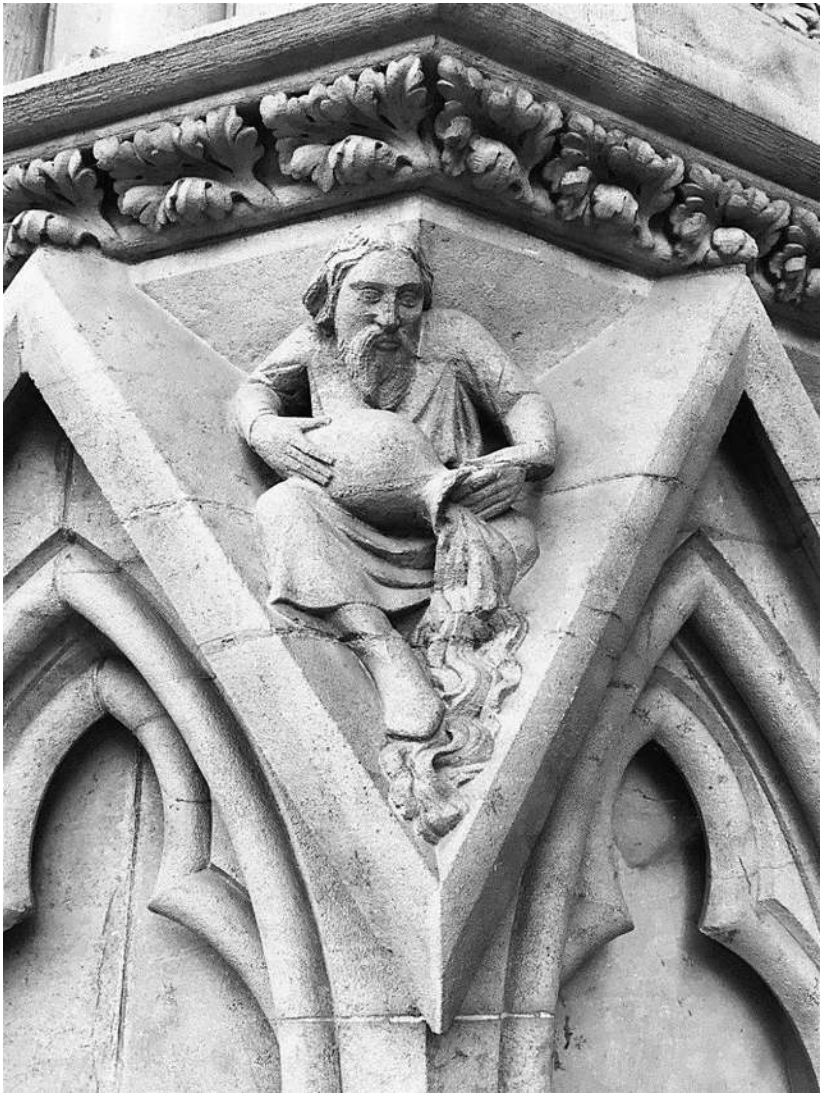


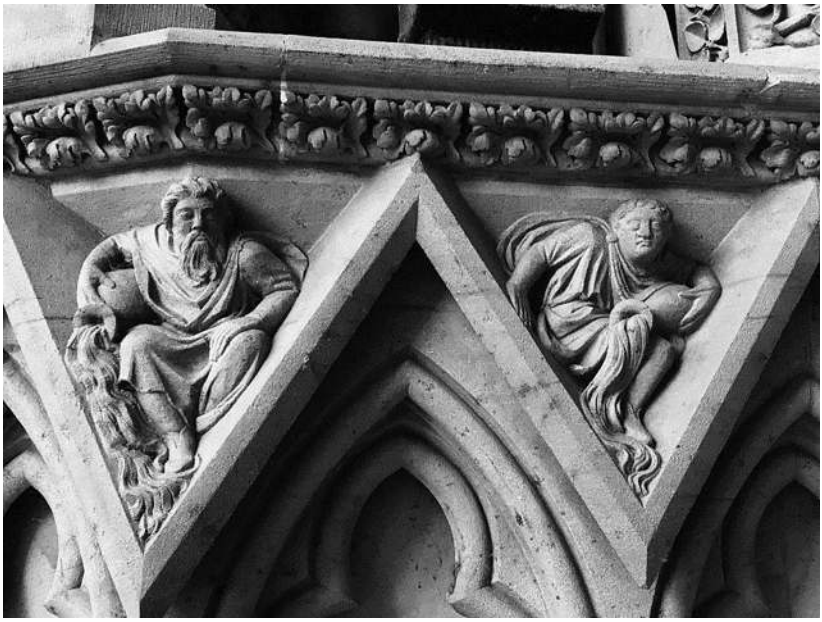
Немного побродив его улицами, ныряем каждый в свои личные узоры. Так распахивается день. Ночь, сгущённой темнотой, в своём трактате о звёздах, рисует очередную иллюминацию сна.

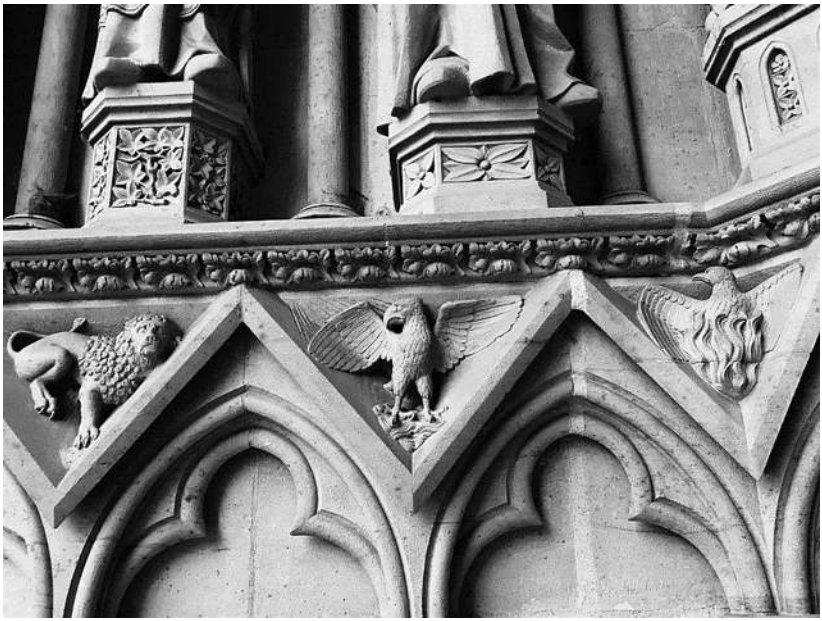
ТАЙНОПИСЬ КАТЕДРАЛЬ МЕЦА.

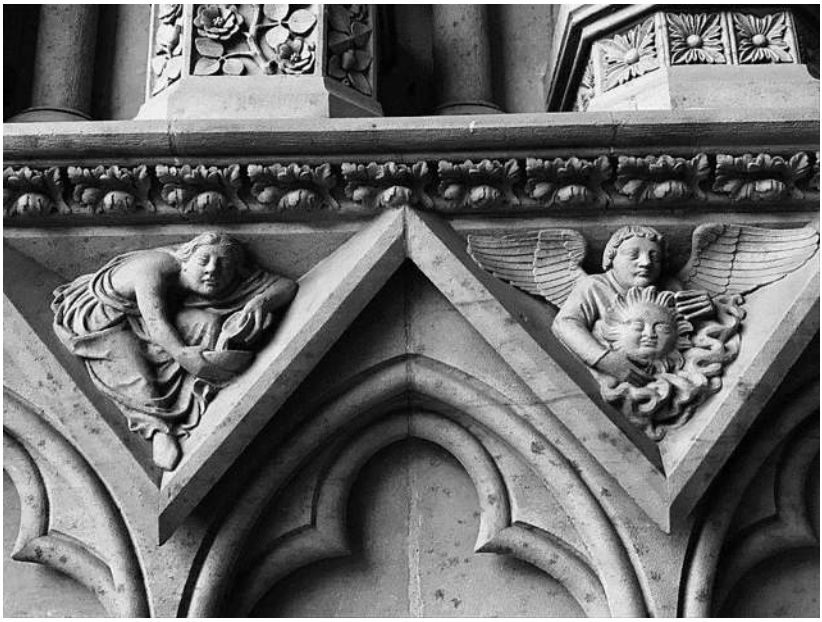
-4-

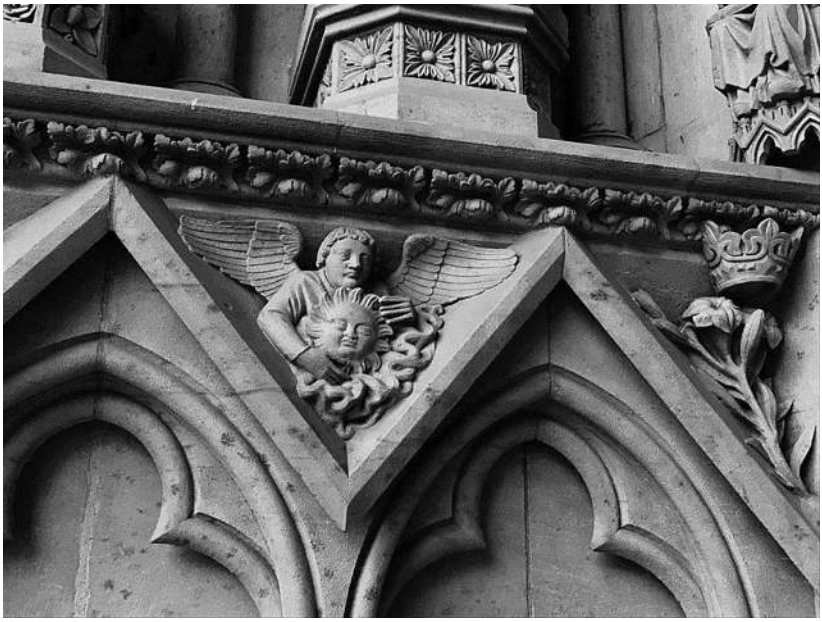


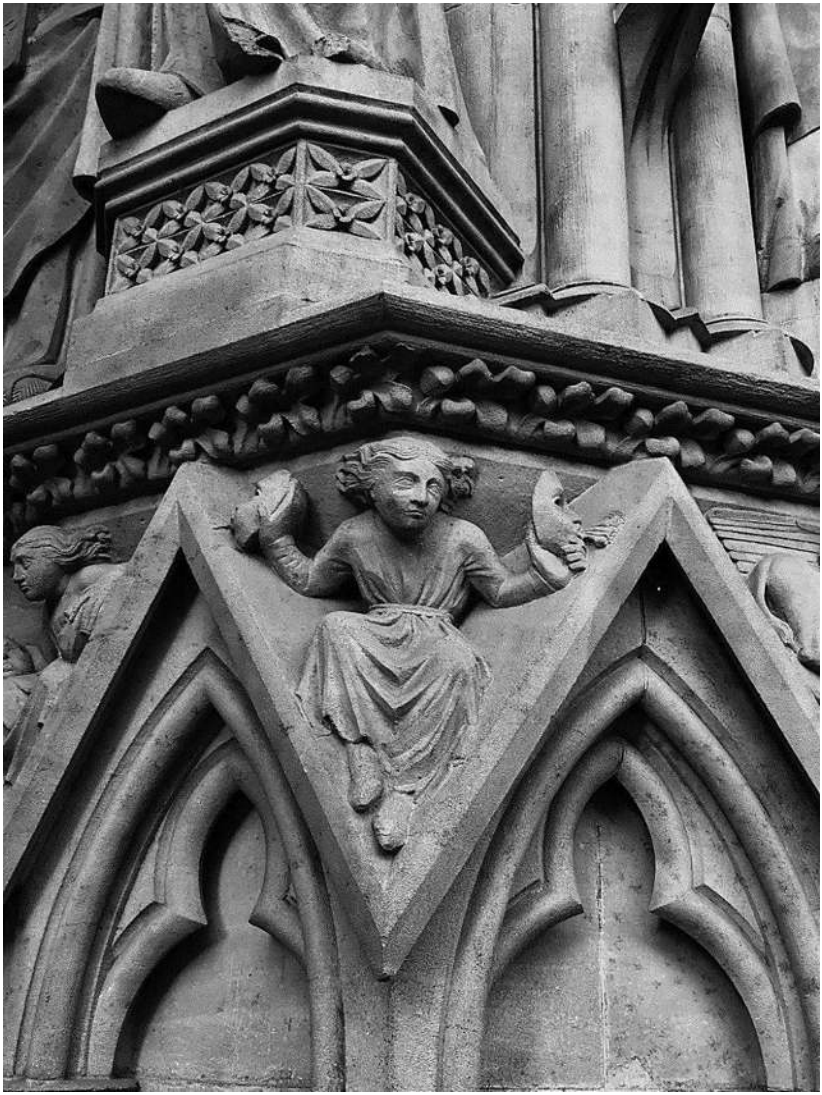


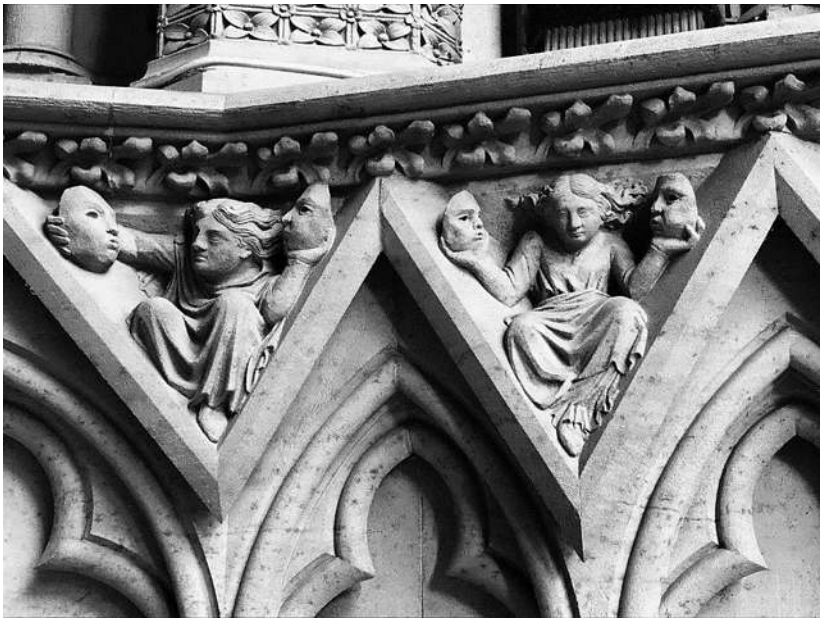


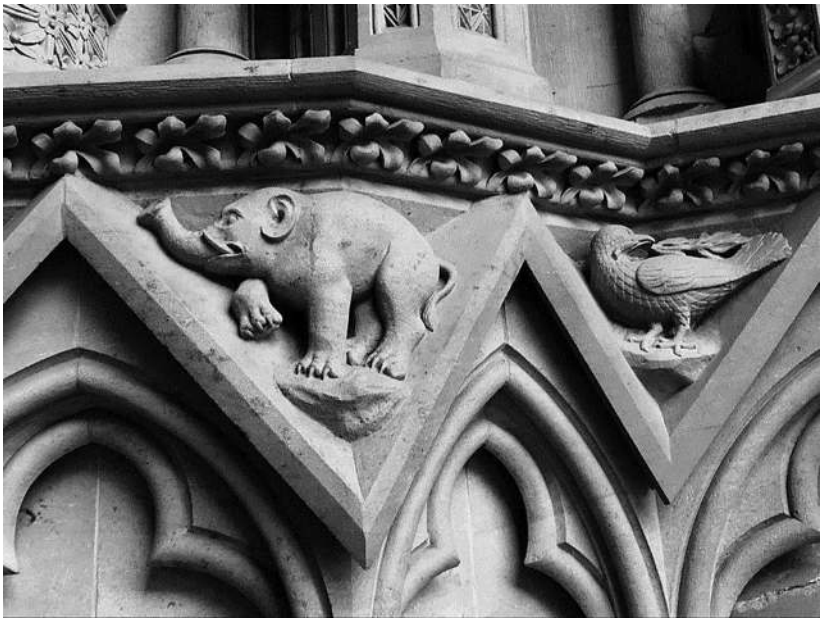


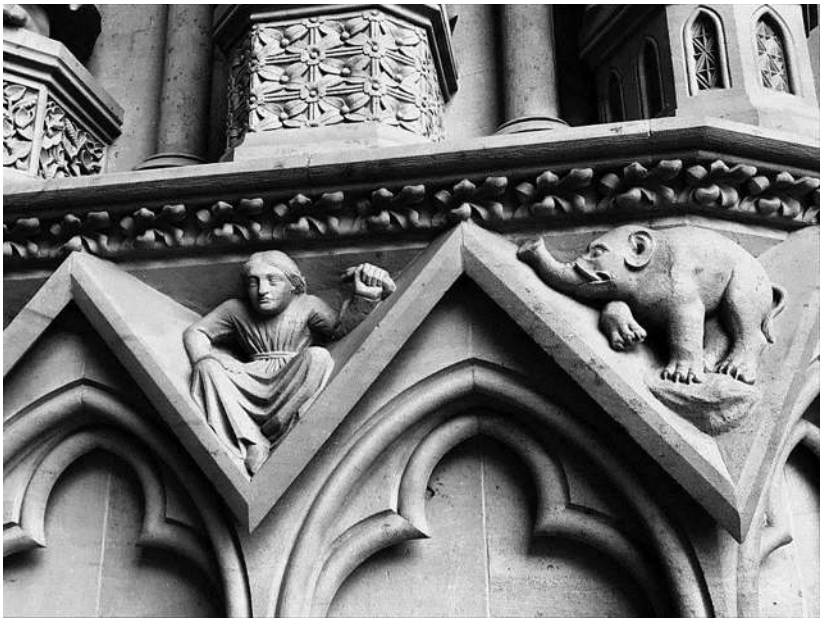


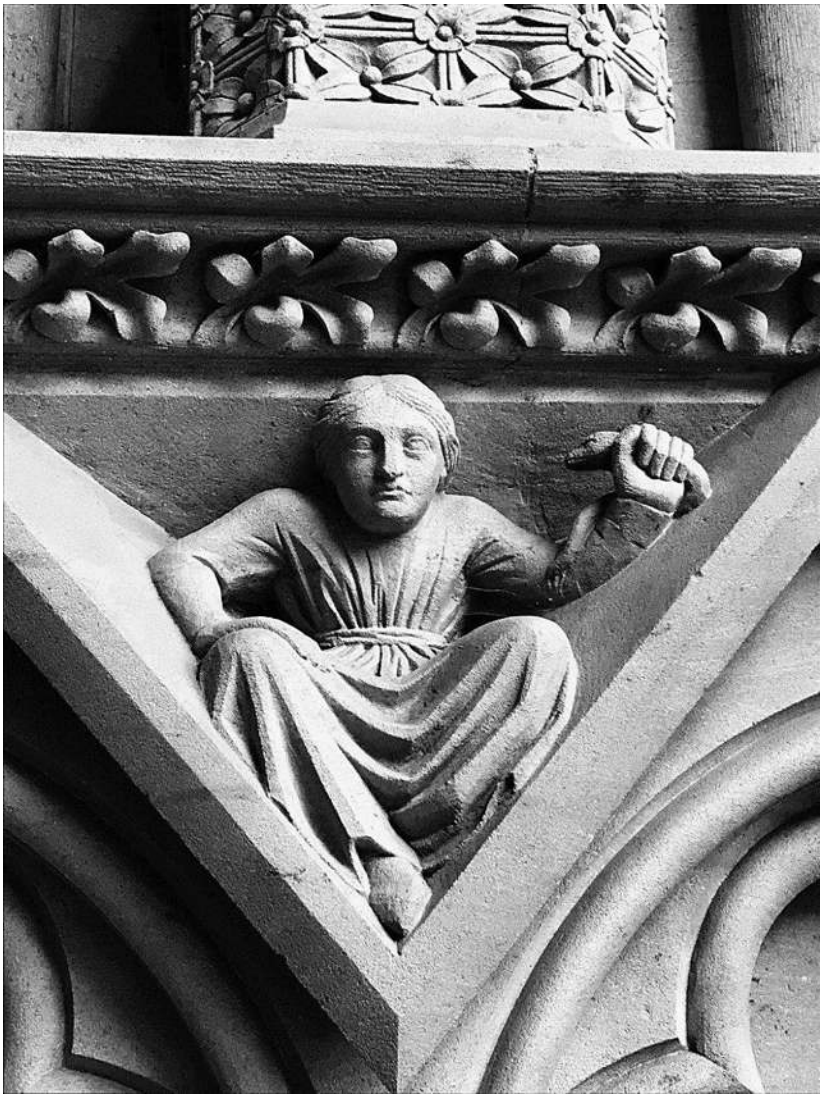


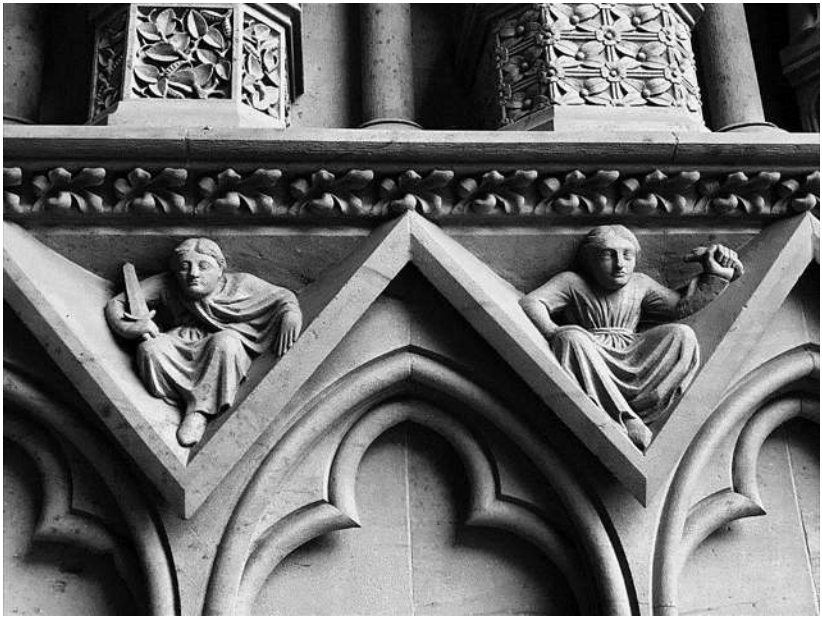


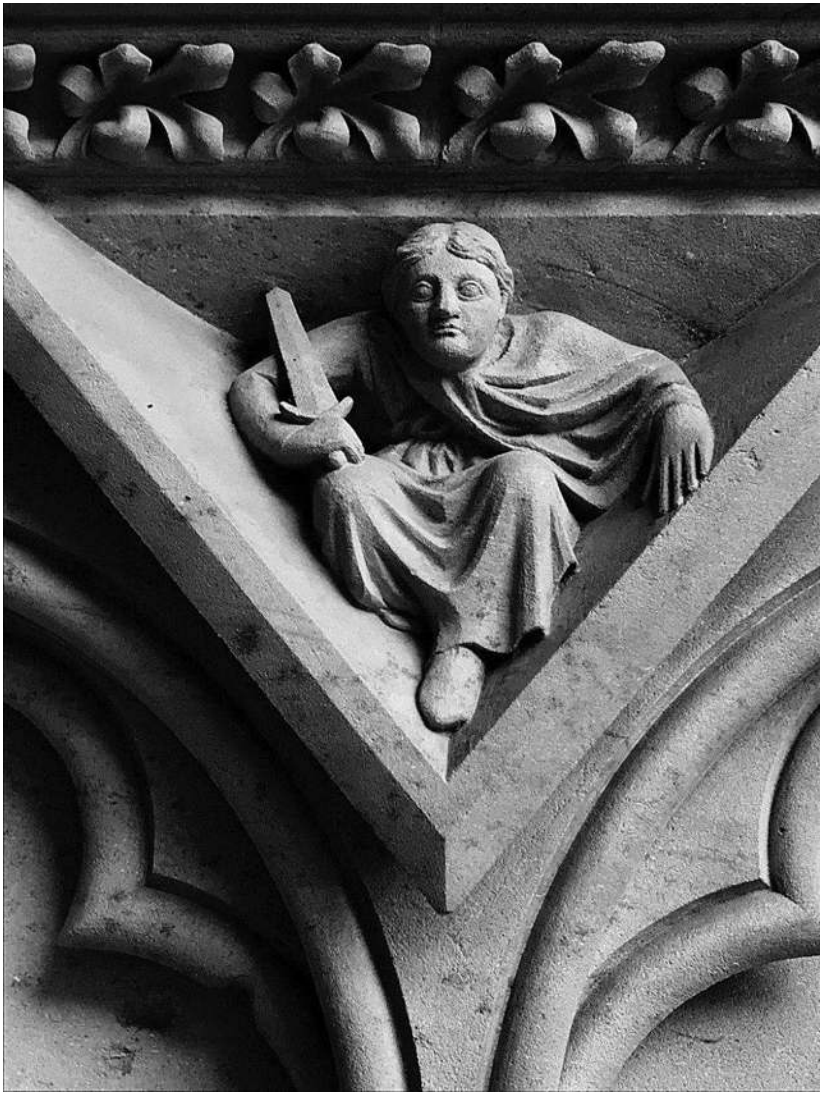


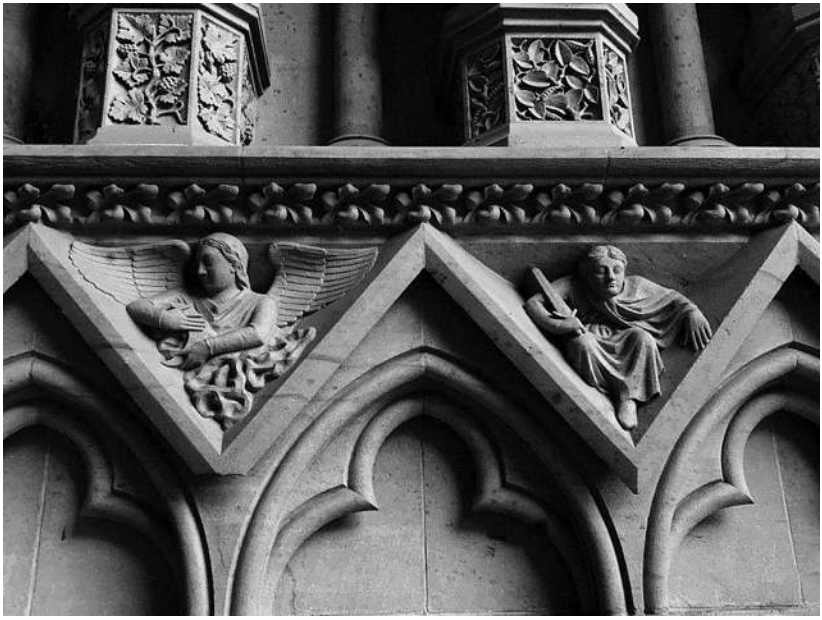


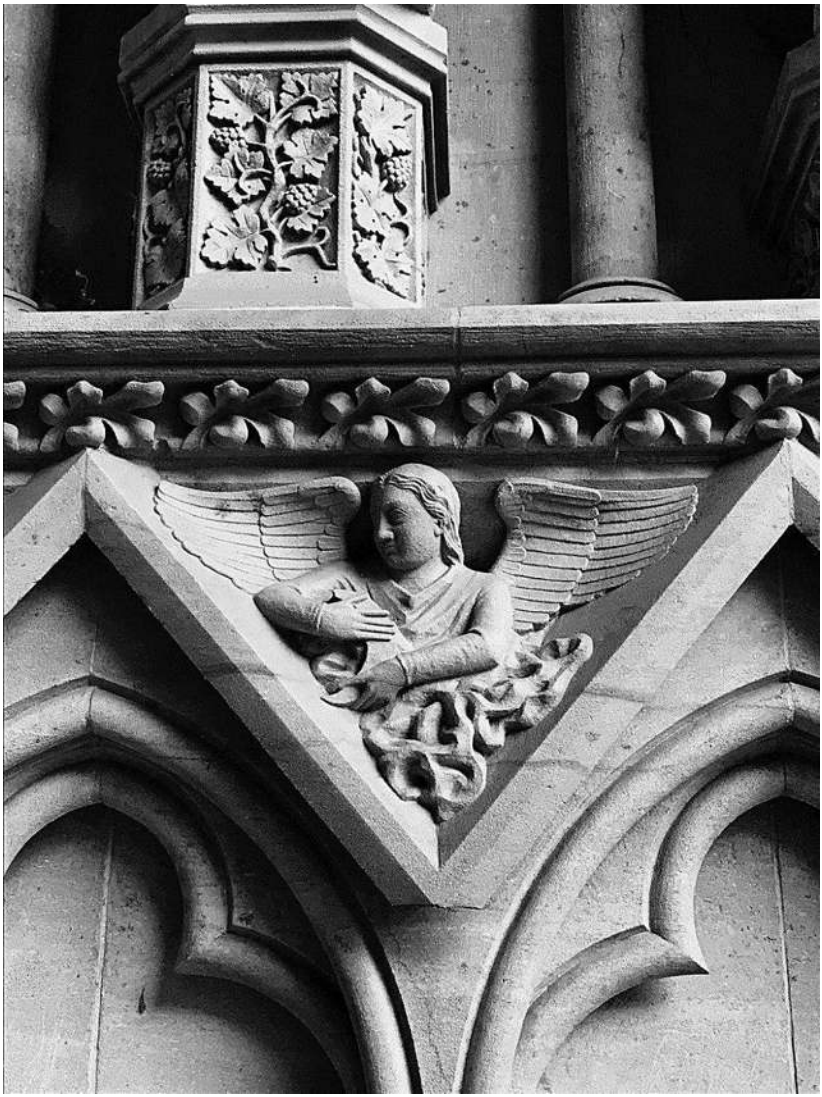


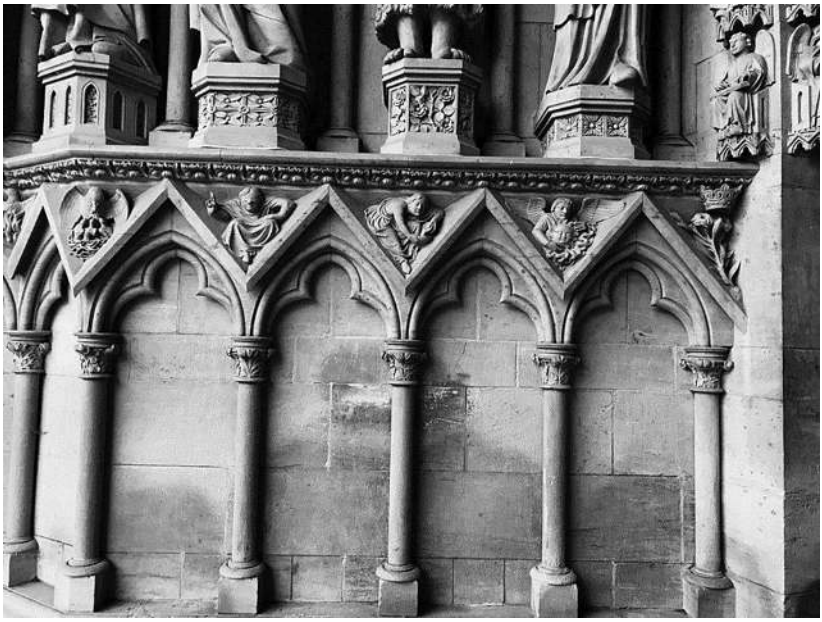


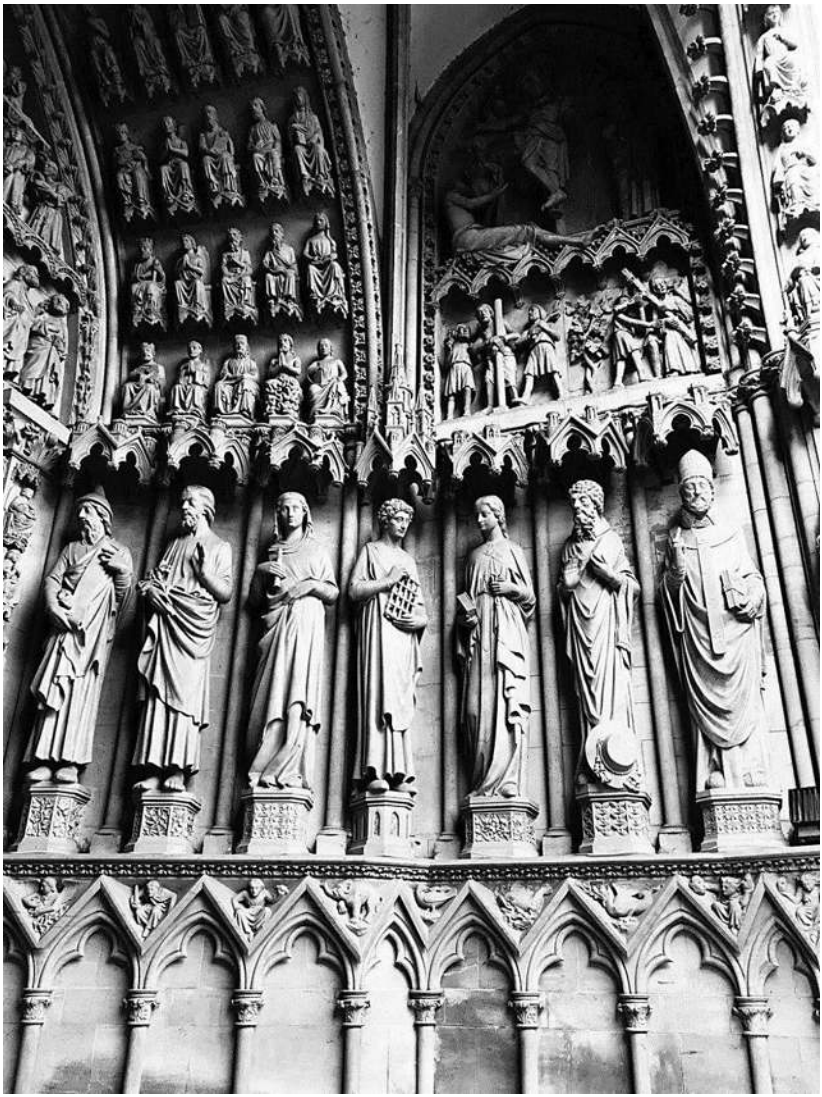


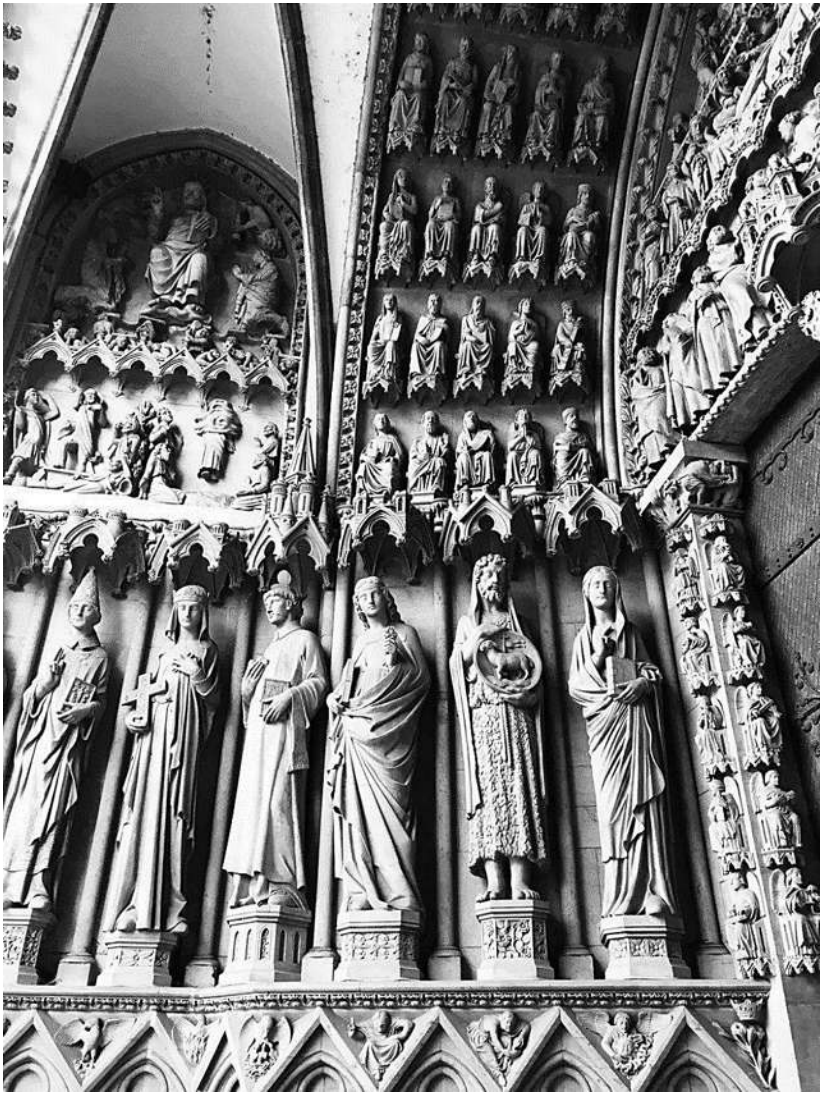


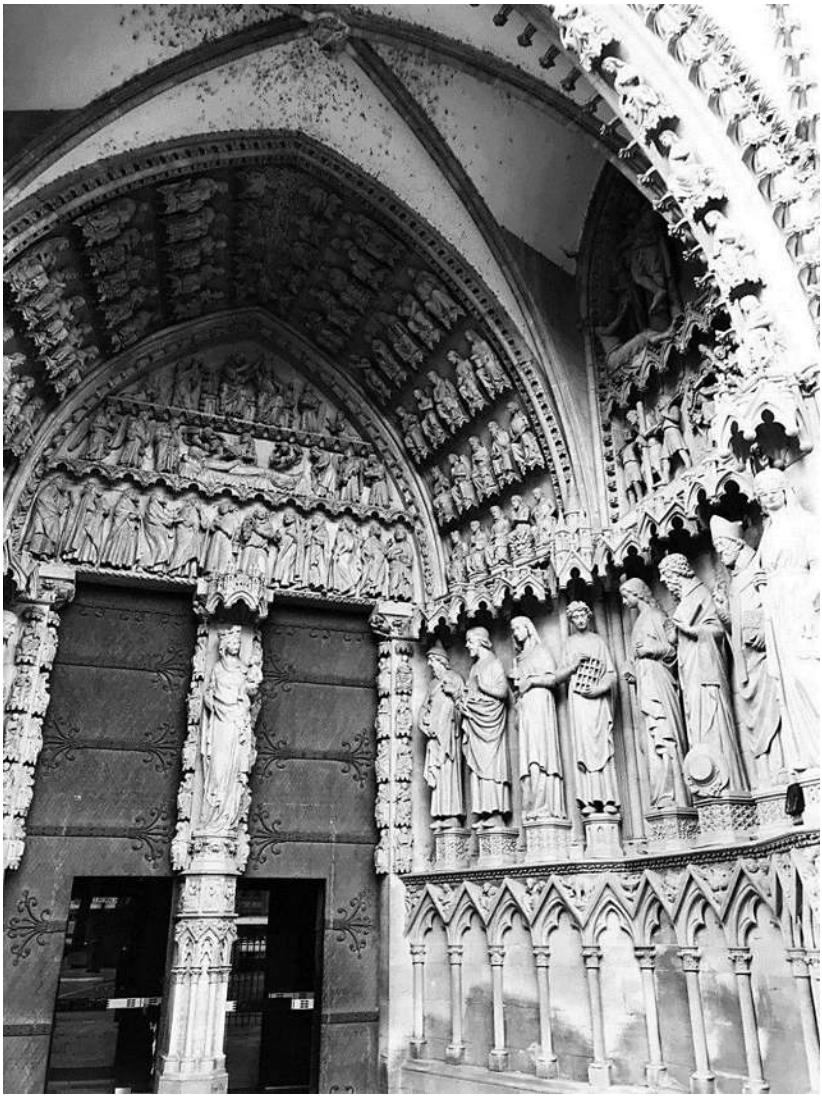












5 ТУЛЬ: МИСТЕРИЯ «Т». РОЗА НА КАМНЕ (Л'ЭПИН). ЦАРСКИЙ АТАНОР РЕЙМСА.

Городок Туль имеет интересный герб: на Червлёном Поле Золотая «Т». Эту Литеру можно узреть и как первую букву названия города, и как след Передачи Тамплиеров, и в качестве «Тау-Креста», также связанного с Храмовниками. О последнем написано в первой книге, посвящённой Камино де Сантьяго, потому здесь не будем об этом распространяться.

Туль тихо висит. Такое впечатление, будто тут никто не то что не работает, но и не живёт.

Прохладно. Серая пустота. Довольно сухо. Замечательная рамка новой картины: мысли и состояния уходят в свой апофатический Ноябрь, голые ветви осевых структур аскетично выделяются на фоне неба сознания.

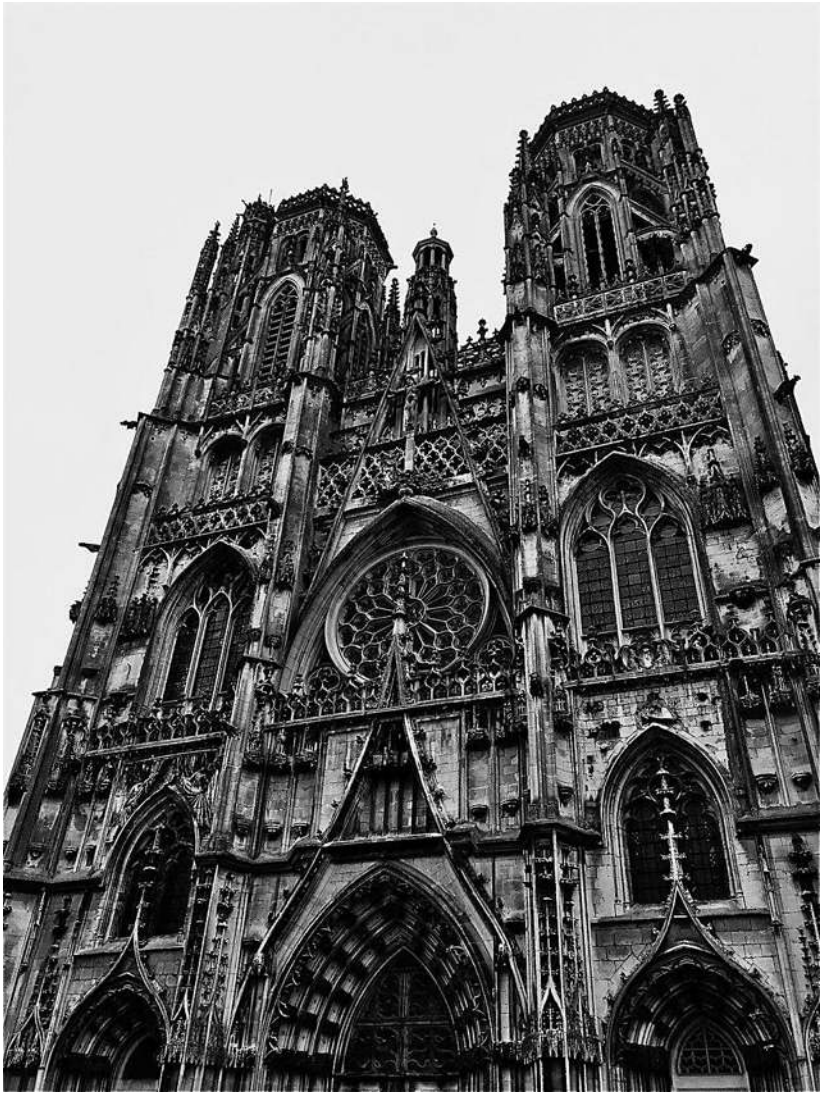
Всё немного заброшенное и как бы испустившее дух. От этого – привольно и хорошо, болезнь активного заработка, похоже, здесь отсутствует, местное население решительно не торопится и категорически не напрягается.

Катедраль Первомартира Стефана резко выпрыгивает из-за поворота. Это классический Готический Собор, по своему типу Фасада, подобный Храмам в Реймсе, Лане и Нотр-Дам-де-Пари. У него симметричные неострые Башни, знак Врат Изиды и двойной Фиксации.

Восходящая Трикута центрального портала зажигает собою Розу и далее, это Пламя передаётся в Треугольник выше, внутри которого – Распятый Христос. Фиксирует сей центральный протуберанец небольшая башенка, так разрешая базовый бинер.

Таким образом, Катедраль Туля, всё-таки отличается от аналогичных Тамплей: его центральный Канал Фасада очень активен и тем сильнее, что зажат с боков главными Башнями. Получается структура, похожая на перевёрнутую «Т».

Потому, позволим себе некоторые выдержки из Википедии (как бы профанно это не выглядело, для наших контекстов, пока достаточно) касательно Тау-Креста:



«Тау-крест или Антониев крест – крест, состоящий из вертикальной перекладины, соединённой верхним торцом с центром перекладины горизонтальной, известен также как Антониевский крест. Это название крест получил в честь основателя христианского монашества Антония Великого, жившего в четвертом веке. Другие названия: крест виселицы (из-за схожести своей формы с конструкцией виселицы тех времён), египетский крест, crux comissa. Название тау-крест получил по имени греческой буквы «тау» или «Т», которая, в свою очередь, берёт своё происхождение от финикийской «так», имеющей Х-образную форму.

(...)

Будучи последней, двадцать второй буквой еврейского алфавита, в Библейские времена буква «тау» («тав») стала означать конец света, а также служила знаком Каина. В иудейской традиции тау-крест наносился израильтянами на дверные косяки в ночь первой еврейской Пасхи в Египте, чтобы защитить свои дома от Ангела Смерти. И, поскольку тау входит в анх, являясь его нижней частью, эта идея, вероятно, была заимствована у египетского обычая отмечать косяки дверей знаком анх – защищающим жизнь символом удачи.

Согласно Ветхому Завету, Моисей воздвиг медного змея в пустыне на тау-кресте. Увековечивающая данное событие скульптура «Посох Моисея», находящаяся на горе Нево в Иордании, имеет форму символа тау, опоясанного змеем.

Тау-крест выступает и в качестве креста-распятия. Большинство исследователей полагает, что именно на таком кресте был распят Иисус Христос, в связи с тем, что тау-крест применялся для пытки и умерщвления в южных и восточных частях Римской Империи. На это прямо указывает так называемое «Послание Варнавы» (начало второго века), а позже Тертуллиан. Изображение распятия на языческой карикатуре, относящейся к III веку и найденной при раскопках Палатинского холма в Риме в 1857 году, имеет также форму буквы «Т».

Символ тау известен как крест святого Антония в Египте (начало IV века) и крест Франциска Ассизского (начало XIII века). Ныне это один из атрибутов францисканского ордена. Иероним Босх изображает Антониевский крест на своем алтарном триптихе «Искушение святого Антония».

(...)

Наряду с анхом, тау-крест был распространенным знаком в Древнем Египте, где обозначал плодородие и жизнь. Наносился

на лоб каждого участника мистерий Митры (бога солнца у зороастрийцев и индийцев).

Тау-крест занимал большое место в религии друидов – такой крест, изготовленный из дубовых веток, либо брёвен, олицетворял друидического бога дерева, известного под именем Ху (Ху Гадерна). Примечательно также, что символом Ху являлся змей, что отсылает к Моисею и Библейскому медному змею.

У языческих германцев и кельтов тау-крест иногда обозначал божественный деревянный молоток или двуглавый молот бога дождя.

В каббалистической трактовке тау имеет значение «небо». Нумерологически представляется числом 400.

Т-символ в Традиционной религии черкесов.

Т-символ является символом Традиционной религии черкесов (адыгов). Его Верхняя горизонтальная черта символизирует самый высший, божественный уровень, который везде и над всем, и над которым нет ничего. Единственная вертикальная черта символизирует Единый Мир.

Упоминание Т-символа как культа Созреша (С. Хотко со ссылкой на Лонгворта и др.) является ошибочным, поскольку символом Созреша является ветвь боярышника с семью ответвлениями, которая устанавливается на праздник Зимнего Солнцестояния, отмечаемый 22 декабря, называемый Дыг'ег'азе (Дыгъэгъазэ), а также Созреш, Сеозерес (Созрэш). Лонгворт же описывает праздник, проводящийся в конце сентября, то есть Тхашхо-гухьаж (Тхьэшхеэгухьэж), когда действительно устанавливается Т-символ.

Жан-Батист Таверньe в своем описании религиозных обрядов Черкесии в XVII в. описывал Т-символ как «крест в форме молотка»: «раз в год в каждом доме делается крест в форме молотка». (Таверньe Ж.-Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет. АБКИЕА. с. 78.)

Джордж Лонгворт в середине XIX века описал Т-символ, установленный в обрядовой роще. (Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Н., – Эль-Фа, 2002. с. 426).

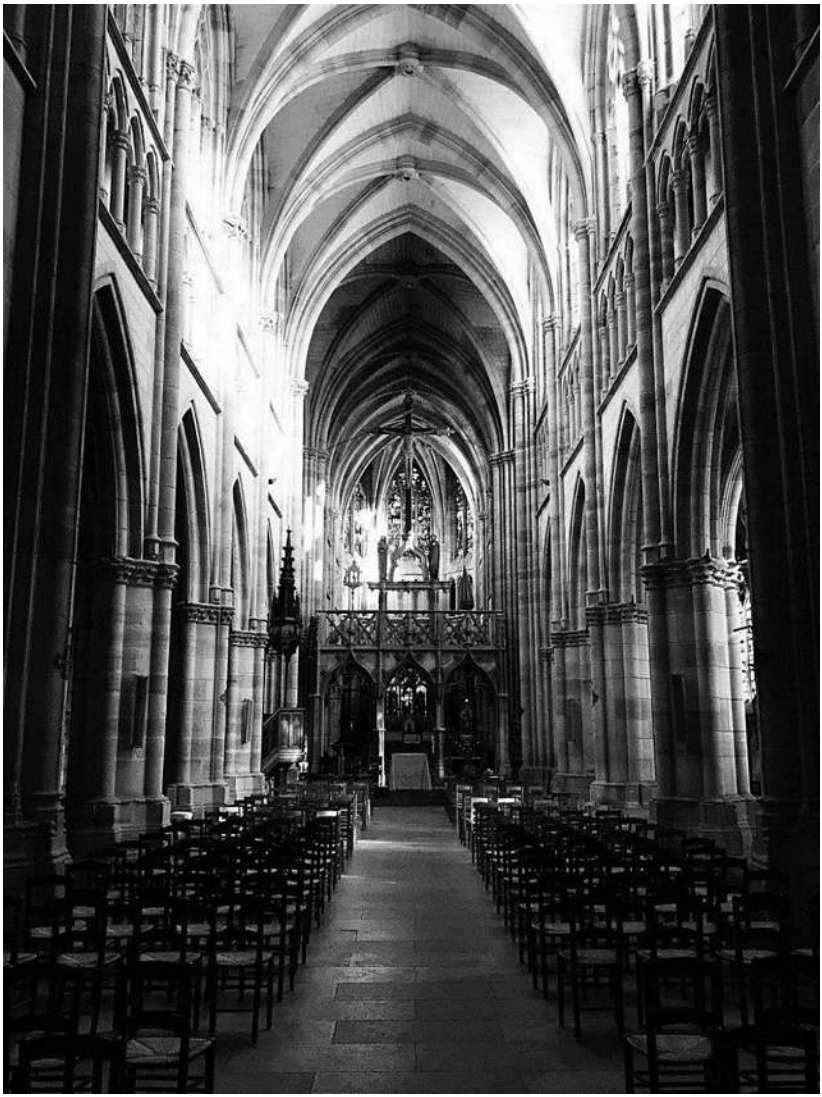
Леонтий Люлье в 40-е годы XIX в. отмечал: «Единственный символ предмета поклонения их есть деревянный крест особой формы, в виде буквы Т, прислоненный к дереву». (Люлье Л. Я. Верования... с. 122).

DE VILLE

ISAAC-ESAV
IACOB
MOYSES-ET-AARON

DEUS

AARON



Итальянский католический монах (XVIII в.) Минай Медичи отмечал: «...В разных местах близ деревьев втыкают деревянные шесты, нечто вроде пастырских жезлов, которые называют тапши... В какой бы нужде они ни были, невозможно, чтобы, не сойдя с лошади и без преклонения, проследовали бы мимо этой тапши, где к тому же, произносят нечто вроде молитвы. Они, по-видимому, всегда просят успеха в своем деле и очень благоговеют пред совершением духовных дел... При всех случаях молятся так: Т'санып у г'семут'о ашнемджыр ц'фыр г'семт'о т'hлкнып, т. е.: «Если ты не дашь нам нашего счастья, никакой человек не может дать нам наше счастье». (А. М. Меликсет-Беков. Pontica Transcaucasica Ethnica, СЭ, № 2, 1950, с. 163–175).

Эдмонд Спенсер (1836 г.) писал: «я наблюдал эмблему, когда проходил через их священные рощи в долине Адлера, более похожую на Т, чем на крест; говорили, что она была чрезвычайно древней». (Спенсер Э. Путешествия в Черкесию, 1839. с. 109)».

(Википедия, статья «Тау-крест»).

Даже из такого поверхностного описания, вдумчивый охотник, может извлечь немало.

Важно: Тау-Крест, ассоциируясь с «Т» из алфавита иврита, соответствует «Омеге». Также, он соотносим с Молотом и здесь мы можем вспомнить не только Тора, но и Карла Мартелла.

Среди Семи Свободных Искусств (выведенных алхимиками из Эликсира), угольник, похожий на «Т», означал Геометрию...

Тау-Крест связан с основателем отшельнического Монашества Антонием Великим (251–357 гг.), известным своей борьбой с сонмами демонов. Не исключено, что Тамплиеры через первую букву своего наречения и собственно Тау-Крест, так связывали себя с его Передачей.

Немного подышав Тулем, едем в Л'Эпин.

Это – Храм, возведённый в формуле Пламенеющей Готики, практически, посредине поля на месте самопроявления некой Святыни: пастухи увидели мерцающий свет в кусте терновника – там оказалась статуя Девы с Младенцем-Христом. Сей Атанор весьма огненный: Башни несимметричные, Южная чуть выше. Сильно акцентирован Треугольник Пламени и это на фоне острых Веж с шпилями.

Словом, Нотр-Дам-де-л'Эпин сдвигает в новую серию активных Операций.

Наша Дева...

Исключительно объёмное понятие. Целая вселенная осознаний.

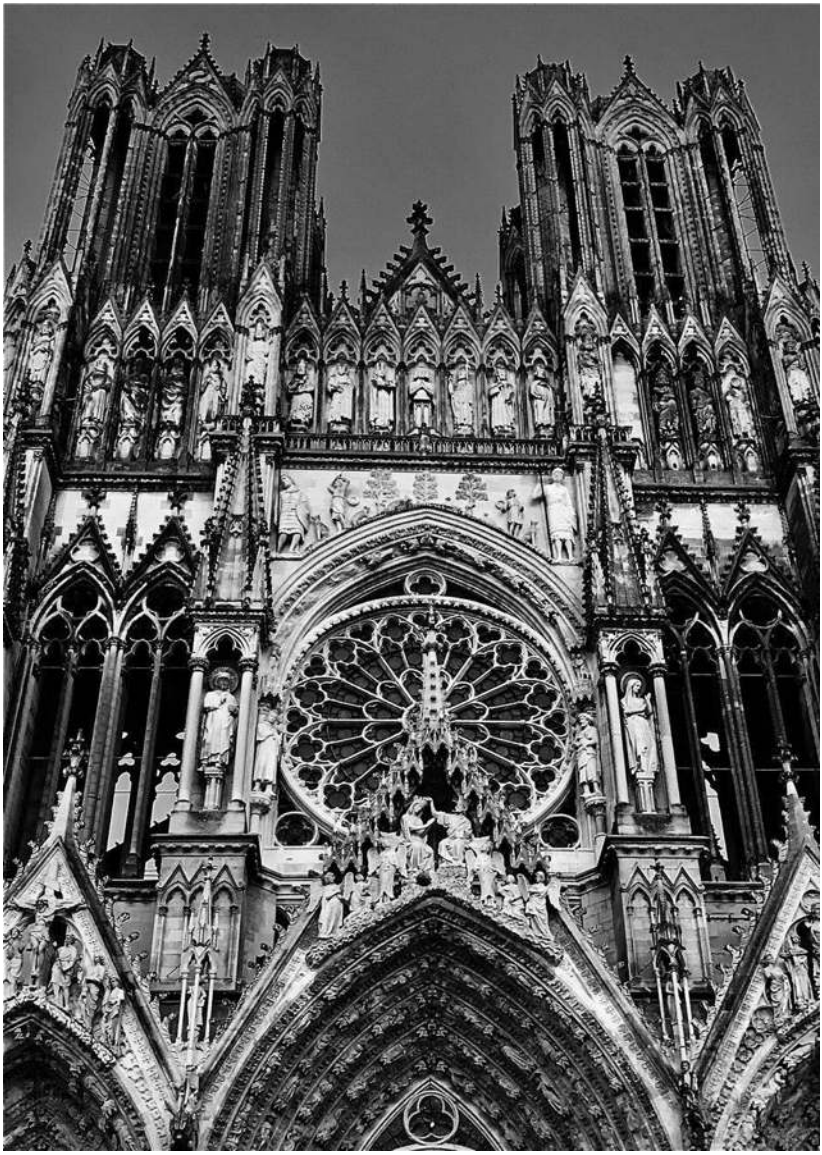
Кибела настолько сильна под небом Луны, что просто её отбросить практически нереально: её следует заменить...

Наша Дева, это и:

- Богоматерь;
- Чистая Сестра;
- Наша Альба;
- Небесная Возлюбленная;
- Звёздная Мать;
- Лёгкая Дочь;
- Бабушка Сияний (Архэ Св. Анна);
- Прозрачно идущая сквозь похоть;
- Хрустальная Возлюбленная;
- Царица снов вне оков;
- Дева активного Воображения;
- Радостная Вода;
- Сокровенный Дождь;
- Искренняя Молитва;
- Нездешняя Мама детей;
- Цветок у Дороги;
- Белая Роза Истинной Девственности;
- Молчащая Трава хрустальных Звёзд;
- конкретное воплощение – Жанна д'Арк;
- Чаша;
- Колодец Молчания;
- Белая Раковина;
- Дама Рыцаря;
- ...

Даже, кольчуга и латы имеют отношение к Деве.

Нотр-Дамы конкретно и сильно связаны с Францией, так сказать – местная тема, как транзитная форма Кибелы, Мелюзина.



Последнюю, вполне возможно и возгонять, и окрашивать, что практически нереально с Великой Ма. Эти Пространства и Печи Девы (заметим, именно Нашей, а не их) соединяясь как бы с первоматерией Мелюзины, задают возможности амплитуд Освобождения, вплоть до Опусов объединения с Истиной. С этим связаны и Чёрные Девы. Сама Франция когда-то была неким Соборным Нотр-Дам.

В связи с таким раскладом совсем по-иному предстаёт в понимании Сожжение Нотр-Дам-де-Пари: у него вырвано Сердце, а Кибела хладно взирает на это с фасада ментовки напротив...

Реймс.

Город Коронаций.

Здесь Центральный Канал Смысла натянут между Собором и Базиликой Святого Ремигия, в последней, когда-то, сохранялась Священная Стеклянница. Вот серия выдержек из Википедии, касательно упомянутого сакрального артефакта, для начала, их вполне достаточно:

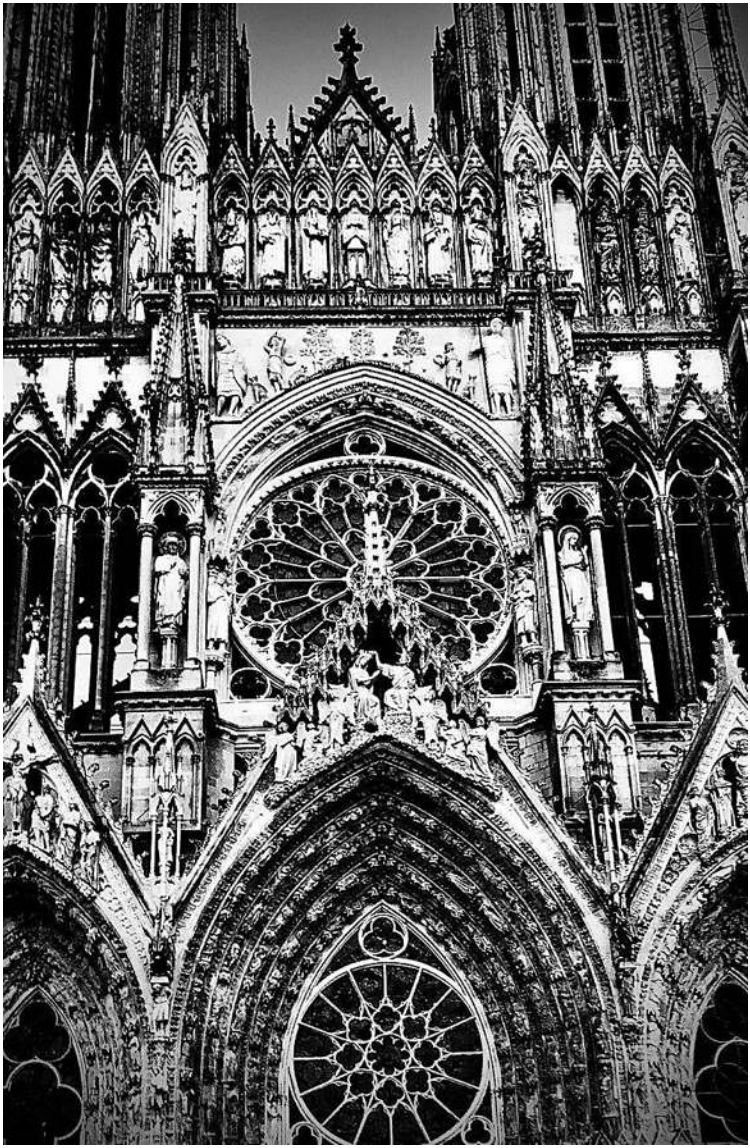
«Согласно архиепископу Реймса Гинкмару (около 806–882), ангел, в образе голубя, принёс этот сосуд Ремигию из Реймса, будущему святому Ремигию, чтобы помазать лоб Хлодвига при его крещении.

(...)

Прежний ковчежец, в котором хранилась Святая Стеклянница, покидал стены аббатства святого Ремигия в Реймсе только в дни коронации. Единственное исключение было сделано по воле Людовика Одиннадцатого, пожелавшего иметь его рядом с собой на смертном одре. И это был единственный случай, когда стеклянница покидала стены аббатства для иной, чем коронация, цели.

Замковый камень к гробнице святого Ремигия, где хранилась стеклянница, находился в келье аббата; только он открывал и закрывал вход туда.

Право нести Святую Стеклянницу в ходе церемонии коронации Короля Франции принадлежало епископам Лана, герцогам и пэрам королевства. Жители городка, который в наше время носит имя Ле Шен, имели привилегию сопровождать Святую Стеклянницу во время церемонии коронации поскольку, по одним данным, в давние времена они были вассалами святого Ремигия, а



по другим данным, сумели защитить реликвию в войне с англичанами.

(...)

Стеклянница была разбита 7 октября 1793 года в эпоху французской Революции членом Национального конвента Филиппом Рюлем при большом скоплении народа на площади Руаяль в Реймсе. Украшавшая эту площадь статуя Людовика Пятнадцатого в те дни была уже демонтирована и подготовлена к отправке на переплавку в артиллерийские орудия. Именно о пьедестал этой статуи революционеры разбили Стеклянницу, а оставшиеся осколки, в качестве доказательства, были отправлены в Париж.

(...)

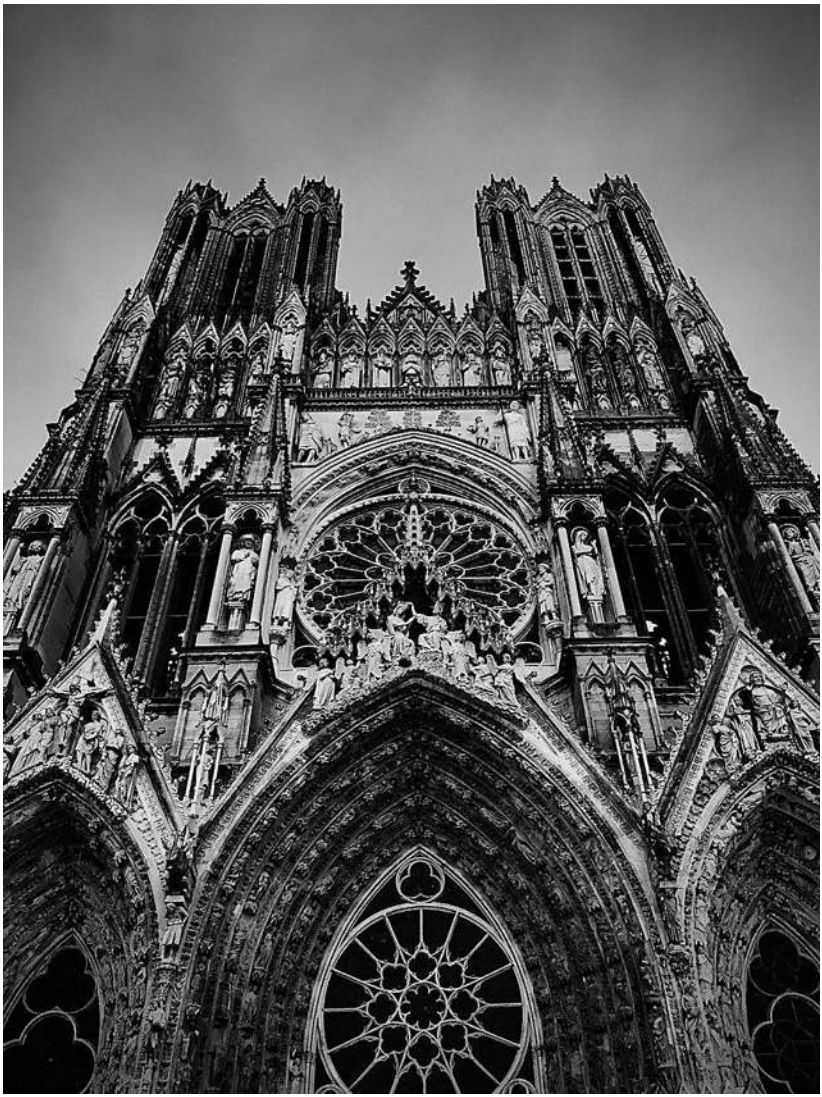
... по его словам из старинной рукописи о принесении святой ампулы белым голубем в минуту крещения Хлодвига, когда святой Ремигий был в затруднении, потому что прислужник, державший сосуд с миро, был оттёрт толпой. Аймоин из Флери в десятом веке уже прямо писал, что ампулу принёс св. Дух в образе голубя. Гийом Бретонец в XIII веке рассказывал, как дьявол намеревался погубить душу Хлодвига грехом нетерпения, и поручил ангелу принести ампулу. В обряд коронации государей Франции католическая церковь внесла молитвы и гимны, относящиеся к тому чудесному событию, и реймское духовенство хранило святыню.

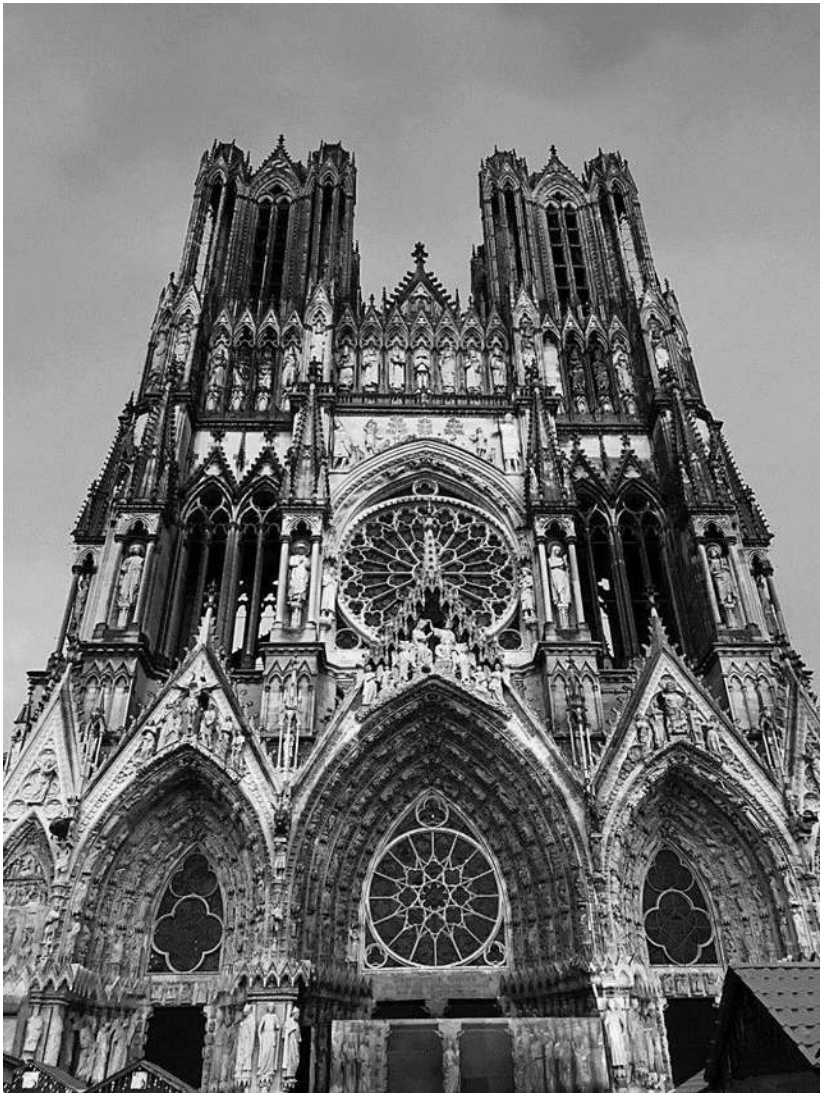
(...)

Был образован рыцарский орден кавалеров, а позже, «баронов Святой Стеклянницы» (L'ordre de la Sainte Ampoule). В ходе церемонии коронации короля Франции, роль кавалеров (или баронов) ордена Святой Стеклянницы заключалась именно в проносе серебряного балдахина в кафедральном соборе над настоятелем аббатства Реймса, нёсшего Святую Стеклянницу. Они носили на чёрной ленте золотой крест с четырьмя лилиями, к которому было привешено изображение голубя с бутылочкой в клюве. На обороте находилось изображение аббатства Святого Ремигия. Основателем этого ордена считался Хлодвиг.

(...)

«Заложниками Святой Стеклянницы» именовались четыре владетельных господина, уполномоченных сопровождать стеклянницу на пути из базилики Святого Ремигия в кафедральный собор. Эти «заложники» (фр. otage) в ходе сопровождения Святой Стеклянницы неотлучно находились рядом с ней, и их миссия состояла в защите святой реликвии даже ценою своей жизни.





Согласно ритуальной церемонии, четыре «заложника», каждый в сопровождении личного берейтора, въезжали верхом в кафедральный собор, располагаясь по четырём углам серебряного балдахина, прикрывавшего настоятеля аббатства Святого Ремигия, который несли кавалеры ордена Святой Стеклянницы. Затем эта группа, сохраняя всю возможную величественность, следовала от больших врат собора к алтарю, где аббат вручал Святую Стеклянницу архиепископу. После этого заложники Святой Стеклянницы располагались в четырёх ближайших креслах со спинками, присутствуя на церемонии коронации».

(Википедия, статья «Святая стеклянница»).

Таким образом, Священная Стеклянница была эссенциальной эманацией Пресвятого Грааля и два главных Храма Реймса, как Царь и Царица, были формой удержания Передачи Чаши Грааля и динамикой трансляции Окрашивания будущего Царя, введением его в Чертоги...

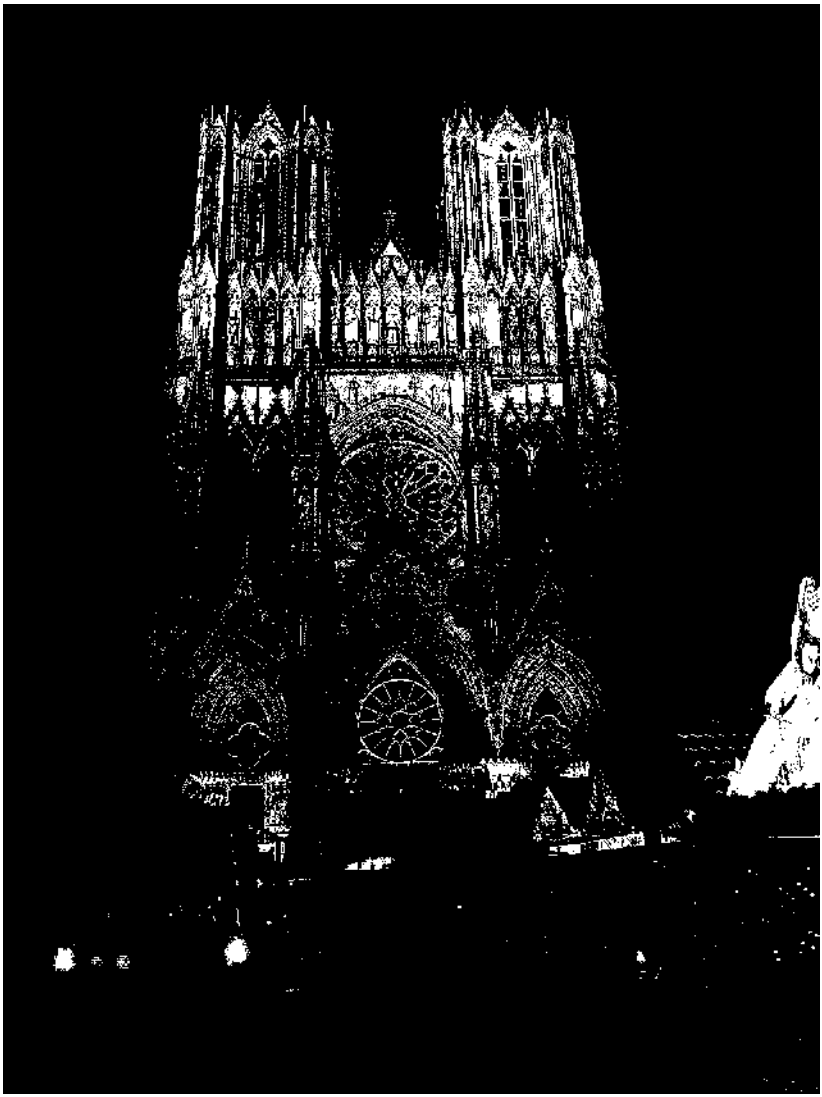
Прибыв в Реймс, мы сразу направились в Базилику Святого Ремигия и вообще, логичнее начинать Пилигримаж сюда именно с неё, лишь потом совершая прихождение в Собор.

Очень точно и тщательно совершён Ритуал Трёх Проходов...

Собор Коронации Царей.

Серебряное величие, содержащее в своём Сердце золотое Сияние Истины.

Печать дня сего.



6 ПЬЕРФОН: КАМЕНЬ ВИОЛЛЕ-ЛЕ-ДЮКА. ЛАБИРИНТ СЕН-КАНТЕНА.

Пьерфон представляет собой некое завещание гениального реставратора и, возможно, алхимика. Этот Замок – озеро, куда собирались реки основных Линий Передач Средневековья. Пьерфон, вероятнее всего, как и вся деятельность платоника Виоллеле-Дюка, являлась попыткой что-то собрать и спасти уже после ужаса Революции.

Впрочем, сделаем небольшую паузу и вернёмся к нашим «Тевтонским Таблицам» LS:

«ТАБЛИЦА ЧЕТВЁРТАЯ:

Начну с цитаты Э. Канселье, которую он приводит при повествовании о Сирано де Бержераке: «Истина всегда разнообразными и неведомыми путями все равно проникает к людям и властно навязывает Себя, пусть даже и через балаганное и шумное оживление толпы; это происходит тайно и трепетно, когда сокрытое дыхание возгревает теплоту плодотворных идей». Интересное описание трещин между мирами, в которые прорастает семя Истины.

Сомнения – верный спутник в поисках пути. А возможен ли он? Вёдра жизни у всех дырявые по-своему, но дырявые. Остается просто искать и даже не надеяться найти. Пока не иссохла жизнь. Горы книг, которые руки с жадностью загребают к себе, будто это спасательный плот. Ни одна из них не дает полноты и ясности. Немое вопрошание. Каждый раз, приступая к письму, складываю мозаику из книг. Недостаточно, мало одной, двух, даже сложно сказать, сколько достаточно, разноцветные осколки сливаются в причудливый узор. Увижу ли что-то сквозь него? Нахожу строки у Джаммарии: «Поскольку герметико-алхимическое знание является жизнью проживаемой, становится понятен алхимический императив rumpite libros (порвите книги), что можно перевести как «через книги», ибо в процессе алхимической трансмутации книги действительно читают и перечитывают, и перечитывать их следует, связывая каждую с остальными, ибо liber aperitlibrum (книга открывает (т. е. поясняет) книгу)». И еще:

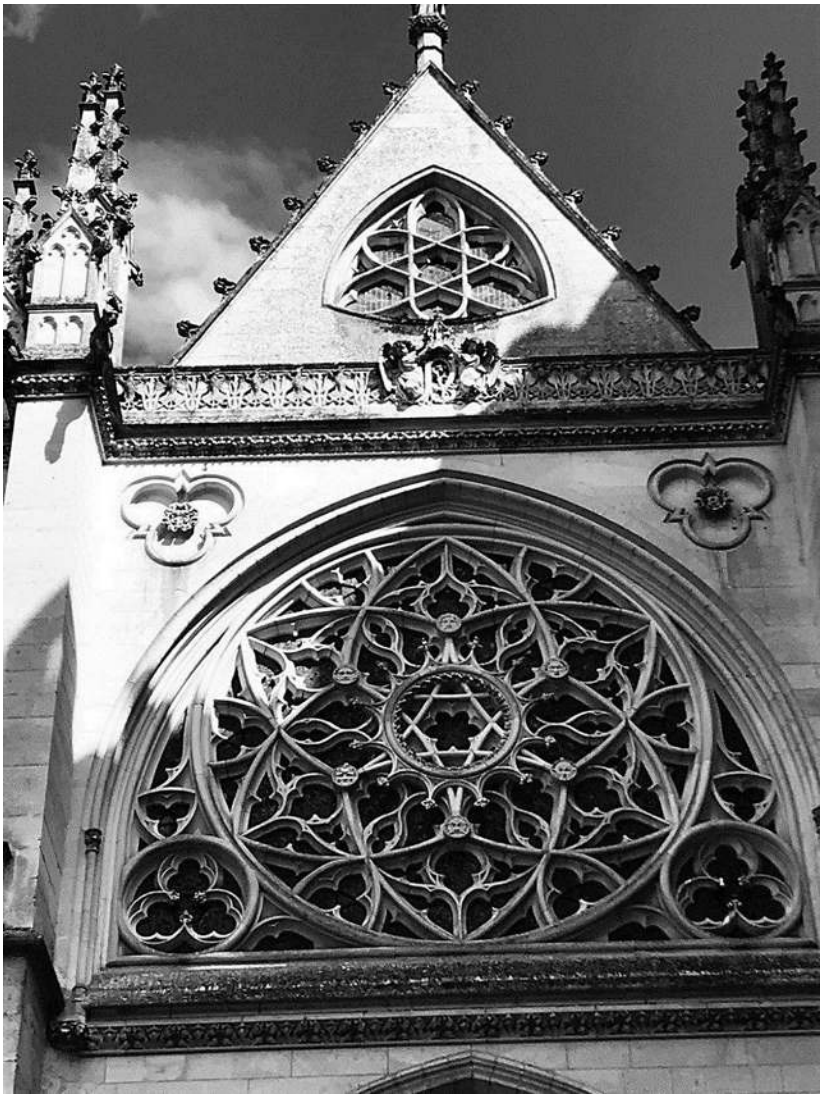
«Каждый алхимик представляет собой отличный от других числитель, поскольку он по-иному, то есть так, как присуще лично ему, преодолевает сей путь». Значит, возможно, всё не зря...

Вернемся к «окнам-розам», как названы они у Фулканелли. И слово «окно», и слово «роза» под неким углом могут рассыпаться радугой смыслов. Удивительно, размышляя над этими смыслами, ворвалась мысль про звезды, оказалось не просто так. Окно – возможность сквозь него заглянуть в мир звезд. Окно – возможность свету звезд пролиться сквозь него в наш мир. «Само по себе окно-роза обозначает действие огня и его продолжительность». «Иные из окон имеют символическое строение магической печати, они несут особый смысл, как бы подчеркивая свойства субстанции, отмеченной самим Создателем». Эта печать в виде шестиконечной звезды – печать Соломона.

Несколько строк из книги Э. Канселье «Алхимия»: «Символ магистерия совершенного, шестиконечная звезда, представляющее Естество как таковое». «Наше делание, – утверждает Лиможон де Сен-Дидье, – есть путь среди песков за звездой Севера, а не по следам отпечатанным на земле. Здесь идет столько людей, что все следы смешаны меж собою и все тропы переплелись, а потому неимоверно велика опасность заблудиться и пропасть в ужасных пустынях, утеряв истинный путь, и только возлюбленные Небесами мудрецы могут распознать, куда идти. (Письмо к Истинным ученикам Гермеса в Герметическом Триумфе)». «Печать Соломона или шестиконечная звезда есть знак Философского Камня в красном нераздельно соединяющего четыре стихии в каждом из равносторонних треугольников, будь он в обычном положении или вершиною вниз. Такое высшее согласие (harmonie) воссоединенного вещества может быть достигнуто только с помощью меркурия философов, первохудожницы Делания, обозначаемой древним пифагорейским пентаклем».

Шестиконечная звезда, состоящая из двух встречных равносторонних треугольников. Мощнейший символ, всё поле смыслов которого пока не под силу понять. Могу лишь уловить слабое дуновение на уровне разбросанных слов – равновесие, гармония, срединность, схождение света и тьмы, встреча рая и ада, смешанные, вопрошание и ответ, водопад и фонтан, слияние мужского и женского, да и нет. Звезда. Невозможно без ран. Ее углы подобны клинкам.

Ещё одна грань:



Фулканелли: «В символической иконографии звезда обозначает как зачатие, так и рождение».

Бёме: «Что рождение или тело звезд не меняется в своем престоле, как то было от вечности, это означает, что должно быть постоянное рождение, которое бы непрестанно вновь зажигало застывшее тело земли в однообразном, и, однако, бесконечном воздействии». «Они суть самое внутреннее и острое рождение, где все состоит в боях и борении, хотя и сердце Божие непрестанно рождается, и Дух Святой непрестанно исходит в исхождении жизни». «Но они получили свое возжение от вечной неумирающей воды жизни: ибо эта вода никогда не умирала в природе»».

Пьерфон выглядит и ощущается совершенно нереально, Твердыня покоя и неприступности. Общую структуру составляют огромные круглые Башни, их восемь и каждая носит имя Героя-Рыцаря (например, Башня Артура, Башня Александра Македонского, Башня Карла Великого и так далее). Наверное, одним из центров Замка является Часовня. Судя по всему, она посвящена Архангелу Михаилу, что логично, Он – Покровитель Рыцарства и связан с Гермесом.

В глубоком подвале со стрельчатыми арками собраны копии надгробий всех Царей Франции.

Словом, Пьерфон является и духовным завещанием и алхимической мечтой Виолле-ле-Дюка, сам Мастер изображён на фасаде Часовни в образе Святого Иакова, Пилигрима Компостеллы.

Этим сказано всё.

После окрашивания сиянием Пьерфона мы направляемся в следующую станцию Паломничества.

Сен-Кантен, городок небольшой и кроме приятной площади перед Ратушей, а также – Катедраль, здесь ничего особого нет.

Кроме, висения прозрачного настроения, будто сброшена котомка с плеч, дорога пропала, а вокруг – зелёная трава распахнутого поля.

Вдалеке – отражают невечерний свет заснеженные вершины гор...

Нет, в Сен-Кантене нету гор. Это равнина. Однако, дело в том, что всегда существует некий дубль того, что воспринимают врата чувств, и тогда, Око Центра Пентаграммы регистрирует то, что нормальные люди знают как не более чем способность фантазировать...

Walter le Duc arch

Главной Драгоценностью Сен-Кантена является Базилика с Лабиринтом 1495 года.

Снаружи – это Готический Храм со значительным вульгарным привнесением классицизма. Словом, экстерьер скорее никакой.

Собор достаточно высокий и среди более мелких зданий городка выглядит как некое вытесненное к Богу, удивление.

«Как же вы умудряетесь так жить?» – спрашивает Звезда посредством вознесённости этого Тампля.

Однако, внутри, Собор поражает. Он довольно заброшенный и видно, что старый, вспоминаются Тампли в Лизьё и в Туль... тем не менее, эта генеральная нереставрированность ощущается как аутентичность.

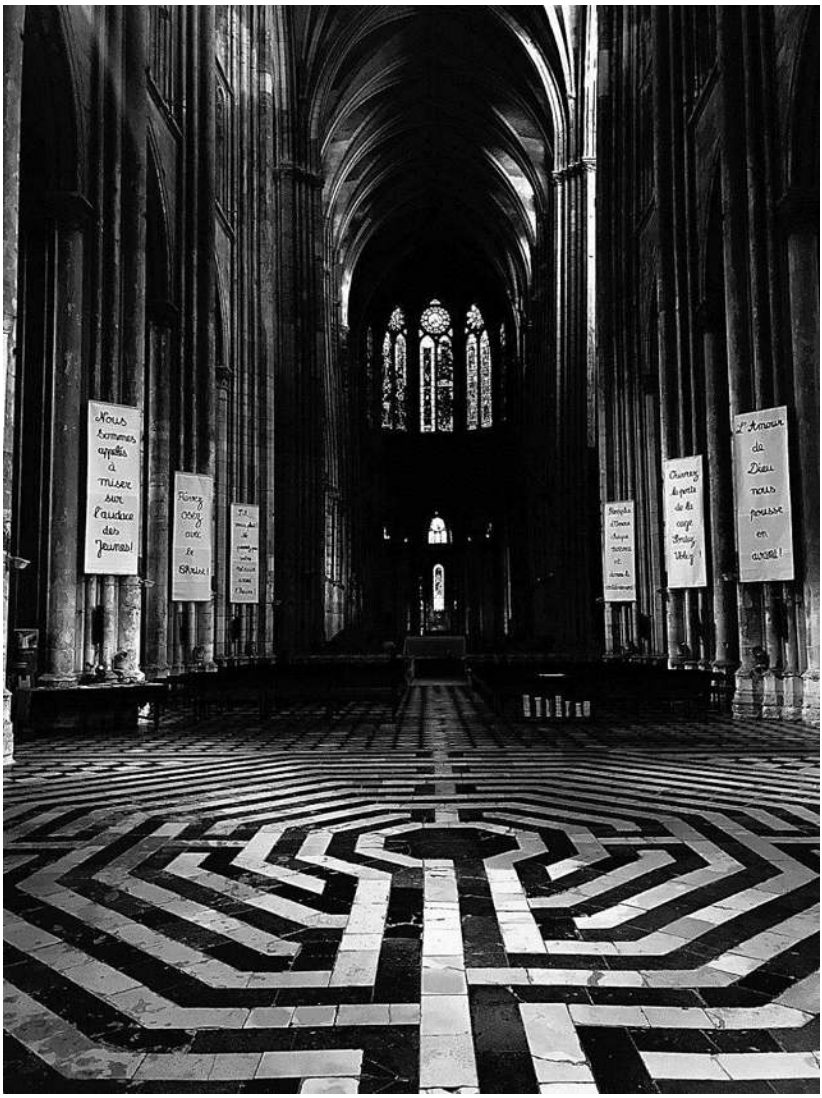
Храм стремительно высокий, колонны в Хорах ажурно вписываются в правду Копья Лонгина, а Лабиринт звучит Тайной исповеди Чаше Грааля.

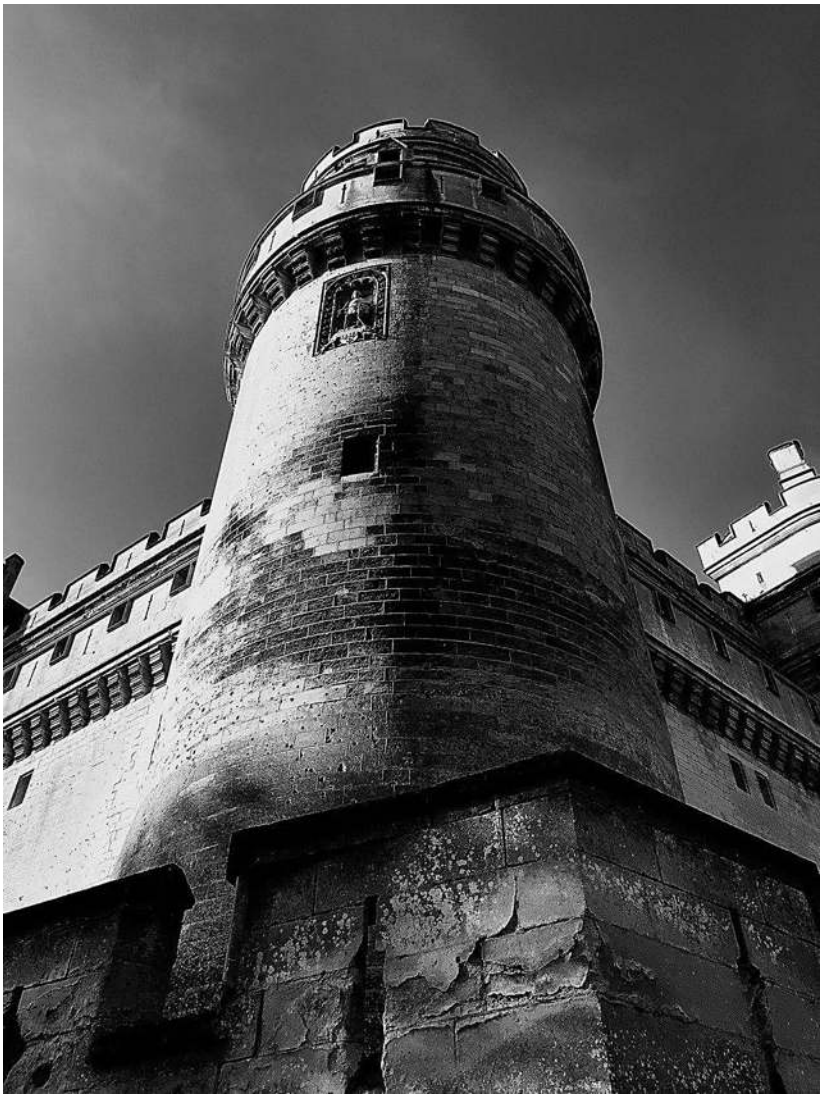
Здесь, как ни странно, главные точки стояния в Ритуале Трёх Проходов помечены Звёздами, что намекает на выход в Сферу Неподвижных Звёзд.

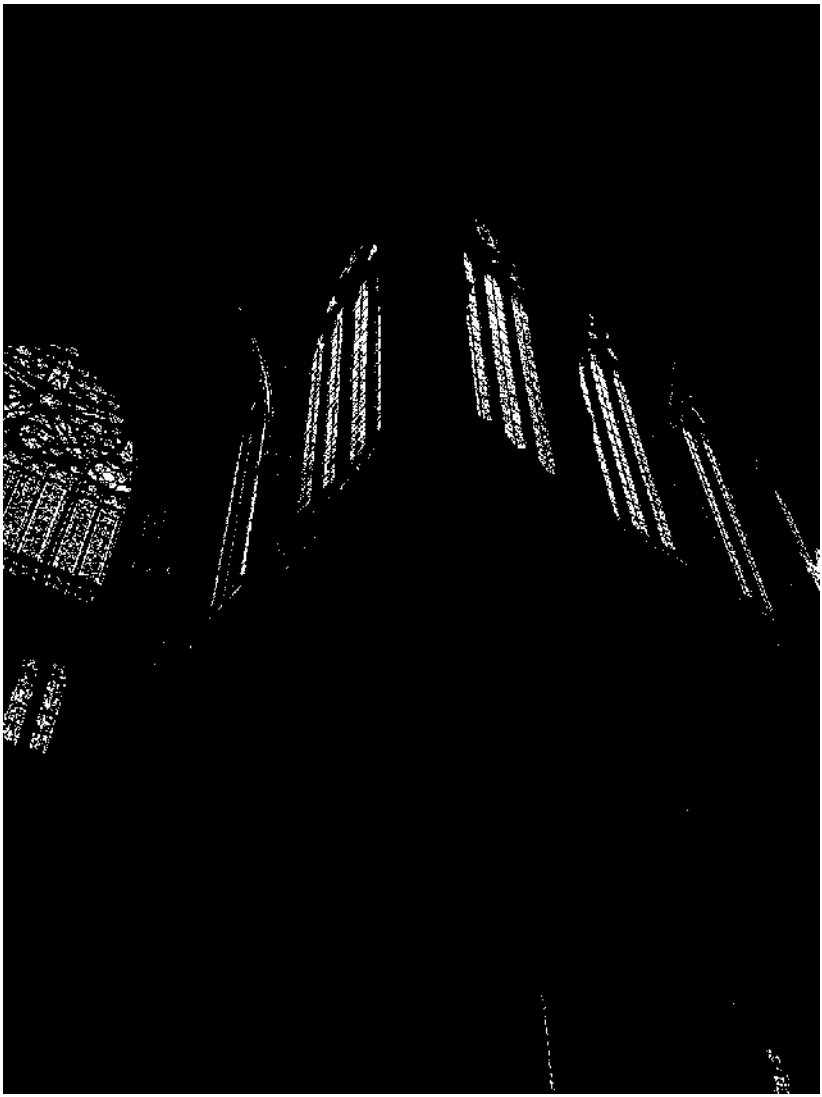
Ритуал происходит очень точно и длительно, Центральный Проход долго зависает в облаке Лабиринта. Идти в нём по чёрной линии и геометрия мужская, острая, не такая как в Нотр-Дам Шартра.

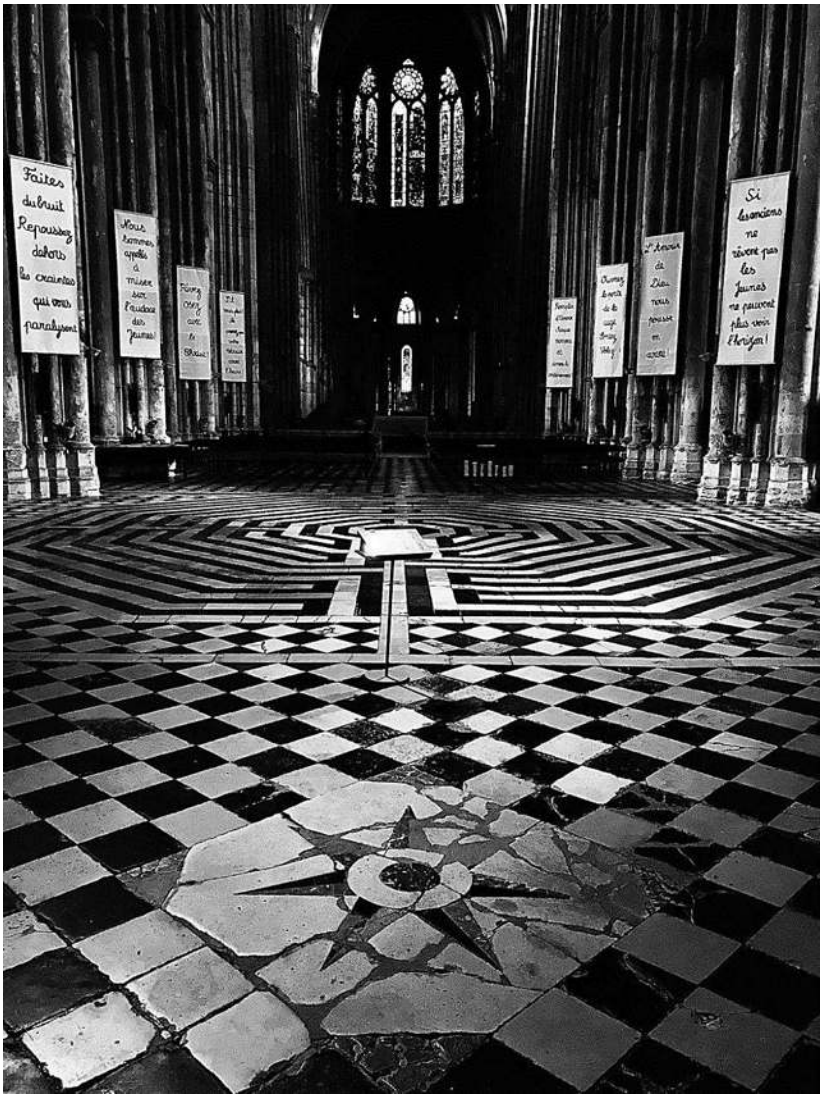
Из-за упомянутого Лабиринта в данном Храме хорошо увязывать некий опыт или – открывать новый.

Ночь похищает несильное ощущение грязности Сен-Кантена. Мир уходит к снам Звёзд. Ставни век надёжно закрывают изумруды глаз.


Nous sommes appelés à miser sur l'audace des jeunes!
L'Amour de Dieu nous pousse en avant!

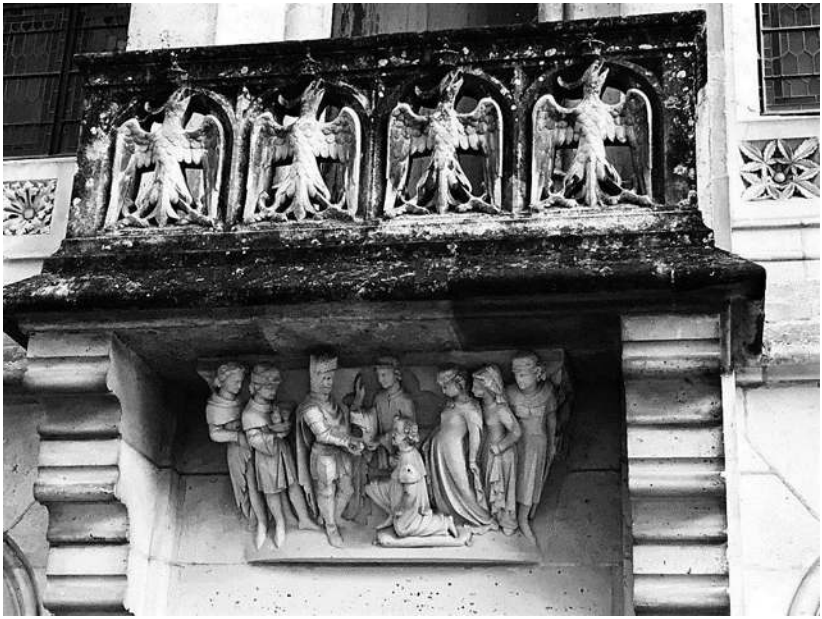


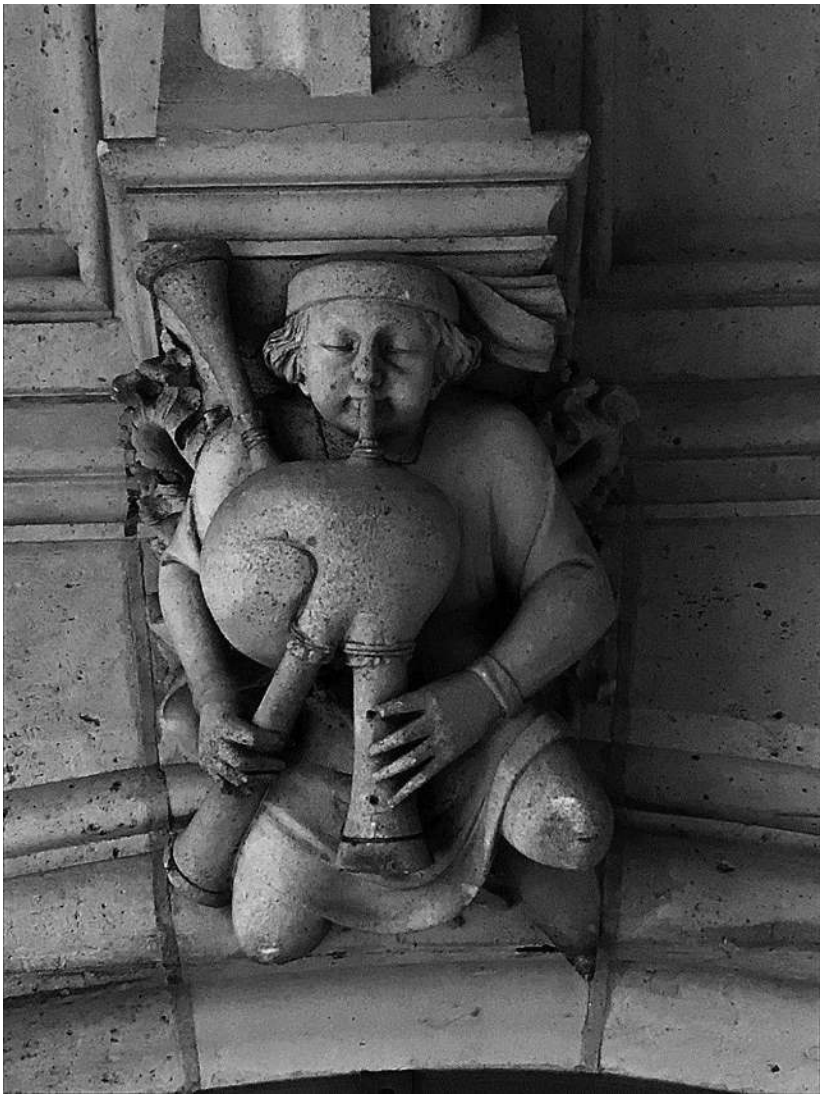


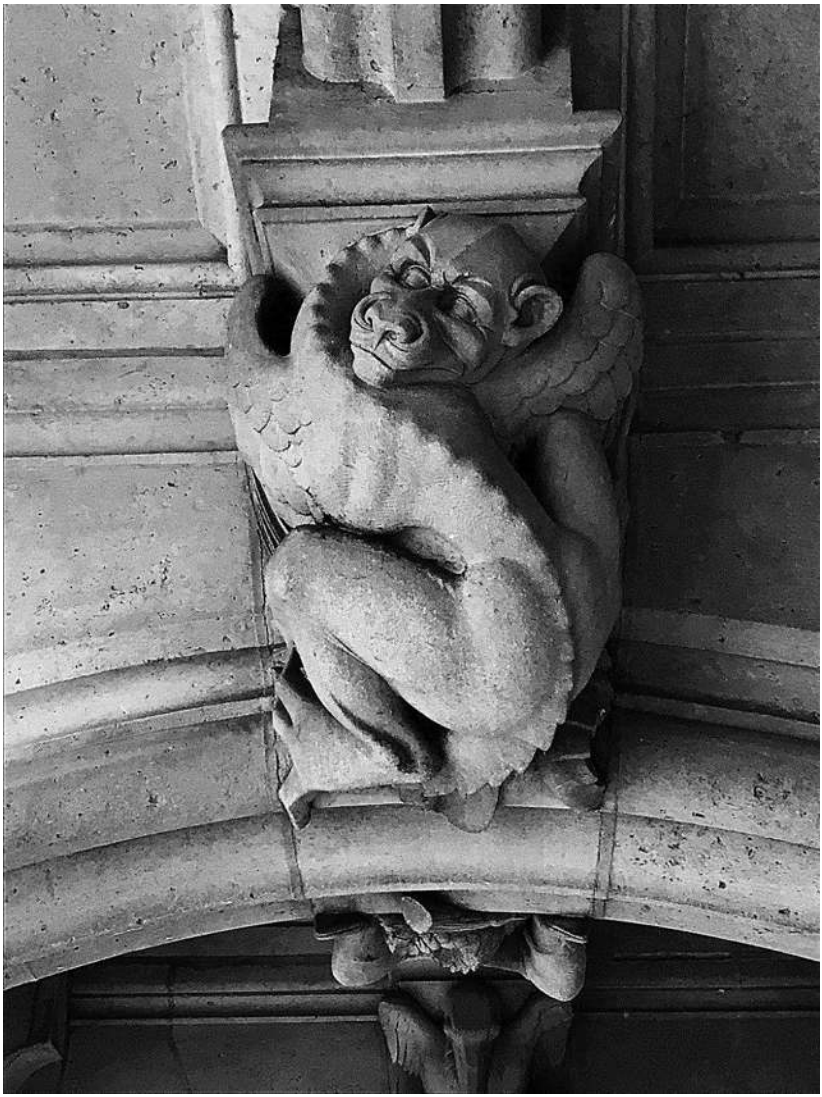

Faites du bruit Repoussez dehors les ennemis qui vous paralysent
Si les anciens ne rêvent pas les jeunes ne peuvent plus voir l'horizon !

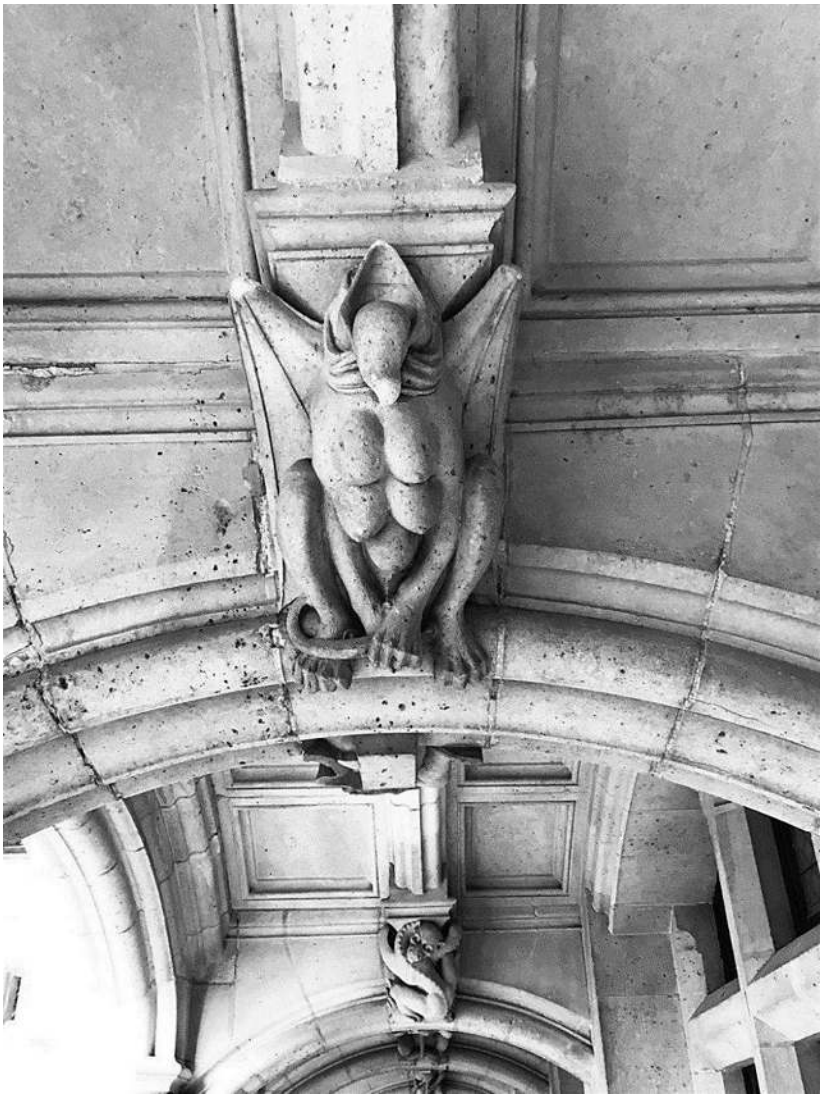
КАМНИ ПЬЕРФОНА: ПОСЛАНИЕ ВИОЛЛЕ-ЛЕ-ДЮКА.

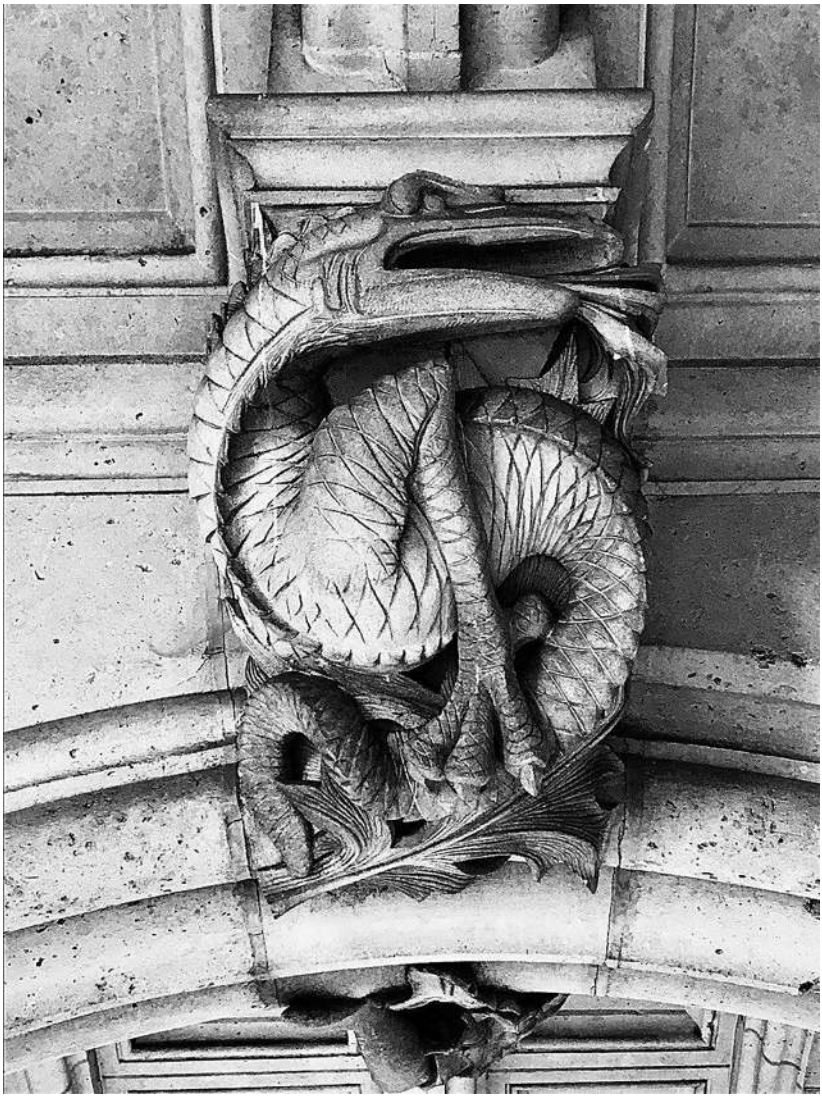
-7-

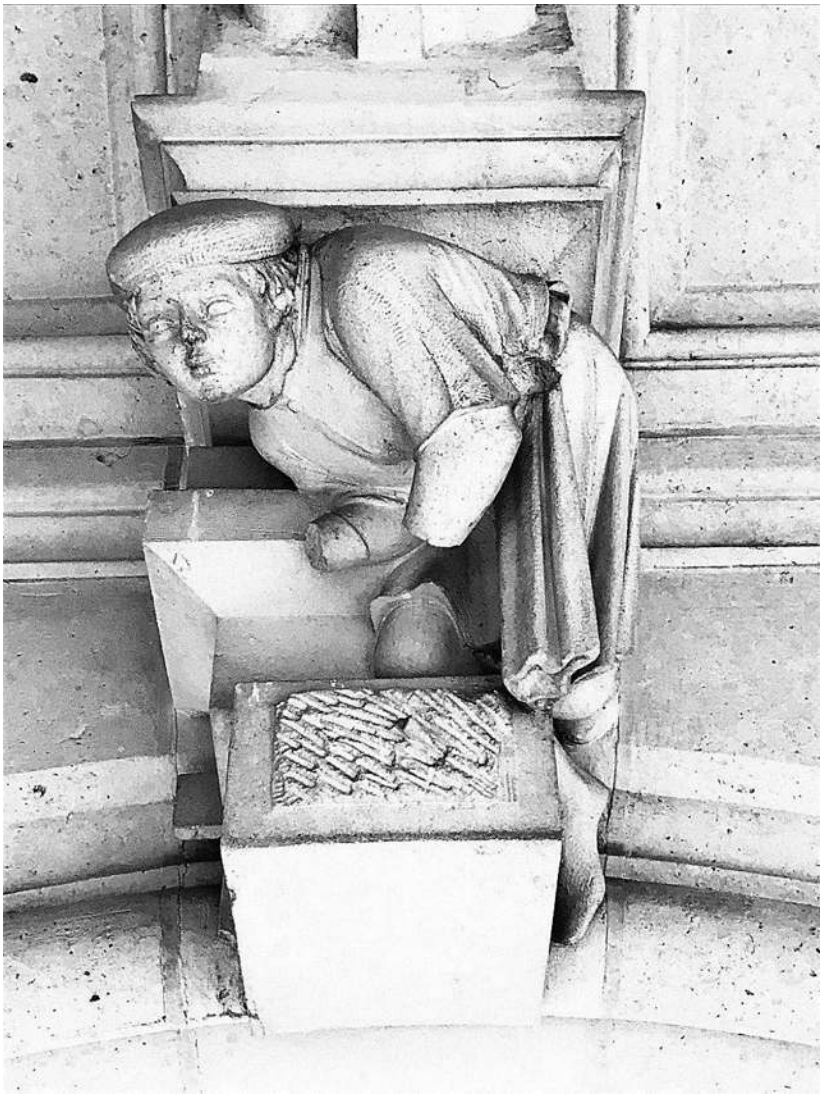


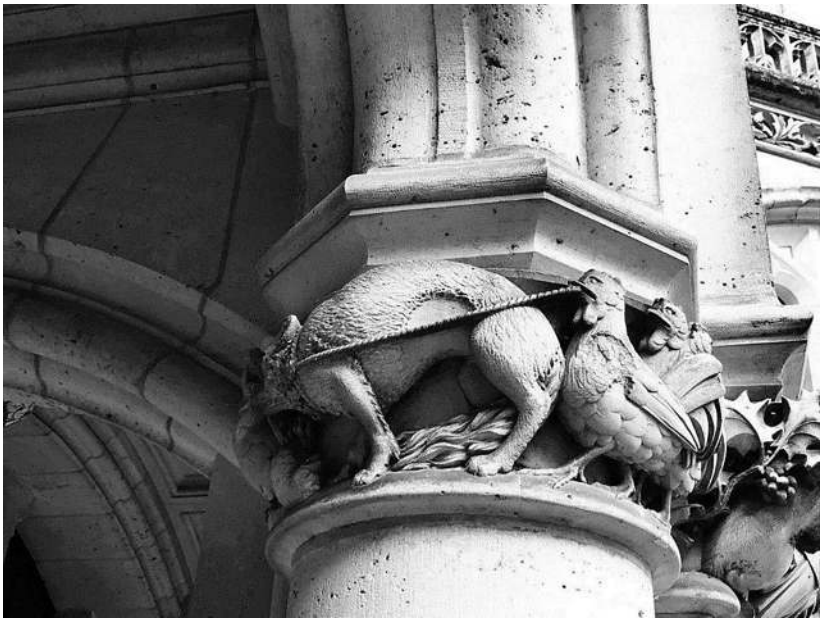


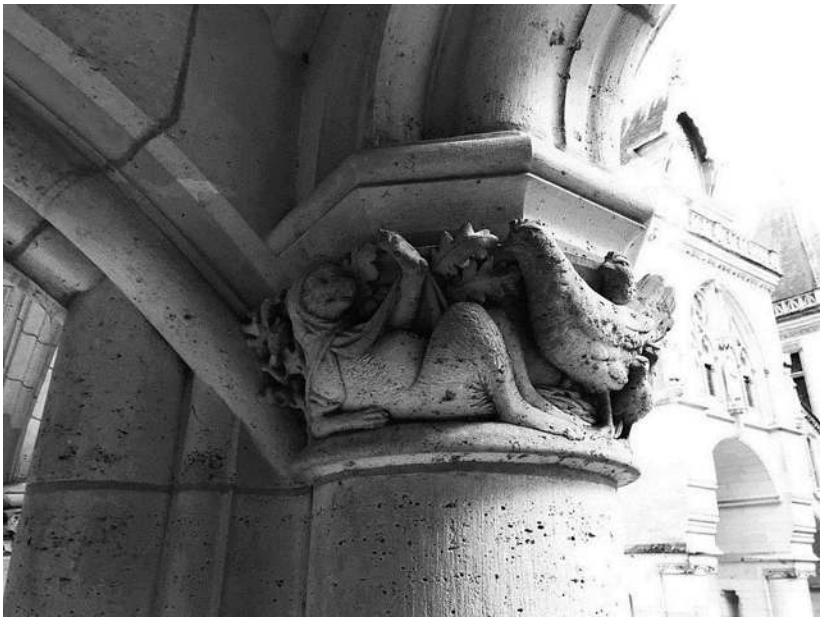


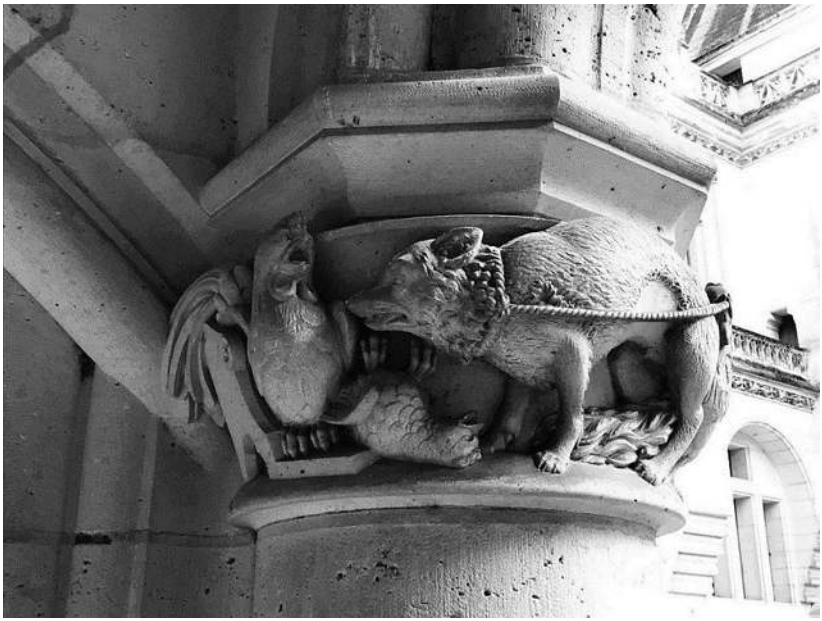


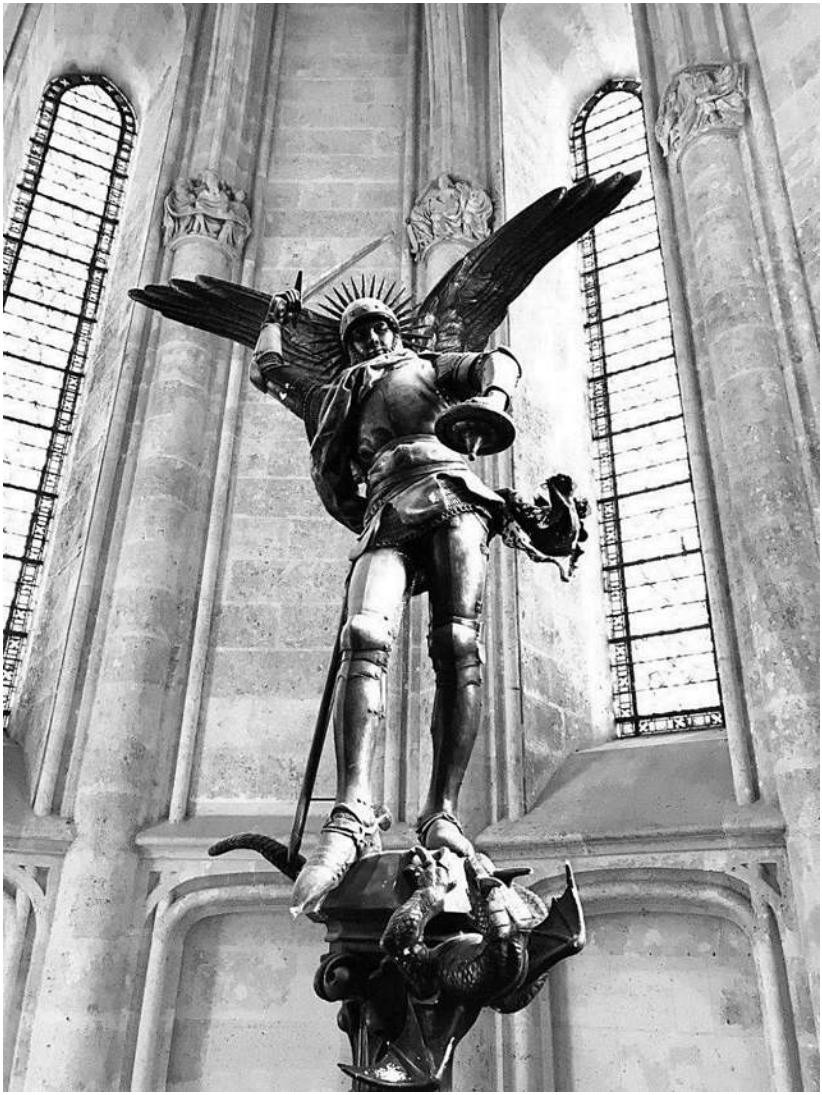


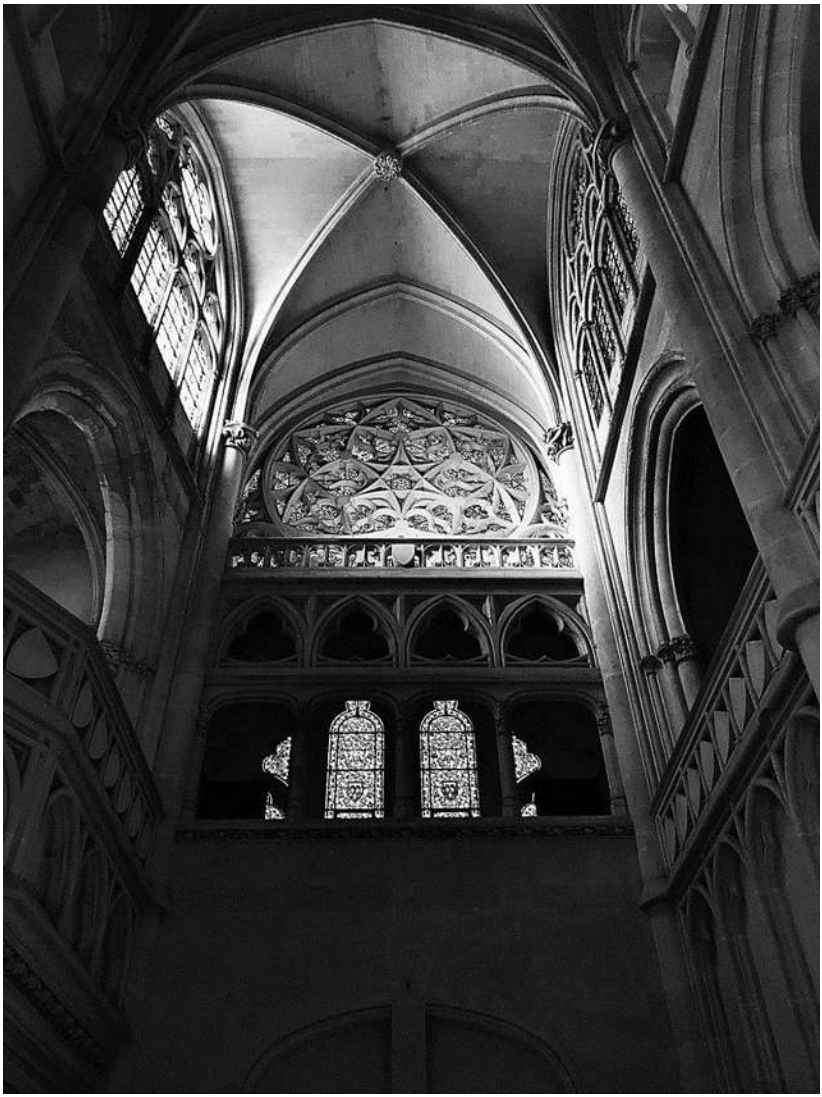


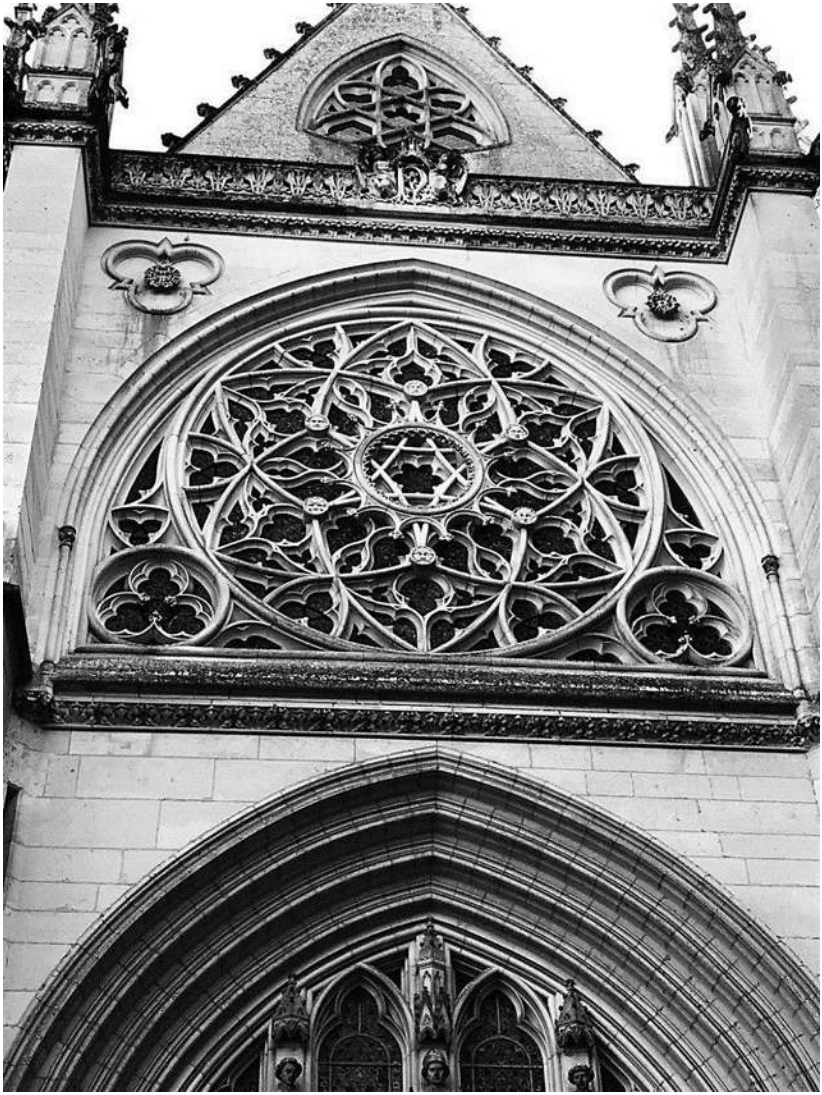












8
NOYON. MEAUX. ЭПИТАФИЯ PARIS.

Нуайон, по-французски NOYON, что весьма интересно, так как данное слово, мало того, что одинаково читается в обе стороны, ещё и центральная буква символизирует Андрогина. Две «N» можно воспринять как знак Молнии и Огня, две «О» – женский элемент охвата. Таким образом, всё очень точно, вплоть до того, что букв, пять. Две – Мужских, две – Женских, и одна – Эссенциальная.

Здесь, в этом городе, в 1509 году родилось Чудовище по имени Жан Кальвин.

Вот несколько выдержек из Википедии, касательно сути кальвинизма:

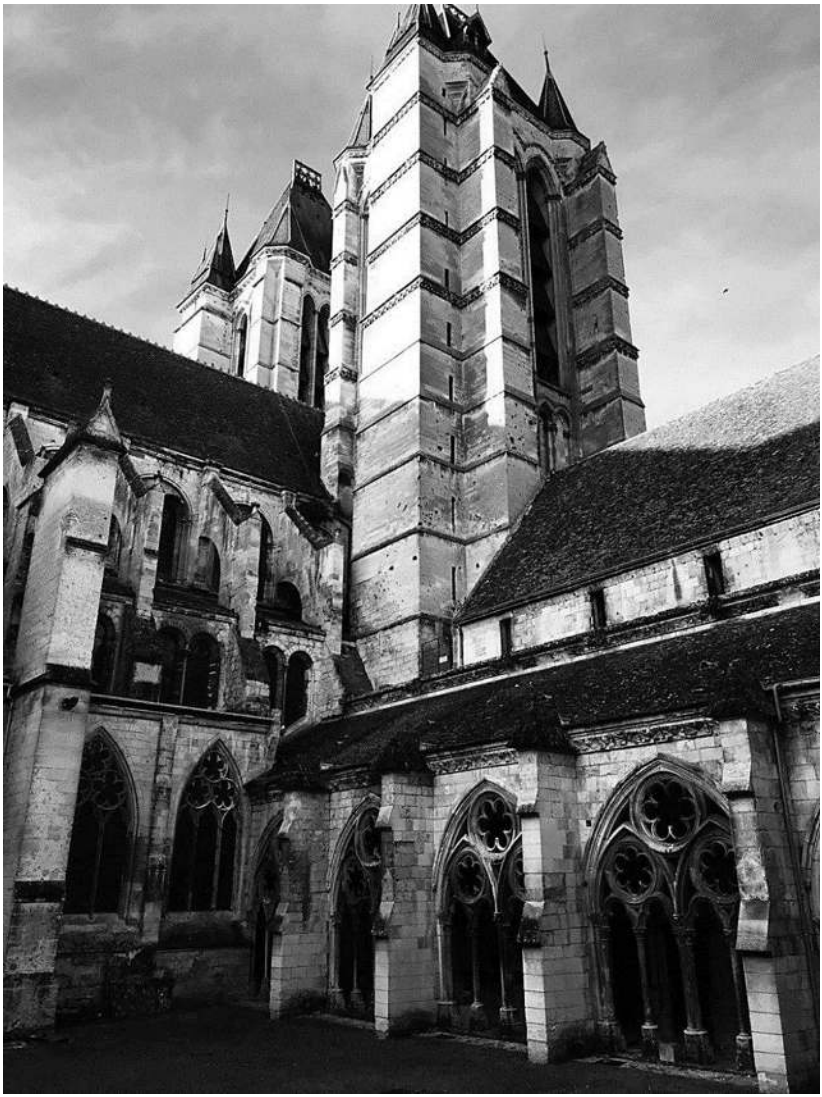
«Протестантская Реформация церкви по Кальвину характеризуется склонностью к рационализму и часто недоверием к мистицизму. Центральная доктрина кальвинизма, из которой рационально следуют все остальные доктрины – суверенитет Бога, то есть верховная власть Бога во всём.

С точки зрения Кальвина, от человека не зависит, принять дар благодати или противиться ему, так как это совершается помимо его воли. Вероятно, из лютеровских посылок он сделал вывод о том, что раз одни принимают веру и обретают её в своей душе, а другие оказываются не имеющими веры, то из этого следует, что одни от века Богом предопределены к погибели, а другие от века Богом же предопределены ко спасению. Это учение о безусловном предопределении одних к погибели, а других ко спасению.

Предопределение, по этому учению, совершается в Совете Божием, на путях Промысла Божия вне зависимости от волеизъявления человека, его образа мыслей и жизни».

(Википедия, статья «Кальвин, Жан»).

Добавим только, что избранный ты или нет, спасёшься или сгоришь в аду, в учении Кальвина можно определить по социальной успешности. Так, кальвинизм, создал все предпосылки рождения капитализма. Именно этот дух наполняет богатых и властных людей ощущением своей избранности, то есть, определённым сортом гордыни и высокомерия.



Вчитаемся внимательно в этот пассаж:

«Капитализм и кальвинизм.

Была ли связь между развитием бизнеса и религиозным рвением? Стремились ли воинствующие протестанты к капиталистической экспансии, пока реформа католицизма не воспрепятствовала им? Было ли неким совпадением то, что наиболее предприимчивые дельцы вышли как раз из протестантской Голландии и наиболее высокий индустриальный рост пришелся на протестантскую Англию? Обе страны были ярко кальвинистскими. Почему гугеноты добились таких успехов среди делового сообщества католической Франции? И почему протестантская Бранденбург-Пруссия под властью кальвинистского Великого курфюрста, единственная из княжеств Германии в XVII в., смогла добиться благосостояния? И почему католические Италия, Португалия, Фландрия, выдающиеся деловые центры до 1559 г., пришли в такой упадок к 1689 г., а Испания, самая агрессивная католическая страна того времени, переживала экономический коллапс?

Ученые спорят на эту тему в течение последних 60 лет, и безрезультатно. Немецкий социолог Макс Вебер начал эту дискуссию в 1904 г., когда вышла его книга «Протестантская этика и дух капитализма», в которой он доказывал, что различные ветви протестантизма – особенно Кальвин и его сподвижники – повлияли на рождение капитализма на протяжении XVI и XVII вв. Вебер заметил, что на протяжении Средних веков и Ренессанса было много мелких индивидуальных капиталистов, но он соглашался и с тем, что эти дельцы не были включены в общеевропейское экономическое сообщество. Он описывает дух капитализма как рационально просчитанное и высокосистематизированное стремление к доходу, в отличие от иррационального стремления к власти или величию. Вебер не находит черт этого рационального капитализма в дореформационных купцах-банкирах, таких как Медичи во Флоренции или Фуггеры в Аугсбурге. Он утверждал, что Медичи и Фуггеры были ужасно скупы в своих финансовых операциях. Они рисковали ради своего статуса, давали сомнительные займы королям и духовенству, тратили прибыли на проекты, меценатство или вкладывали их в имущество и жилье. Вебер связывает зарождение духа капитализма с мелким и средним купечеством XVI–XVII вв. в Англии и Нидерландах. Эти дельцы,

считает он, практиковали сдержанное, приносящее выгоды производство и просчитывали всю необходимую экономию для того, чтобы получать нормальный доход. В своей деловой практике они применяли этическое учение Кальвина. Вебер придавал большое значение кальвинистской идее о том, что любая профессия или занятость человека – это «зов» Бога. Если человек слышит этот призыв, то этот знак Бога приведет его к спасению. По мнению Вебера, кальвинистская доктрина предопределения воспитала в ее адептах внутреннее одиночество и внешнюю дисциплину, аскетизм и любовь к действиям. Энергия купцов-кальвинистов поднимала их над социальным классом. Они гордились своим презрением к роскоши и праздности аристократов и банковских принцев. Поддерживая Вебера, Р. Х. Тауней писал, что «Кальвин сделал для буржуа в XVI в. то, что Маркс сделал для пролетариата в XIX»».

(Данн Ричард, «Эпоха религиозных войн 1559–1689»).

Конечно, всё не так просто и однозначно, однако, магистральные линии неплохо понимать хотя бы для осознания, что и откуда пришло в собственную оперативность. Какие духи своей энергией обуславливают перекрёсток вашего выбора.

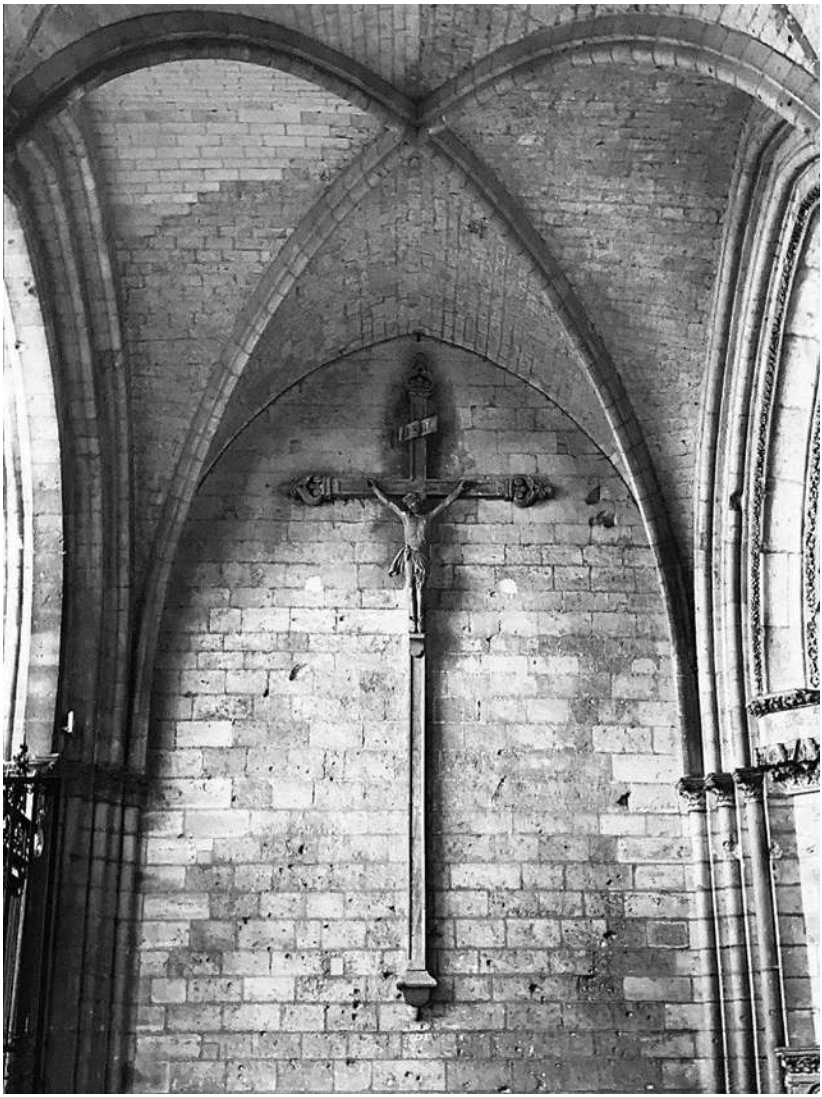
Собор в Нуайоне обладает двумя достаточно активными и симметричными Башнями Западного Фасада. Некие, Ворота Ровного Огня. Интерьер очень мягкий и похож на резную шкатулку, в которой сбалансированы и убранство и простота. Усиливают ощущение некоего лада, закругления апсид в конце крыльев трансепта.

Интерьер Храма в NoYoN очень точен, тщателен и элегантен. Если его наружность весьма сурова, похожа на братьев-Рыцарей в полном доспехе, то внутри – всё очень тихо, девственно и нежно...

... один из Принципов Опуса состоит в тотальной непрерывности.

Не отвлекаться, что бы ни случилось. Держать магистральную Линию.

Сохранять Огонь, хотя бы на уровне тления.



Миряне тем и отличаются, что из-за обусловленности телом, они позволяют обстоятельствам полностью руководить собою.

Раб реакций на обстоятельства – всегда жертва и расходный элемент для чужой плавки.

Одна из наших специфических непрерывностей – ежедневное Созерцание Романо-Готических Храмов.

Есть такое упражнение: Попробуйте этим заниматься хотя бы 10 минут в день. Каждый день. Хотя бы 100 дней подряд...

Взятие Ритма на себя...

Окрашивание и Инспирация...

Тут главный смысл – уловить настроение Храмов их частей и т. п. и носить в себе...

Как бы вариться в этом.

Стараться не отвлекаться. Так чтобы воспринятое настроение как бы входило в кости.

Следующий город – Мо, недалеко от Парижа. Он довольно грязный, суетливый и здесь уже много мигрантов.

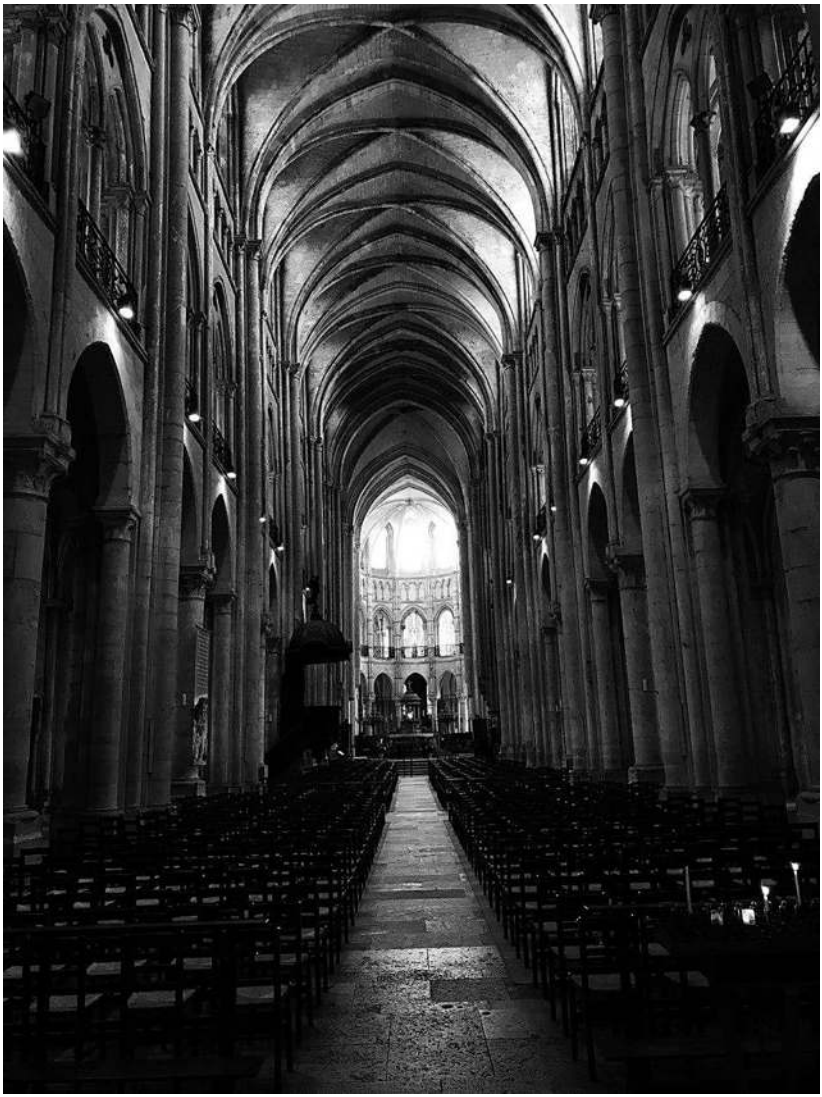
Храм закрыт на перерыв.

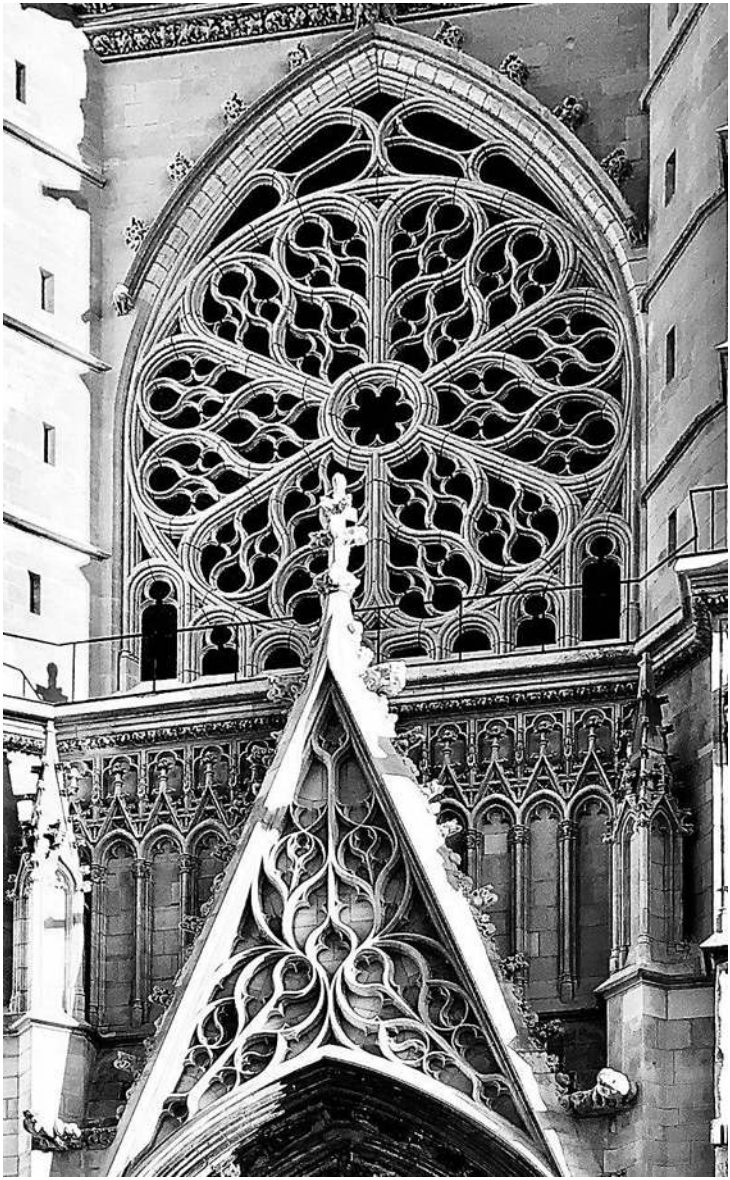
Ждём. Ходим вокруг, созерцаем Тампль. Он сильно пострадал: статуи Святых изувечены ещё в Революцию, у них нет голов. Само здание находится в активной фазе ремонта. Прекрасный Пламенеющий Фасад частично задрапирован тканью, но, всё-таки, хорошо просматривается ассиметричная динамика инициирующей на движение, Башни. Роза, три Трикуты Пламени камня с причудливым росчерком изгибов оного внутри.

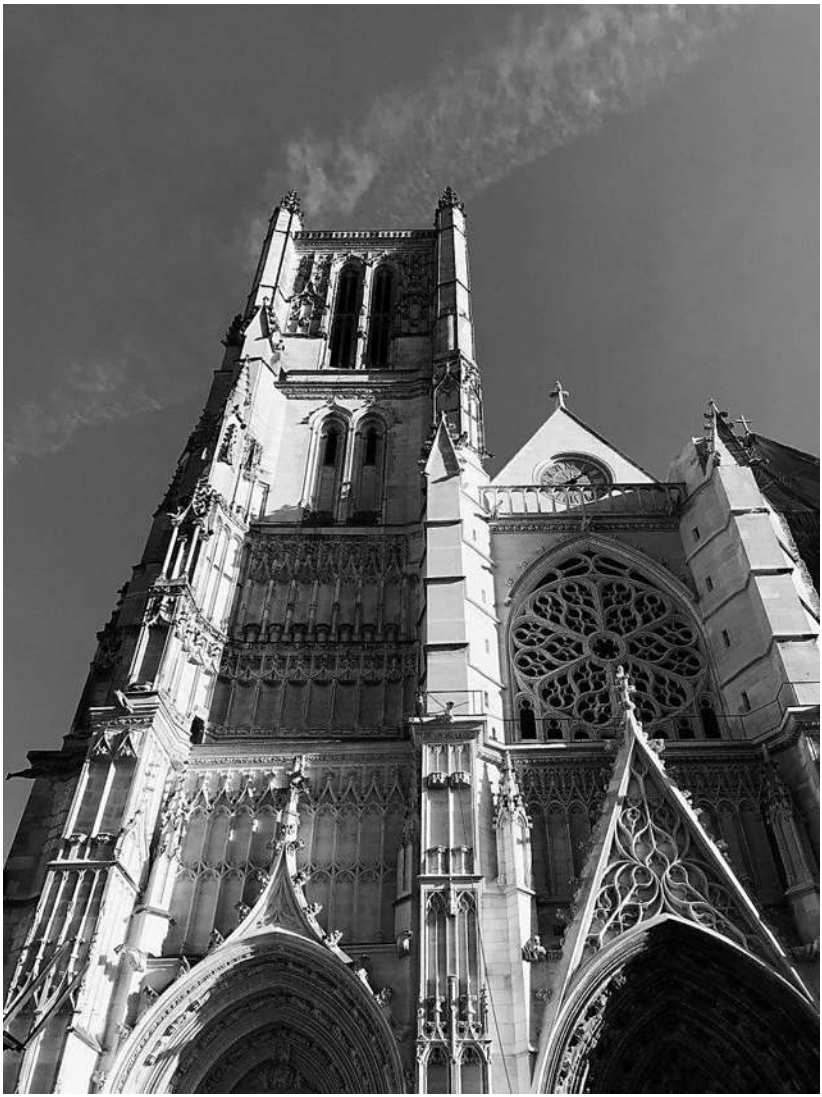
Интерьер Храма восхищает и выбрасывает в Небо. Внутри намного просторнее, чем могло бы показаться в начале; пять нефов, множество колонн, причудливо завитые нервюрные рёбра... всё это делает Тампль каким-то конкретно нездешним. Ты обнаруживаешь себя окончательно дома. Во Дворце. В восхищённой эльфийской Крепости. В волшебном Храме, сотворённом Рыцарями Грааля...

Париж. Приезжаем сюда как-то быстро. Безсоборный город буквально обрушивается на плечи.

Париж тяжёл.







Париж грязен.

И после Трагедии Нотр-Дам он утратил какую-то надежду и сущностное наполнение. Город просто кишит навями и демонами всех мастей. Суета. Множества снующих машин, велосипедистов и прохожих: будто сонмы тараканов на грязной кухне в старом доме. Как известно, Париж существует в своём дубле, подземной версии; похоже, её инфернальный аспект как раз и вытаскивают мигранты сюда, под Небо Луны...

Великая Революция продолжается. Материя готовится...

Миракль Парижа почти убит.

Качество, стоящее за словосочетанием Opus Magnum в мире артефактов, пожалуй, транслируют только Готические Соборы и Романские Аббатства. Всё остальное слишком мелко.

Соответственно, оператор, дерзнувший начать Opus Magnum, заявляется сотворить из своей судьбы Шедевр, не слабее упомянутых Тамплей.

Тем не менее, есть весьма прямое предупреждение:

«(4b) Потому пребывающие в знании не нравятся большинству и большинство им также не нравится; их считают безумными, их осуждают на насмешки, их ненавидят и ими пренебрегают, а порой даже убивают».
(«Высокий герметизм», перевод и примечания – Л. Ю. Лукомский, «Азбука», 2001, стр. 91).

А это, о людях. О народе. О гражданах в целом:

«(1a) Куда несётесь вы, люди? Вы пьяны, вы испили неразбавленного вина неведения, того, которое вы не смогли вынести, но уже изрыгаете его. Остановитесь, воздержавшись от него, взглянув ввысь очами вашего сердца, и даже если не все смогут этого достигнуть, но найдутся те, кто смогут».
(«Высокий герметизм», перевод и примечания – Л. Ю. Лукомский, «Азбука», 2001, стр. 83).

Париж полон пьяных.

Париж липкий от пота страха...

Где-то здесь скрывается Зверь.

В Сен-Сюльпис Тернового Венца нет, оказывается, его, в основном, сохраняют в Лувре.

Сен-Жермен-де-Пре красиво разукрасили. Состояние есть... зачем его было красить? Аскетизм простого камня куда лучше вдыхался душою.

Кальвин.

Эта фигура незримо стоит и за формулой современного мира, и за Французской Революцией, и за сожжением Нотр-Дам-де-Пари.

Этот великий нелюдь оставил исключительно мощный след в истории. Его опус, фактически, почти добил Средневековую Формулу и породил новый мир. Капитализм, как форма оперативной Чёрной Магии, есть прямое следствие деятельности Кальвина.

«Американская мечта» и сама специфика Системы американского типа, пожалуй, на процентов 50, следствие кальвинизма...

Социал-дарвинизм, также, как это ни странно на первый взгляд, исходит отсюда.

Страшнейшая эксплуатация богатыми бедных, сама форма сознания, где богатые и «социально успешные» считают (даже, скорее, вне сомнений ощущают) себя некой богоизбранной элитой, питаются идеями Кальвина.

Интересно то, что Кальвин был рабом концептуальных структур ума, он всецело отбрасывал Мистику, как таковую. На этом примере видна вся степень крайней опасности двойственного ума, пусть даже, всецело обращённого к Богу. Насколько приватизация Бога посредством концептов выливается в нечто, всецело лишённое Сердца. Насколько только лишь дисциплина заповедей кончается концлагерем для стада с промытыми напрочь мозгами...

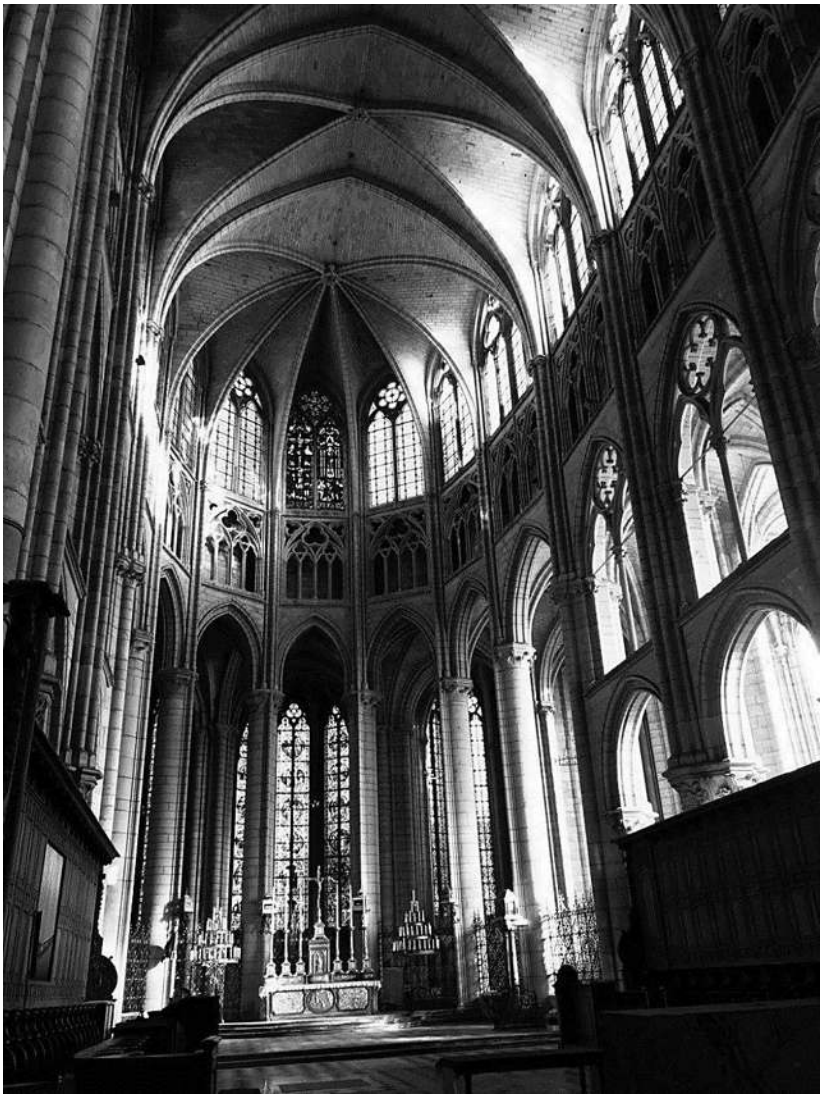
Париж потерял главное.

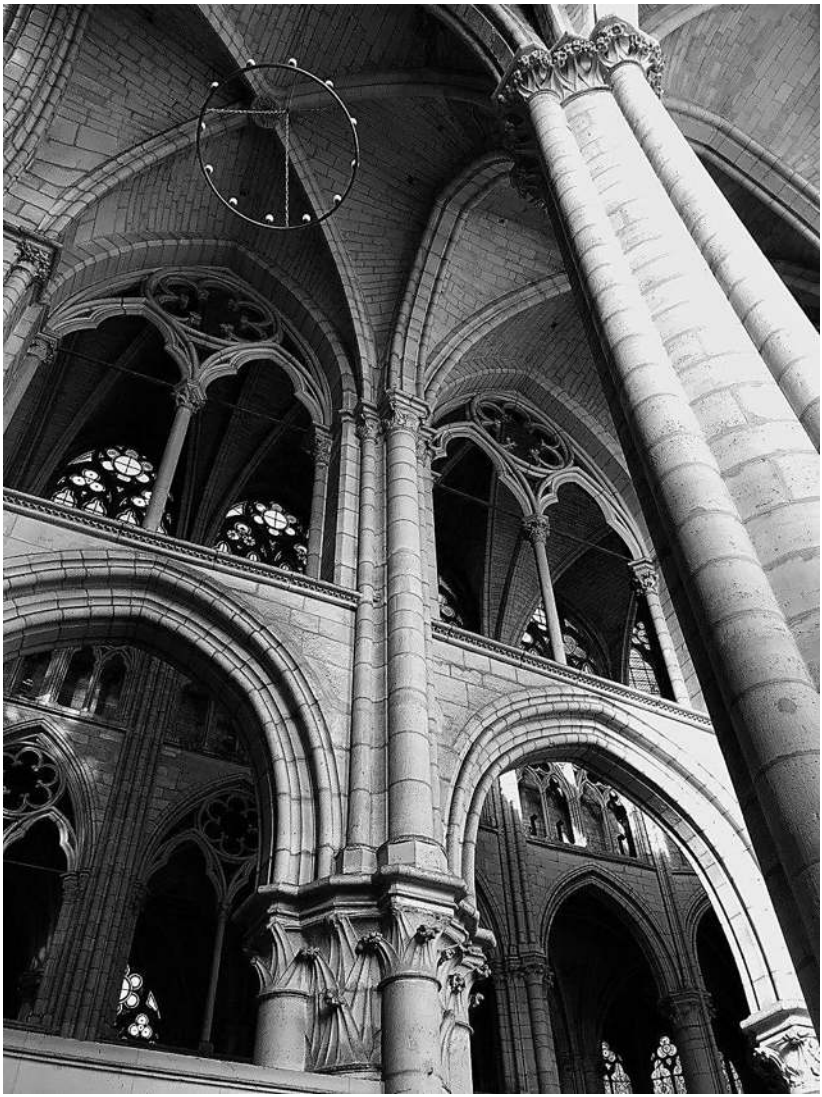
Париж лишился своего Корабля и векторного смысла.

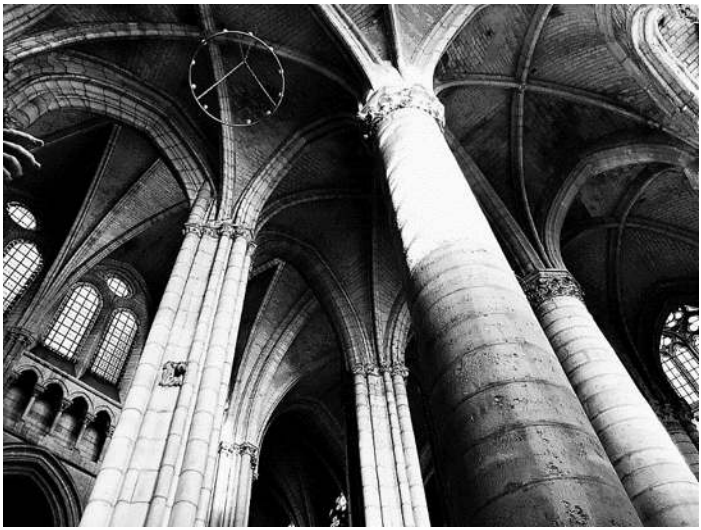
Его, как в своё время Святого Дионисия, казнили. Только с той разницей, что никто не взял свою осечённую голову в руки и никуда не пошёл.

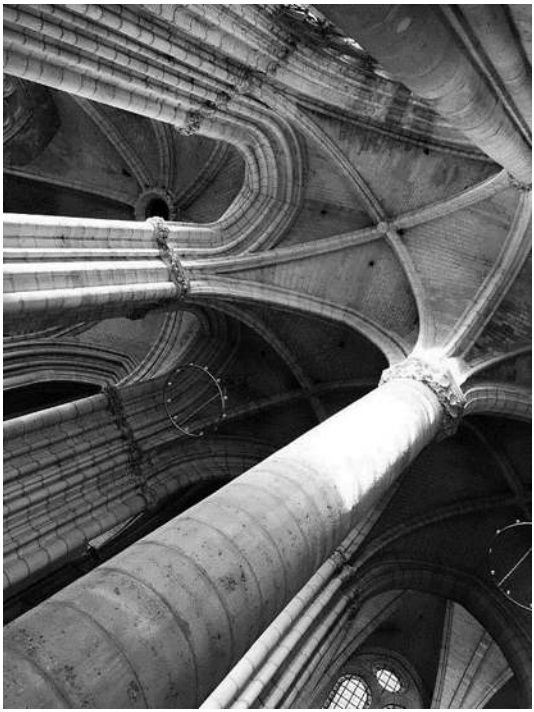
Эйфелева башня восторжествовала: она впрыснула металл Нижних Миров сюда, ибо уже ничто не мешало.

Утро последнего дня этого Пилигримажа. Как и в первый день идёт дождь. Грустный серый прямовисный дождь. Он смывает









грязь и усталость. Оставляет в попранном Париже множество луж, они отражают свинцовое небо.

Похоже, демиурги готовят Париж к новому циклу операций Великой Революции. Наконец, революционная сволочь совершила то, что так долго не рисковала: практически уничтожила главную Святыню одного из важнейших городов человеческого Измерения. Отсюда уходит не только Учение Христа, здесь всё ближе ситуация к вылепке принципиально новых големов.

Последний визит этого Пилигримажа в Храм. В Святую Капеллу. Сотворяю Опус Вдыхания Света...

Дождь...

Перелёт.

Снова моя комната. Книжные шкафы. Два Кота...

Зима. Вечер.

Теплится мягким Светом Икона, купленная в Трирском Соборе. На ней изображён бесшовный Хитон Господа и ключевые события Его Опуса.

Молчание. Оно повисло.

Увязывание. Прихождение к Золотой точке, через распахнутость всесторонь.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ 1.

1. ВРАТА МАРТИНА. РАЗВИЛКА И ОТСЕЧЕНИЕ.
МИСТЕРИЯ КАПЕЛЛЫ. КРИК МЕЛЮЗИНЫ.....3
2. ЛИОН. STELLA MARIS И УСПОКОЕННЫЙ ЛЕВ.
ПРОБЛЕМА ХОЛМА ФУРВЬЕР. 14
3. КЛЕРМОН-ФЕРРАН. КЛЮЧ И ДВЕРЬ.....40
4. ПЕРИГЁ. МИСТЕРИЯ УЛИЦЫ.....49
5. БОРДО – ГОРОД КОНТРАСТОВ.
ХРУСТАЛЬ НА ГРЯЗНОМ БЕТОНЕ. 67
6. АНГУЛЕМ: БОРДО НАОБОРОТ. УХОД ПЕРЕДАЧИ.....84
7. ПОЧТИ ЭПИТАФИЯ ХРАМУ. 94
8. ГЕРМЕТИЧНОЕ ЧУДО ПУАТЬЕ. КАРЛ МАРТЕЛЛ.....100
9. БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ. МЕЧИ В МЕЧИ. ГЛАЗА В ГЛАЗА. 107
10. БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ: РЫЦАРСТВО РОЖДЕНО.....121
11. ПУАТЬЕ – ТУР. КОНТУР СВЯТОГО МАРТИНА. 129
12. ВЕЛИКИЙ ПРЕДЕЛ ФРАНЦИИ. ОРЛЕАН.
ЖАННА Д'АРК. 148
13. «БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ...». ЛЕ МАН.
ПРЫЖОК В ПРОПАСТЬ. 166
14. ОТСЕЧЁННАЯ ГЛАВА ПАРИЖА. НОВЫЙ КРЕСТ. 190

ЧАСТЬ 2.

1. LS ПРОЯВЛЯЕТСЯ В ТАБЛИЦАХ. В КЁЛЬН.....201
2 ФЛАМБЕРГИ КЁЛЬНА. 211
3 ТРИР: РОЗА И КРЕСТ.
МЕЦ: ТЕРРИТОРИЯ ЕДИНОРОГА.....233
4. ТАЙНОПИСЬ КАТЕДРАЛЬ МЕЦА. 245
5 ТУЛЬ: МИСТЕРИЯ «Т». РОЗА НА КАМНЕ (Л'ЭПИН).
ЦАРСКИЙ АТАНОР РЕЙМСА. 271
6 ПЬЕРФОН: КАМЕНЬ ВИОЛЛЕ-ЛЕ-ДЮКА.
ЛАБИРИНТ СЕН-КАНТЕНА.....294
7. КАМНИ ПЬЕРФОНА: ПОСЛАНИЕ ВИОЛЛЕ-ЛЕ-ДЮКА. 313
8 NOYON. MEAUX. ЭПИТАФИЯ PARIS. 371